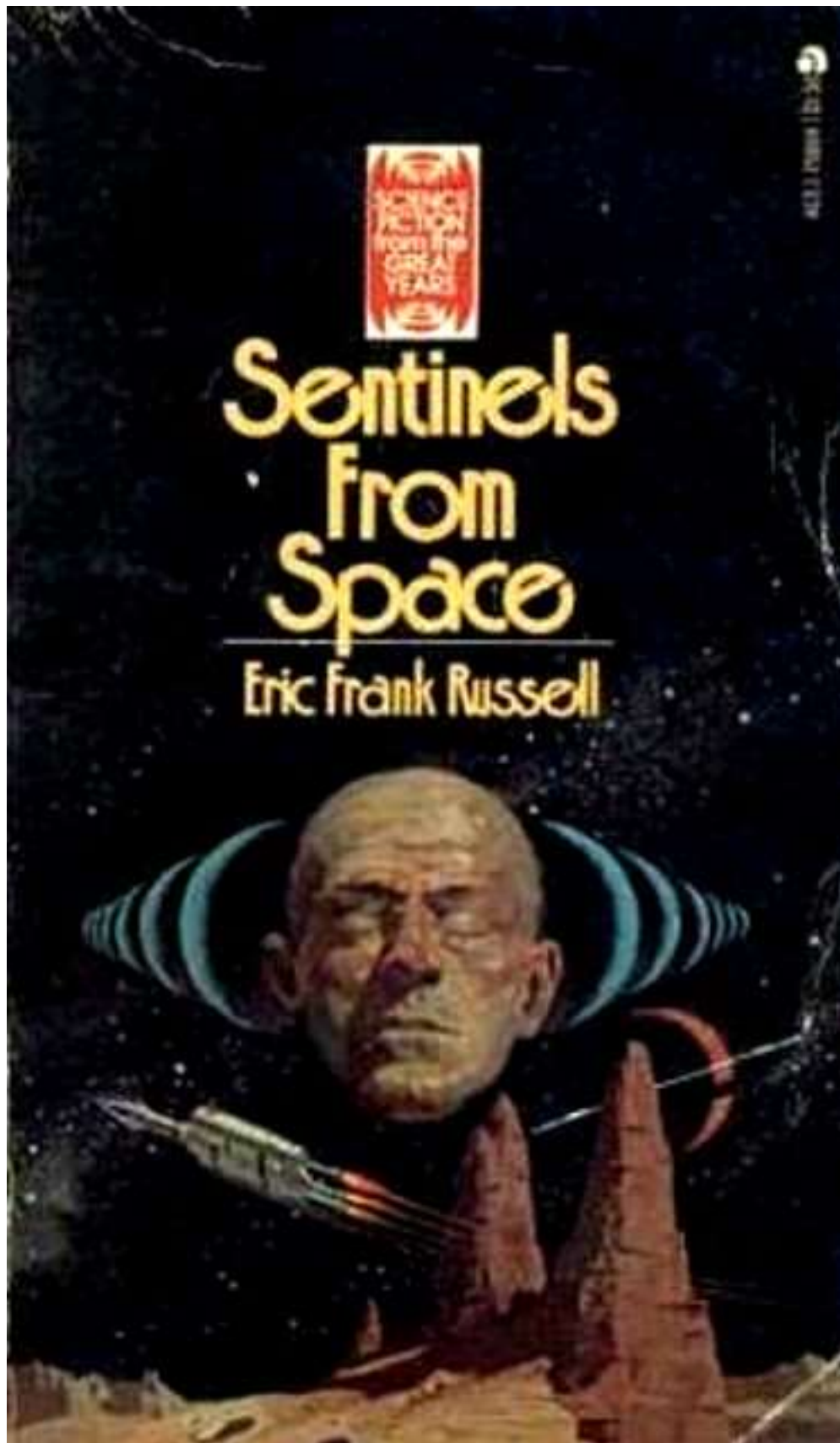

Эрик Фрэнк Рассел

Часовые вселенной

Глава 1

Всемирный Совет в полном составе напряженно ждал. Наконец дверь открылась и в зал кто-то вошел. Незнакомец уверенно направился к столу, за которым обычно заседали члены Совета.

Совет состоял из двенадцати человек. Это были седовласые, умудренные жизнью люди. Прожитые годы и огромный жизненный опыт наложили отпечаток на их лица. В полном молчании, с суровым выражением члены Совета наблюдали за вошедшим. И это ожидание, и пристальные взгляды, и шарканье ног по ковру, и почти нескрываемое беспокойство – все говорило о том, что происходит нечто из ряда вон выходящее.

Подойдя вплотную к огромному, в форме подковы, столу, незнакомец остановился и спокойно, без тени смущения, стал рассматривать одного за другим всех членов Совета. Крайним слева сидел неряшливого вида старик, а замыкал эту цепочку толстый, обрюзгший человечек. От этого пристального изучения настроение у присутствующих испортилось еще больше. Некоторые в растерянности начали ерзать на своих местах, словно люди, потерявшие веру в самих себя. И каждый из этого собрания испытывал облегчение, когда инквизиторский взгляд незнакомца переходил на его соседа.

Наконец вошедший вновь посмотрел на сидевшего во главе стола человека, похожего на старого льва. Это был Освальдо Керати, президент Совета. Глаза незнакомца засверкали каким-то серебряным блеском, когда тихим и мягким голосом он сказал:

– Капитан Дэвид Рейвен прибыл по вашему приказанию!

Откинувшись на спинку стула, Керати вздохнул и сосредоточил свое внимание на огромной хрустальной люстре, свисавшей с потолка. Трудно было понять: то ли он собирается с мыслями, то ли таким образом избегает взглядов коллег, которые уставились на него в ожидании того, что он скажет. Помимо всего прочего, для них это был лучший способ не смотреть на Рейвена. Никто из них не испытывал никакого желания поближе с ним познакомиться, как, впрочем, и становиться объектом его наблюдений.

Нахмутив брови и не отводя взгляда от люстры, Керати нехотя выдавил:

– Мы находимся в состоянии войны!

Весь Совет продолжал молчать, ожидая развития событий. Напряжение ощущалось почти физически. Керати продолжил:

– Я попросил вас прибыть сюда потому, что у меня не было другого выхода. Спасибо за то, что вы откликнулись на мою просьбу.

– Да, сэр, – невпопад ответил Рейвен.

– Мы находимся в состоянии войны, – с некоторым раздражением повторил Керати. – Вас это не удивляет?

– Нет, сэр.

– А должно бы было удивить, – вмешался в разговор один из членов Совета, сбитый с толку невозмутимостью этого человека. – Мы находимся в состоянии войны уже восемнадцать месяцев, а только сейчас установили этот факт.

– Позвольте мне изложить суть дела, – прервал коллегу Керати, как бы давая понять, чтобы ему не мешали. На какое-то мгновение его глаза встретились с глазами Рейвена, и он спросил: – Вы действительно знали это или просто подозревали?

Внутренне улыбнувшись, Рейвен ответил:

– Для меня с самого начала было совершенно очевидно, что рано или поздно мы окажемся в подобном положении.

– С начала чего? – вмешался толстяк с правого края стола.

– С тех пор, как мы пересекли межпланетное пространство и начали осваивать другие миры. – И совершенно невозмутимо Рейвен добавил: – Война стала неотъемлемой частью вновь возникших обстоятельств.

– Вы хотите сказать, что мы в чем-то ошиблись?

– Никоим образом. Просто за прогресс приходится платить. Рано или поздно он предъявляет нам счет...

Такой ответ не удовлетворил членов Совета. Они оказались неспособны следовать его логике мышления, когда от предпосылок он сразу перешел к выводам.

Керати вновь заговорил:

– Сейчас нам нет дела до прошлого. Мы, ныне живущие, уже не можем на него повлиять. Поэтому в данный момент наша задача – решать проблемы настоящего и ближайшего будущего. – Погладив отдающий синевой подбородок, он продолжил: – Проблема номер один – это война. Венера и Марс атакуют нас, и официально мы не можем противопоставить этому ничего, называя войной то, что официально не является войной.

– Какие-то разногласия? – спросил Рейвен.

– Действительно, началось с них. Но сейчас разногласия переросли в нечто большее. Оппоненты от слов перешли к делу. Без какого-либо формального объявления войны, публично заявляя о нерушимой дружбе и братстве, они постепенно переводят свою политику на военные рельсы. Хотя вряд ли этот термин точно передает суть происходящего. Они проводят в жизнь эту политику вот уже восемнадцать месяцев, а мы только сейчас осознали, что нас постоянно и жестко атакуют. Так дальше продолжаться не может.

– Все войны имеют особенность затягиваться, – прокомментировал Рейвен.

Присутствующие сочли это замечание основательным, доказательством чего явился шепот одобрения, прокатившийся по залу. Два члена Совета украдкой посмотрели прямо на Рейвена.

– Хуже всего то, – между тем с болью в голосе продолжил Керати, – что мы сами себя загнали в подобное положение и нет способа выбраться из него. По крайней мере официально. Каково, в таком случае, решение проблемы? – И не ожидая каких-либо предложений, сам же и ответил на свой вопрос: – Мы должны действовать неофициально!

– А мне уготована роль козла отпущения? – со злостью в голосе вмешался Рейвен.

– Увы, – подтвердил Керати.

На то время, пока Рейвен и члены Совета погрузились в свои собственные мысли, в зале воцарилась тишина. Совершенно очевидно, что для беспокойства были серьезные основания. Да, в прошлом было много войн, но это были земные войны.

Конфликт между мирами – это было нечто новое, неизвестное. Он создавал невиданные ранее проблемы, при решении которых нельзя было применить уроки прошлого. Более того, это был новый способ ведения войны с эффективным использованием новейшего оружия и техники, о которых и слышать не слышали. Все это, вместе взятое, создавало проблему, несравнимую с чем-либо в прошлом. И кроме констатации грустных и жестких фактов действительности, нечем было встречать угрозу.

Наконец Керати суровым голосом прервал молчание:

– Человек разумный как биологический вид нашей с вами крови и плоти уже давно колонизовал Венеру и Марс. Они наши дети. К сожалению, у них другая точка зрения. Они считают себя достаточно взрослыми и независимыми, чтобы делать то, что им заблагорассудится, путешествовать туда, куда захотят, прилетать на Землю, как только этого пожелают. В течение последних двух веков они постоянно выражают желание иметь свое собственное правительство. Под тем или иным предлогом мы постоянно им отказывали в удовлетворении этого желания. Мы говорили им, чтобы они успокоились, подождали. – Керати вновь глубоко вздохнул. – И вот вам результат...

– И каков же он? – с улыбкой подхватил Рейвен.

– Мы оказались между молотом и наковальней. И любой из вариантов не очень приятен для нас, потому что, не имея собственного правительства, марсиане и венериане остаются гражданами Земли, официально и законно пользуясь наравне с нами всеми правами и являясь частью нашего общего Мира.

– И что из этого следует?

– А это означает, что они могут приехать сюда когда захотят и оставаться здесь сколько им нужно. – Выражая свое раздражение, Керати при этом бил ладонью по столу. – Они могут войти в дверь, которая всегда открыта настежь, до кончиков ногтей одержимые преступными идеями вроде саботажа или еще чего-нибудь похуже. И мы не можем им помешать, не можем запретить прилет, не придав им статуса иностранцев. А этого они как раз и добиваются. Но мы не допустим!

– Сожалею, – откликнулся Рейвен. – Надеюсь, что у вас для этого есть веские основания.

– Конечно, есть. Десятки. Нельзя тормозить прогресс любого народа только потому, что нам что-то в нем не нравится. Бывают обстоятельства, когда мы должны временно подавить наши амбиции, чтобы решить вопросы, не терпящие отлагательства.

– Для меня суть вопроса станет более понятной, если вы будете конкретней, – предложил Рейвен.

После некоторого колебания Керати продолжил:

– Одна из главных причин известна лишь небольшому кругу людей. Но вам я ее открою. Мы стоим на пороге полетов к дальним планетам. Это то, что называют прорывом в будущее. Для того чтобы обеспечить выполнение этого проекта, и в этом

мы абсолютно уверены, необходимо объединить ресурсы всех трех освоенных миров. Именно поэтому мы не должны допустить, чтобы какое-либо недоразумение сорвало наши планы.

– Предельно ясно, – согласился Рейвен, сразу подумав о стратегическом положении Марса и о богатейших запасах топлива на Венере.

– Но есть еще более веские причины. – Керати понизил голос, как бы придавая еще большее значение своим словам. – Придет время, когда мы шагнем еще дальше в освоении космоса. Возможно, это будет альфа Центавра или что-то еще более удаленное. Хотя некоторые данные пока не стали достоянием общественности, у нас есть основания предполагать, что рано или поздно мы столкнемся с более высокой формой существования жизни. И если это произойдет, мы должны быть вместе, иначе погибнем. И тогда уже не будет ни марсиан, ни венериан, ни землян или каких-либо других планетарных сообществ. Мы все станем детьми Солнца, чтобы жить или умереть. Таким образом, хотите вы или нет, не будет места псевдонационалистическим идеям.

– Но в этом случае перед нами возникает другая дилемма, – заметил Рейвен. – Мир можно обеспечить публикацией определенных направлений вашей политики, но это может вызвать всеобщую тревогу, а то и серьезную оппозицию предполагаемой экспансии.

– Вот именно. Вы сыплете соль на рану. Этот конфликт интересов может нас далеко завести.

– Ну и ну! Прелестная картина! Взаимная неприязнь настолько «сладостна», как только можно пожелать. Мне нравится ситуация, она напоминает одну сложную шахматную задачу.

– Карсон точно так оценивает данную проблему, – добавил Керати. – Он называет ее супершахматной по ряду причин, которые вам пока неизвестны. Он говорит, что настало время ввести в игру новую фигуру. Поэтому будет лучше, если вы прямо сейчас отправитесь к нему. Именно Карсон перевернул Землю и небеса в поисках человека вроде вас.

– Вроде меня?! – слегка удивленно воскликнул Рей-вен. – И что особенного он во мне нашел?

– А вот этого я не знаю. – Керати явно не был расположен обсуждать данный факт. – Эти вопросы полностью относятся к компетенции Карсона. У него есть свои секреты. Поэтому повторяю, вы должны немедленно отправляться к нему.

– Очень хорошо. У вас есть еще что-нибудь ко мне?

– Только одно. Вы предстали перед нами не для того, чтобы удовлетворить наше любопытство. Мы хотим, чтобы вы знали, что Всемирный Совет, хотя и неофициально, на вашей стороне. Ваша задача состоит в том, чтобы положить этой войне конец. У вас не будет никакого особого документа, никаких особых полномочий – ничего, что отличало бы вас от обычного гражданина. Вы должны рассчитывать только на свои способности и личную силу духа. И все!.. В данной ситуации я считаю себя не вправе давать какие-либо оценки, – продолжил Керати. – Карсон более компетентен в данных вопросах. – Керати наклонил голову и с жаром добавил: – Но если вас интересует мое мнение, то думаю, что скоро ваша жизнь и гроша ломаного не

будет стоять! Дай бог, чтобы я ошибался.

– Дай бог, – побледнев, ответил Рейвен.

Все члены Совета почувствовали себя не в своей тарелке, подозревая, что он издевается над ними, отвешивая церемонный поклон и медленно и с достоинством удаляясь, все так же уверенный в себе, как и раньше. Слышался только шорох его шагов по ковру. Наконец он вышел, и огромная дверь бесшумно затворилась за ним.

– Война – это палка о двух концах, – заметил Керати.

Карсон своим внешним видом напоминал служащего похоронного бюро. Это был высокий худой человек с грустным лицом, на котором застыло выражение скорби. Однако все это было лишь маской, под которой скрывался острый ум, способный общаться, не прибегая к речи. Другими словами, Карсон был мутантом первого типа, то есть классическим телепатом. Здесь следует сделать одно замечание: классические телепаты отличаются от так называемых подтелепатов способностью делать свой разум непроницаемым, если они этого захотят.

Бросив на Рейвена взгляд, полный холодного одобрения его статной, хотя и несколько широкой и тяжелой, фигуры, отметив сильную и жилистую мускулатуру, темно-серые глаза и черные волосы, Карсон без колебаний вступил в контакт. Мутанты первого типа с первого взгляда безошибочно узнают себе подобных, так же как любой нормальный человек отличает слепого от зрячего.

Его мозг спросил:

«Керати вам уже вес объяснил?»

«Уже, но в драматической и малопонятной манере».

Усаживаясь, Рейвен обратил внимание на металлическую пластину, укрепленную на столе собеседника. На ней была выгравирована надпись:

КАРСОН

Директор. Департамента безопасности Земли

Рейвен указал на пластину:

«Это для напоминания самому себе, кто вы есть, если вдруг забудете?»

«В определенной степени, да. Эта пластина заряжена нервной энергией и излучает то, что на ней написано. Техники говорят, что она обладает антигипнотическим свойством. – Грустная улыбка мелькнула на его лице. – По правде говоря, пока у меня не было возможности испытать ее эффективность. Впрочем, я и не тороплюсь сделать это. Для гипнотика, которому удастся добраться до этого кабинета, такое простое приспособление не явится серьезным препятствием».

«Во всяком случае, тот факт, что кто-то может подумать о могуществе этого приспособления, уже сам по себе значителен, – заметил Рейвен. – Керати намекнул, что я уже стою одной ногой в могиле...»

«Без всякого сомнения это преувеличение, но определенные основания для того, чтобы так думать, имеются. Керати разделяет мои подозрения, что во Всемирном Совете, как минимум, есть один шпион. Пока это не выходит за рамки дурных

предчувствий, но если дело' обстоит именно так, то с этого момента вы – меченый человек!»

«Приятно, ничего не скажешь. Вы меня „откопали“ для того, чтобы вновь положить в могилу?»

«Представление вас Совету было неизбежным, – ответил Карсон. – Они настояли на том, чтобы увидеть вас. Я не соглашался, и Керати хорошо это знает. Но он отверг мои возражения, используя для этого мои же собственные аргументы».

«Каким образом?» – спросил Рейвен.

«Он сказал, что, если из всего, что я о вас поведал, хотя бы десятая часть соответствует истине, тогда нет никаких причин для опасений. Пусть на этот счет голова болит у врага».

«Отлично! А вам не кажется, что у меня уже есть более чем достаточно причин для беспокойства?»

– А я как раз собираюсь добавить вам беспокойства, – ответил Карсон вслух неожиданно суровым голосом. – Мы находимся в безнадежной ситуации. Нам ничего другого не остается, как должным образом пришпорить скакуна.

– Полчаса назад я был козлом. Сейчас, оказывается, я конь, а может быть, и его часть. Не хотите, чтобы я превратился еще в кого-нибудь?! Может быть, птичье чириканье подойдет?..

– Вам придется иметь дело с оппозицией и не просто иметь дело, а победить ее.

Открыв ящик стола, Карсон достал оттуда какую-то бумагу, просмотрел ее и продолжил:

– Это все, что нам удалось установить на данный момент о сверхсекретном списке внеземных разновидностей человека. Формально, по закону, все они принадлежат к homo sapiens, но на деле они являются, я бы сказал, «человек – нечто иное». – Он пристально посмотрел на Рейвена и продолжил: – На настоящий момент на Венере и Марсе четко выявились по крайней мере двенадцать различных и не связанных друг с другом типов мутантов. Например, шестой тип – это так называемые «хамелеоны».

Встрепенувшись в своем кресле, Рейвен спросил:

– Кто-кто?!

– «Хамелеоны», – повторил Карсон, при этом вытянув губы так, словно он смаковал что-то очень вкусное. – Это не стопроцентный тип мутанта. Внешне их физический облик не имеет каких-либо изменений. И это вовсе не чудо пластической хирургии. Но от рождения их лицо держится не на костях, а на хрящах, словно оно сделано из резины. И в этом плане они действительно представляют собой нечто из ряда вон выходящее. Скажем, если кто-то из них захочет принять облик вашей матери, вы, не колеблясь, поцелуете его, будучи абсолютно уверены, что перед вами ваша мать.

– Это вы так думаете... – ответил Рейвен.

– Вы прекрасно понимаете, что я хочу сказать, – с нажимом сказал Карсон. – Необходимо видеть их, чтобы в это поверить.

Указав на полированную крышку стола, он продолжил:

– Представьте, что это гигантская шахматная доска с бесчисленным количеством клеток. Предположим, что фигуры – это человеческие существа в миниатюре, а мы играем белыми. Два с половиной миллиарда наших против тридцати двух миллионов венериан и восемнадцати миллионов марсиан. На первый взгляд на нашей стороне подавляющее преимущество, мы явно сильнее. – Карсон сделал жест отчаяния и продолжил: – Но сильнее в чем? Числом, всего лишь числом!

– Это очевидно, – согласился Рейвен.

– И теперь вы понимаете, каким образом наши оппоненты решают эту задачу: проигрывая в количестве фигур, они выигрывают в качестве. Кони, слоны, ладьи, королевы и, что еще хуже, новые фигуры, обладающие особой, необычной силой. Противник способен производить эти фигуры, мутантов на любой вкус, каждый из которых будет более ценен, чем целый полк наших нормальных людей, наших пешек.

С задумчивым видом Рейвен произнес:

– Ускорение эволюции человека как биологического вида является прямым результатом освоения космического пространства. Это настолько неизбежно, что даже ребенок мог видеть логическое следствие развития событий.

– В ту эпоху, пионеры космоса были одержимы идеей кораблей на атомной тяге. Но пять долгих месяцев в космосе, под непрерывным обстрелом космическими лучами, не могли пройти бесследно для генетики тех людей, которые ордами отправились покорять Венеру.

– Только сейчас до них это стало доходить.

– Увы. Но в те отдаленные времена они за лесом не видели деревьев. Постепенно были созданы корабли с двойной обшивкой, снабженные своеобразным поглощающим фильтром из сжатого озона. Это дало возможность уменьшить интенсивность радиоактивного излучения почти в восемьдесят раз по сравнению с земным. Но они не понимали, что восемьдесят раз это восемьдесят раз. Поэтому – сейчас мы можем сказать, что полеты на Венеру создали до восьмидесяти различных мутантов на одного нормального человека.

– С Марсом дела обстоят еще хуже, – добавил Рейвен.

– Несомненно, – согласился с ним Карсон. – Несмотря на то что население Марса меньше, на нем примерно столько же мутантов, что и на Венере. А причина все та же: одиннадцать месяцев полета. Каждый колонист, отправляющийся на Марс, подвергается радиоактивному излучению в течение периода в два раза большего, чем путешественник на Венеру. Кроме того, он подвергается воздействию менее плотной атмосферы Марса. Человеческие гены обладают большим запасом прочности против космической радиации. Они могут поглощать космические лучи довольно продолжительное время, но всему есть предел. – Карсон замолчал, нервно барабанил по крышке стола. – В этих обстоятельствах, учитывая ценность каждого мутанта как воина, военный потенциал Марса и Венеры примерно одинаков. Объединив силы, Марс и Венера могут нанести нам сокрушительное поражение. Именно это они и пытаются сделать сейчас.

– Мне кажется, – задумчиво заметил Рейвен, – они совершают ту же ошибку, что и

пионеры освоения космоса: охваченные чрезмерным энтузиазмом, они забывают об очевидных вещах.

– Вы имеете в виду тот факт, что планета стала местом стоянки целой армии межпланетных кораблей, которые, следовательно, могут породить своих мутантов? Стало быть, им предстоит пройти наш путь, чтобы все это осознать. А вам необходимо помочь им в этом... У меня появилась надежда!

– Надежда всегда есть! Но каким образом, по вашему мнению, я могу им продемонстрировать это?

– Ну, это уж ваше дело! – ответил Карсон. Из кипы бумаг, лежащих на столе, он выбрал два листка, пробежал их глазами и сказал: – Я вам расскажу об одном случае, который является прекрасной иллюстрацией борьбы, в которую мы втянуты, и используемых в ней методов. Это как раз тот инцидент, который открыл нам глаза на то, что война идет полным ходом. У нас уже возникли подозрения по поводу ряда происшествий, не имеющих на первый взгляд между собой ничего общего. Мы установили в различных стратегических пунктах фотоловушки. Большая их часть вышла из строя, причем непонятно по какой причине. Но одна из них сработала.

– Да ну! – Рейвен даже подался вперед, продолжая внимательно слушать.

– Камера зафиксировала трех мужчин в момент уничтожения ими данных огромной важности, имеющих отношение к космическим кораблям. Эти данные могут быть восстановлены не ранее чем через год. Первый из этой троицы – мутант первого типа, классический телепат, находился в состоянии постоянной умственной бдительности против возможного вмешательства. Второй – тип номер два, так называемый «летун»...

– Вы имеете в виду тип левитатора? – прервал собеседника Рейвен.

– Совершенно верно. Этот тип помог своим коллегам перебраться через стену высотой в двадцать футов, используя при этом веревочную лестницу. И, наконец, последний из троицы – мутант седьмого типа, гипнотик, « позаботился » о трех часовых, сделав их неподвижными, как статуи, и стерев в их памяти тот отрезок времени, когда было совершено нападение. Часовые понятия не имели о существовании фотоловушек, поэтому телепату не удалось у них ничего выведать. И если бы не та единственная камера, мы бы сейчас не имели и этого минимума информации о происшедшем, за исключением факта уничтожения важнейшей базы данных.

– Вот это да! – Рейвен, казалось, скорее потешался по поводу случившегося, чем возмущался.

– За последнее время зафиксировано столько пожаров в стратегически важных пунктах, что мы склонны считать это делом рук «пиротехников», хотя и не располагаем доказательствами на этот счет. – Карсон грустно покачал головой. – Что за чертова война! Они устанавливают правила схватки по своему усмотрению.

– Времена меняются, – заметил Рейвен.

– Да знаю, знаю! Мы живем в современную эпоху. – Он взял лежащий перед ним лист бумаги и протянул его своему собеседнику. – Взгляните на копию моего списка мутантов Марса и Венеры, известных на сегодняшний день. Они классифицированы

по типам и снабжены соответствующей буквой в зависимости от своего боевого потенциала, если так можно сказать. – При этом Карсон засопел, будто сомневался в точности выбранного термина «боевой». – «О» означает «опасный», «Оо» – «очень опасный». «Б» – «безобидный»... по крайней мере, насколько нам известно. Это все, что нам удалось узнать на данный момент.

Рейвен быстро просмотрел список и спросил:

– Эти типы существуют в чистом виде? То есть, скажем, если это левитатор, то он обладает способностью поднимать себя и все, что несет с собой, но не может поднимать независимые объекты. Телекинетики, наоборот, не могут воздействовать на самих себя. Кроме того, телепаты не могут быть гипнотиками, и наоборот. Я правильно вас понял?

– Абсолютно верно. Каждому типу соответствует определенная паранормальная способность.

Рейвен начал внимательно изучать список, который содержал в себе следующее:

1. Классические телепаты – «Оо»
2. Левитаторы – «О»
3. «Пиротехники» – «Оо»
4. Имитаторы – «Б»
5. «Совы» – «Б»
6. «Хамелеоны» – «Оо»
7. Гипнотики – «О»
8. «Суперслухачи» – «Б»
9. «Микроинженеры» – «Оо»
10. Радиосенсы – «Оо»
11. «Насекомоведы» – «Оо»
12. Телекинетики – «Оо»

– Поучительно! – улыбнувшись, Рейвен сложил лист пополам, засунул его в карман, поднялся и направился к двери. – И все они тешат себя иллюзией, что старушка Земля уже не та, что была раньше?

– Ни больше ни меньше, – подтвердил Карсон. – Они говорят, что она старая, дряхлая, с помутившимся рассудком и безнадежно беспомощная перед явлениями современной жизни. По их мнению, Земля находится на последнем издыхании. Ваша задача заключается в том, чтобы поставить их действия под свой контроль, чего бы это ни стоило.

– До тех пор, пока буду жив, именно этим я и займусь, – пообещал Рейвен.

Он вышел и тщательно закрыл за собой дверь. С этого момента он мог полагаться только на самого себя.

Все началось, едва он вышел на улицу. Быстрее и быть не могло, хотя организаторы акции грешили топорной работой. Это, впрочем, было естественным из-за недостатка времени на подготовку. Если бы их предупредили заранее, исход для Рейвена был бы летальным. Как бы то ни было, действуя согласно обстоятельствам, они выигрывали в быстроте, но проигрывали в точности.

Рейвен беззаботно вышел из главного подъезда Департамента безопасности и позвал воздушное такси, которое покачивалось рядом на небольшой высоте.

Такси представляло собой большой прозрачный шар, опирающийся, в свою очередь, на круг из маленьких шариков, которые предназначались для гашения скорости при посадке. У него не было ни крыльев, ни реактивных сопел, вообще ни одного отверстия. Это была последняя модель антигравитационной машины, которая стоила около двенадцати тысяч монет.

Открыв дверь, водитель профессионально-вежливо заулыбался. Но улыбка постепенно сползла с его лица, когда он заметил, что клиент даже не пошевелился. Выпрямившись, почесал отдающий синевой подбородок и крикнул сиплым голосом:

– Эй, послушай! Или мне уже мерещится, или ты только что позвал меня?!

– Заткнись! Скоро я уделю тебе внимание, – ответил Рейвен, продолжая стоять на тротуаре в десяти футах от машины. Его глаза не были устремлены на что-то конкретное, напротив, у него был вид человека, погруженного в свои мысли и который не любит, когда его отвлекают.

Водитель нахмурил брови и зашелся кашлем, который напоминал скрежет наждака по выхлопным трубам. Его правая рука все еще была вытянута вперед, удерживая дверь открытой.

Рейвен вновь посмотрел на такси, приблизился к нему, но не вошел.

– У тебя есть теплоизлучатель?

– А как же! Что будет со мной, если одну из дверей заклинит?

Водитель открыл на панели управления отсек для инструментов и вытащил оттуда похожий на небольшой пистолет аппарат.

– Для чего он тебе нужен?

– Я прожгу тебе сиденье, – сообщил Рейвен, забирая теплоизлучатель из рук водителя.

– Еще чего! Что за дурацкие идеи! – Сделав паузу, он продолжил: – Сегодня, приятель, тебе не везет. – Он вновь полез в отсек и извлек оттуда еще один аппарат. – У меня есть привычка дублировать все инструменты. Это себя оправдывает. Поэтому, если ты «гладишь» мне мою обивку, я «поглажу» твою. По рукам?

– Это «глажение» должно бы заинтересовать ученых, так как аппарат эффективен только при работе с металлом, – ответил Рейвен. Он улыбнулся и добавил: – Я имел в виду твое заднее сиденье...

После этих слов он направил наконечник аппарата на обивку сиденья и нажал на гашетку.

Определить, что инструмент работает, можно было только по дрожанию рукоятки. Тонкая струйка дыма с сильным запахом горелого пластика вилась из сиденья. Совершенно спокойно Рейвен поднялся в такси и закрыл дверь.

– Готово. Вот сейчас мы можем отправляться, моя дорогая Синяя Борода!

Наклонившись, он положил инструмент на место.

Водитель беспорядочно задвигал рычагами управления, и антигравитационное такси поднялось на высоту пять тысяч футов, взяв курс на юг. Водитель время от времени хмурил свои густые брови, пытаясь понять, что происходит. Его глаза постоянно перебегали с переднего смотрового окна на зеркало заднего обзора, наблюдая украдкой за странным пассажиром, который, возможно, был способен поджечь весь мир.

Не обращая внимания на озабоченность таксиста, Рейвен просунул руку в образовавшуюся в сиденье дырку, нащупал еще теплый металлический предмет и вытащил его наружу. Это был грубо обработанный, длиной и толщиной не больше сигареты, прибор.

Не было никакой необходимости разбирать это миниатюрное приспособление, чтобы узнать, что в нем находится. Для Рейвена конструкция была предельно ясна: миниатюрный двигатель, индикатор направления, радиоустройство, способное часами посылать в эфир сигнал «бип-бип-бип», размером со спичечную головку заряд самоуничтожения – все вместе весом не более двух десятых фунта. Если бы Рейвен не уничтожил приспособление, оно бы оставляло электронный след позади такси, а это давало возможность его врагам вести преследование сколько угодно, да к тому же в трех измерениях.

Рейвен обернулся. В воздушном пространстве на разных уровнях было столько машин, что визуально было просто невозможно обнаружить слежку. Но это сумасшедшее движение не только маскировало преследователей, но и скрывало преследуемых.

Рейвен положил маленький цилиндр в отсек, где находились теплоизлучатели, повернулся к водителю и сказал:

– Можешь оставить эту штуку себе. Некоторые ее детали потянут на пятьдесят монет. Разумеется, если кто-нибудь сможет разобрать ее, не разрушив окончательно.

– Очень хорошо.

Водитель достал приспособление из ящика, с любопытством повертел его в руках и вновь положил на место.

– Скажите, пожалуйста, как вы узнали, что эта штука там находится?

– Кто-то начал об этом думать.

– Что?

– Типы, которые занимаются установкой таких штук, всегда думают о том, что они делают, даже если они находятся на большом расстоянии. А мысли иногда могут быть услышаны. Это словно сигнал предостережения. Вот скажи мне, тебе удавалось хоть раз что-либо делать, не думая об этом?

– Только один раз. И результат налицо, – водитель поднял левую руку и показал

шрам на большом пальце.

– Это только подтверждает то, о чем я говорю, – продолжил Рейвен и добавил, больше для себя, чем для водителя: – Очень жаль, что «микроинженеры» не являются одновременно классическими телепатами.

В молчании они пролетели еще сорок миль на той же высоте. Воздушное движение начало ослабевать по мере удаления от границ города.

– Я забыл взять с собой меховые перчатки, – попытался пошутить водитель. – Они бы мне оченьгодились на Южном полюсе...

– Ничего, если понадобится, по дороге купим. – Рейвен еще раз посмотрел назад. – У вас есть какие-нибудь свои приемы для того, чтобы сбить преследователей со следа и оторваться от них? Пока я никого не вижу, но все может быть.

– Это вам обойдется еще в пятьдесят монет. – В зеркало заднего вида водитель наблюдал за реакцией Рейвена: не прогадал ли он с ценой. – Само собой разумеется, сюда включено мое молчание о происходящем в качестве гарантии.

– Бедняга! Твои гарантии гроша ломаного не стоят! Ты откроешь рот, стоит им только захотеть, тебе просто ничего другого не останется делать, – мрачно сказал Дэвид. – Они без всяких денег имеют возможность полностью управлять индивидом. Но когда ты заговоришь, для меня это уже не будет представлять опасности. Во всяком случае, пятьдесят монет твои, хотя бы для того, чтобы выиграть время.

Рейвен ухватился за ручки сиденья, так как машина начала петлять из стороны в сторону, в конце концов уйдя в облака.

– Тебе нужно предпринять что-нибудь получше. У тебя ведь нет защиты от радара?

– Подождите немного. Я еще не начинал.

Спустя два часа они приземлились на лужайке у длинного и невысокого дома. В небе никого не было видно, за исключением полицейского патрульного корабля, который на большой высоте летел в северном направлении.

Хозяйкой этого дома была довольно высокая, хорошо сложенная женщина, которая, однако, двигалась так, словно ничего не весила. Хотя ее и нельзя было назвать красавицей в буквальном смысле этого слова, более двадцати претендентов на ее руку и сердце вынуждены были ретироваться, получив отказ. Разгадка заключалась в том огне, который горел в удивительных, огромных глазах, делающих ее потрясающе красивой.

Протянув Рейвену руку, она воскликнула:

– Дэвид! Каким ветром тебя занесло сюда?!

– Ты бы знала это уже давно, если бы я не побеспокоился принять меры предосторожности и экранировать мой мозг.

– Теперь понятно.

Она незаметно перешла с устного общения на телепатическое, потому что для нее это было привычнее:

«Что случилось?»

Он ответил ей таким же способом:

«Две птички. Две птички, которых я надеюсь убить одним выстрелом», – и улыбнулся, глядя в эти прекрасные глаза.

«Убить? Что за ужасные мысли! Убить?! – На ее лице появилось выражение мучительного беспокойства. – Тебя заставили что-то сделать. Я знаю! Чувствую это, хотя ты и пытаешься спрятать от меня свои мысли! Тебя вынудили вмешаться».

Усевшись на надувную софу, она уныло уставилась на стену.

«Неписанный закон гласит, что мы должны избегать искушения вмешиваться во что бы то ни было, за исключением случая угрозы со стороны Денеба. Не желая того, мы можем выдать себя и напугать человечество. А испуганные люди бессознательно пытаются докопаться до причины их страха. Кроме того, невмешательство отводит подозрения и заставляет людей думать, что мы неспособны действовать».

«Прекрасный образец логики, если исходить из того, что предпосылки четко определены. К сожалению, это не тот случай. Обстоятельства изменились. – Рейвен уселся напротив нее и продолжил: – Л айна, мы ошиблись в определенном аспекте: они гораздо сообразительней, чем мы о них думали».

«Почему?»

«Несмотря на свои внутренние противоречия, они впали в такое отчаяние, что решили перевернуть мир в поисках кого-нибудь, способного расстроить интригу. Вероятность успеха была один на миллион, но они все же вышли на меня!»

«Каким образом им удалось тебя вычислить?» – Ее беспокойство усилилось.

«Единственно возможным способом. Генетически, через банк данных. Они должны были изучить, тщательно проанализировать поколений двадцать подряд, проверяя огромный объем информации о рождениях, свадьбах, смертях, толком не зная, что ищут, но в надежде отыскать лучшее из имеющегося. Таким образом добыча оказалась на крючке».

«Если им удалось это сделать с тобой, то похожее они могут проделать и с другими», – с грустью заметила Лайна.

«На этой планете других таких просто не существует. Нас всего лишь двое: ты и я. Но ты избежала их внимания».

«Избежала? Откуда ты это знаешь?»

«Процесс поисков и отбора уже подошел к концу. Я попался, ты – нет... Возможно, потому, что ты женщина. Или потому, что по официальным документам твои предки были аллергиками или аморальными пиратами, например».

«Спасибо за комплименты», – слегка раздраженно парировала Лайна.

«Это вам спасибо», – пошутил Дэвид, улыбаясь.

«Дэвид, скажи мне, что им от тебя нужно?»

Рейвен рассказал си все, что произошло в последнее время, закончив свой рассказ словами:

«До сих пор заговор Марс-Венера удовлетворялся попытками, образно выражаясь, перебить нам ноги, постоянно наращивая давление. Они прекрасно понимают, что если в ближайшее время нами не будет найдено эффективное средство борьбы, то рано

или поздно мы будем вынуждены сдаться на милость победителя. Другими словами, они по капле пускают нам кровь при любом удобном случае, просто ожидая того момента, когда мы уже не сможем пошевелить ни рукой, ни ногой в свою защиту».

«Факты и аргументы скажут свое веское слово».

«Я вначале так и оценивал ситуацию, до тех пор пока не вспомнил об уроках истории, которая учит, что плохое имеет свойство всегда превращаться в худшее. Послушай, Лайна, не за горами время, когда Земля поймет, что ее терпению пришел конец, и решит атаковать. И наверняка удар будет жестоким и безжалостным. Марс и Венера немедленно ответят еще более жестко. Ярость возрастет с обеих сторон. Ограничения будут отброшены, щепетильность исчезнет, как пар. Наконец, найдется какой-нибудь перепуганный заправила, с той или другой стороны, который решит сбросить термоядерную бомбу, чтобы показать, кто тут хозяин».

«Очень правдоподобно», – согласилась с горечью Лайна.

«Как мне ни противно влезать в человеческие дела, – продолжил он, – еще больше мне не нравится идея спрятаться под какой-нибудь горой в то время, как атмосфера горит, планета содрогается, а миллионы человеческих существ исчезают с лица Земли. Карсон с завидным оптимизмом считает, что я в одиночку способен предотвратить такой финал. Поэтому, пока я жив, я полон решимости действовать. Кто не рискует...»

«О господи! Когда эти существа освободятся от своей настырности и идиотизма?! – И не ожидая ответа, Лайна продолжила: – А что мне делать в данной ситуации, Дэвид?»

«Держаться подальше от всего этого, – ответил он. – Я вернулся сюда только для того, чтобы уничтожить некоторые бумаги. Есть вероятность, что они придут сюда раньше, чем я успею уйти. В этом случае я попрошу тебя оказать мне одну услугу».

«Какую?»

«Сохрани на время мой лучший костюм, – он со значением похлопал себя по груди. – Он прекрасно на мне сидит. Кроме того, это мой единственный костюм. Мне он нравится, и я не хочу его потерять».

«Дэвид! – взорвалась она. – Нет! И еще раз нет! Ты не можешь так поступить! Ты не можешь сделать это без разрешения. Это нарушение этических норм! Это нарушение основных законов)*».

«А война – это этично?! А массовое самоубийство?»

«Но...»

«Тише! – Рейвен сделал предостерегающий жест. – Они уже здесь. Быстро же они меня отыскали! – Бросив взгляд на настенные часы, он продолжил: – Не прошло и трех часов с того момента, как я вышел из Департамента. Вот это и есть эффективность!.. Ты чувствуешь их приближение?»

Она утвердительно кивнула и молча продолжала сидеть, ожидая развития событий. Рейвен направился в другую комнату, покопался в бумагах и вернулся к Лайне. И тут же мелодично зазвенел дверной колокольчик. Лайна встала и нерешительно посмотрела на Рейвена. Тот в ответ беспечно пожал плечами. Лайна подошла к двери и открыла ее. При этом ее движения были вялыми и безвольными.

В ста ярдах от дома вокруг спортивного корабля в форме пули стояла группа из пяти человек. Перед дверью застыли еще двое. Все они были одеты в черную полицейскую униформу с эмблемой службы безопасности.

Те двое, которые стояли у входа, были похожи друг на друга как братья. Лица были грубые и суровые. Мозг одного из них сразу же попытался вступить в контакт с Лайной. Второй же пока себя никак не проявлял. Первый был явным телепатом, а второй, очевидно, кем-то етце. Неожиданная и решительная мозговая атака первого помешала Лайне установить, что из себя представляет второй, так как она была вынуждена защитить свой мозг от телепата. Натолкнувшись на препятствие, он прекратил попытку.

– Еще один телепат, – сказал он своему спутнику. – Это хорошо, что мы прибыли не одни, не так ли? – Не ожидая ответа, он повернулся к Лайне и обратился к ней вслух: – У вас есть выбор: или вы свободно и добровольно поговорите со мной... – он сделал паузу и хохотнул, – ...или вам придется говорить с моим другом, когда он этого пожелает. Как вы можете судить по нашей форме, мы из полиции.

Лайна раздраженно возразила:

– Вы такие же полицейские, как я динозавр. Полицейские, обращаясь друг к другу, говорят «товарищ», а не «друг». Кроме того, настоящий полицейский, не изложив суть дела, не угрожает.

Второй, до тех пор молчавший, вмешался в разговор:

– Может быть, вы предпочитаете поговорить со мной?

В его глазах появился какой-то странный мерцающий блеск в форме маленьких лун.

Это был гипнотик.

Словно не замечая его, Лайна спросила первого:

– Что вам нужно?

– Рейвен.

– Да неужели?

– Он здесь. Мы знаем, что он находится здесь, – опять попытался вмешаться второй.

– Не может быть!

– Мы должны его допросить.

Из глубины дома раздался голос Рейвена:

– Очень мило с твоей стороны, Лайна, что ты пытаешься их задержать. Но это бесполезно. Пригласи их, пожалуйста, в дом.

Лайна слегка задрожала. На ее лице отразилась целая гамма эмоций, когда она отступила в сторону и позволила им войти. Словно бараны на бойне, они решительно и беззаботно вошли в дом. Она знала, что сейчас произойдет. Дверной засов в ее руке казался ей ледяным, будто комок снега.

Глава 3

Войдя в комнату, непрошенные гости усилили натиск. Их речь стала еще более грубой, в руках появились пистолеты. В то же время они старались держаться подальше друг от друга, словно опасаясь, что тот, кого они разыскивали, способен их обоих уничтожить одним ударом.

Даже не приподнявшись со своего места, Дэвид Рейвен явно развлекался, наблюдая за их поведением. Установив по их мыслям, кто они такие, он обратился к ним со словами:

– О, кто к нам пришел! Мистер Грейсон и мистер Стин. Телепат и гипнотик, не считая ожидающих вокруг дома чудо-ребят. Вы оказали мне большую честь...

Грейсон, которого Дэвид назвал телепатом, повернулся к своему спутнику:

– Посмотри, кто нас называет чудо-ребятами... – Ив в беспокойстве добавил, обращаясь к Дэвиду: – Очень хорошо, мистер Ловец Мозгов, вставайте и двигайтесь за нами.

– По правде говоря, я ничего другого и не ожидал, потому что наша судьба не записана в ваших мозгах. Из этого я делаю вывод, что вы не пользуетесь доверием своего начальства.

– А вы тем более не внушаете доверия, – парировал Грейсон. – Пошевеливайтесь! Мы не можем торчать здесь целый день!

– Этого еще не хватало! – Рейвен наконец встал, лениво потянулся и зевнул. Его взгляд остановился на Стине, гипнотике, и он спросил: – Эй, парень! Ты что вытаращился? Я тебя околдовал?

– Если случится что-нибудь, похожее на колдовство, то именно я это и сделаю, – ответил Стин и продолжил: – Хотел бы я знать, из-за чего такая шумиха?.. У вас четыре руки или две головы, а?! В конце концов, что же делает вас таким замечательным?..

– Да нет в нем никакого чуда, – вмешался Грейсон, не сумев, однако, скрыть беспокойства в голосе. – Мне/ кажется, наши шефы поверили преувеличенным слухам. В нем нет ничего сверхъестественного!

– А, вот так! Вы уверены? – спросил Рейвен, пристально посмотрев на него.

– Да. Вы являетесь всего лишь новым видом телепата. Вам удастся выведывать все, что есть в мозгах других, в то время как ваш мозг закрыт. Это хороший и довольно полезный трюк. – Изобразив презрение, он продолжил: – Но этого явно недостаточно, чтобы заставить беспокоиться целые две планеты.

– А что, в таком случае, вас тревожит? Раз вы все знаете, у вас не должно быть повода для беспокойства. А сейчас оставьте меня одного, дабы я мог поразмышлять о грехах моей молодости...

– Мы получили приказ доставить вас на допрос. Это означает: целым и невредимым. Поэтому вы отправитесь с нами. – Раздражение Грейсона росло прямо на глазах. – Мы доставим тигра, хотя он больше похож на кота...

– А кто собирается меня допрашивать? Самый большой начальник или какая-то мелкая сошка?

– Это не по нашей части. Все, что вы должны сделать, – это проследовать за нами и ответить на вопросы, – отрезал Грейсон.

– Лайна, поищи, пожалуйста, мою шляпу и сумку.

Рейвен повернулся к женщине, которая продолжала молча стоять у двери, и подмигнул ей вполне определенно.

– Она никуда не пойдет, – вмешался Грейсон, которому явно не понравился этот сигнал. – Вы отсюда не двинетесь. – И, повернувшись к Рейвену, продолжил: – Вы сами отправитесь за своими вещами. А Стин сопровождает вас. Я же позабочусь о хозяйке дома. Стин, примени к нему свою обычную дозу, если он вздумает шустрить.

Рейвен впереди, Стин за ним, оба отправились в дальнюю комнату. Глаза Стина уже заблестели той особой силой, которая страшнее пули.

Присев на подлокотник надувного кресла, Грейсон поставил приклад оружия на колено и задумчиво посмотрел на Лайну.

– Вы принадлежите к той же категории, что и ваш друг, не так ли? – спросил он. – Как бы то ни было, если вы надеетесь, что ему удастся проделать какой-либо фокус с моим другом, то оставьте даже мысли об этом.

Не отвечая, Лайна продолжала пристально смотреть на стену.

– Любой телепат может быстро подчинить себе гипнотика на расстоянии, потому что способен прочесть его намерения и успеть защититься от его воздействия. – Грейсон сделал это заявление с видом знатока, испытавшего все на своем опыте. – Но вблизи шансы телепата равны нулю. Гипнотик всегда победит. Я это хорошо знаю! Гипнотики неоднократно доказывали мне это, особенно после вечеринок с ликером из горных районов Венеры.

Лайна абсолютно не реагировала на болтовню Грейсона, прислушиваясь к чему-то вне этой комнаты. Грейсон, воспользовавшись случаем, предпринял неожиданную и предательскую атаку на ее мозг в надежде захватить Лайну врасплох, но натолкнулся на непреодолимый барьер.

– А, ладно! В конце концов, у меня есть оружие, а возле дома ожидает хорошо обученная и вооруженная группа. – Грейсон обеспокоенно посмотрел на дверь другой комнаты. – Что-то они слишком задерживаются...

– У него нет ни малейшего шанса, – пробормотала Лайна, но достаточно громко, чтобы Грейсон услышал. – У него нет ни малейшего шанса.

В ее лице, глазах и голосе было что-то такое, от чего угасшие были подозрения Грейсона вспыхнули с новой силой и привели его почти в состояние паники.

– Ну-ка, красавица, топай. Два шага впереди меня. Входи в комнату медленно. Посмотрим, что их так задерживает.

Лайна выпрямилась, повернулась к двери и, словно не решаясь посмотреть на то, что скрывается за этой дверью, опустила глаза.

Дверь открылась, и из комнаты вышел, поглаживая подбородок и улыбаясь,

довольный собой Стин. Он вышел один.

– Он попытался ловчить, – сказал Стин, обращаясь к Грейсону, словно Лайны в комнате не было. – Я предполагал, что он попробует выкрутиться. Результат: лежит на полу, как могильная плита. Нам нужны носилки, чтобы его транспортировать.

– Уф! – вздохнул Грейсон с облегчением, опустив ствол оружия. С победоносным видом он повернулся к Лайне: – Что я вам говорил? Ваш друг был полным идиотом, пытаюсь что-то сделать вблизи. Есть люди, которые этого не понимают. В результате всегда проигрывают.

– Вот именно! – подхватил Стин, подходя все ближе и ближе. – Он просто идиот. – Остановившись в шаге от Грейсона, Стин пристально посмотрел ему прямо в глаза. – Вблизи нет ни малейшего шанса...

Пальцы Грейсона задрожали и разжались. Оружие упало на ковер. Он то открывал, то закрывал рот, словно рыба, вытасченная из воды. С большим трудом ему удалось сказать:

– Стин... какого черта... что ты делаешь?

Глаза Стина сделались огромными. Их обжигающий блеск, казалось, разрывает на части мозг бедного Грейсона. Раздался голос, который шел как бы издалека, постепенно набирая силу и превращаясь в раскат грома:

– Рейвена нет в этом доме.

– Рейвена здесь нет, – пробормотал сонным голосом Грейсон.

– Мы его не нашли. Мы опоздали. Грейсон повторил все как автомат.

– Мы опоздали на сорок минут, – продолжал внушать Стин.

– Сорок минут опоздания, – повторил Грейсон.

– Он улетел на гоночном корабле золотисто-желтого цвета, двадцать двигателей, бортовой номер ХВ-109, собственность Всемирного Совета.

Грейсон опять все повторил слово в слово, словно эхо.

– Пункт назначения неизвестен. В этом доме нет никого, кроме женщины-телепатки, не имеющей никакого отношения к делу.

– Нет никого... Никого... кроме женщины... – продолжал бормотать с полужакрытыми остекленевшими глазами лишенный воли Грейсон.

Наконец Стин приказал:

– Бери свое оружие. Мы уходим. Нас ждет Галлер.

Отодвинув в сторону сильную женщину, «не имеющую никакого отношения», он направился к выходу. Грейсон плелся за ним, как ягненок. Ни один из них даже не посмотрел на Лайну. Она же не спускала глаз со Стина. Но он был абсолютно невозмутим и не обращал на нее ни малейшего внимания.

Лайна закрыла за ними дверь, вздохнула и нервно потерла руки. У нее за спиной слышались какие-то невнятные звуки. Повернувшись, в десяти шагах от себя она увидела покачивающуюся и спотыкающуюся фигуру Дэвида Рейвена.

Тело было наклонено вперед, руки ощупывали лицо, словно сомневаясь, этой ли

голове оно принадлежит. Черты лица явно казались ему чужими, малознакомыми. Постепенно ужас появился в его глазах. Он безвольно и обреченно опустил руки и словно остолбенел, находясь в состоянии сильнейшего шока.

– Мое тело... – наконец произнес он голосом, который представлял собой смесь голосов Дэвида и Стина. – Он украл мое тело! Он лишил меня моей сущности, меня самого!

Мужчина замолчал и уставился на Лайну полубезумным взглядом. На лице отражалась психическая борьба, происходящая в его душе. Растопырив пальцы и вытянув вперед руки, он шагнул вперед и закричал:

– Вы знали, что произойдет! Клянусь всеми кругами ада! Вы знали и помогли ему! Проклятая соучастница! Мне нужно было убить вас!

Руки у него дрожали от возбуждения, в то время как Лайна бесстрастно и неподвижно стояла на своем месте. Но в глазах у нее появился какой-то странный неопишуемый блеск! Руки мужчины сомкнулись на ее шее, но Лайна даже не пошевелилась, чтобы защититься.

Так продолжалось несколько секунд. Наконец он отпрыгнул, словно его ударило током. Придя в себя, он воскликнул:

– Господи! И вы тоже?!

– То, что может сделать один, способен сделать и другой. И это нас объединяет. – Лайна внимательно посмотрела на мужчину. – Существует такой фундаментальный закон, как «закон физического самосохранения», который гласит: «Я неотделим от моего Я и никогда не смогу стать другим Я».

Он молчал, медленно покачивая головой взад-вперед и поглаживая лицо.

– Поэтому ты всегда будешь искать то, что по праву принадлежит тебе. Будешь искать так, как обреченный на смерть цепляется за малейшую надежду на спасение. Ты постоянно будешь изводить себя, никогда не обретешь мир и спокойствие, никогда не познаешь всю полноту жизни, если только не...

– Если что?.. – он быстро убрал руки от лица, выпрямился и посмотрел на нее с восхищением.

– ...если только не будешь беспрекословно подчиняться нашим приказам, – объяснила она. – Будешь послушным, тогда все может вернуться на свое место.

– Что ты от меня хочешь? – Искра надежды затеплилась в его глазах.

– Беспрекословного подчинения!

– Ты будешь его иметь! – горячо пообещал он.

И сразу, в одну секунду, женщина будто сбросила то колоссальное умственное напряжение, благодаря которому она подчинила себе этого человека.

Руководителем группы, которая ожидала возле дома, был худой высокий человек по имени Галлер. Он был выходцем с Марса и являлся мутантом третьего типа, то есть «пиротехником». Прислонившись к кораблю, он растерянно наблюдал за появлением на пороге дома Стина и Грейсона.

– Ну, что скажете?

– Нам не повезло, – объяснил Стин. – Он удрал.

– Так-так. У него было три часа форы, – произнес Галлер, задумчиво барабанив пальцами по зубам. – А это означает, что мы вынуждены догонять. Куда он отправился?

– Эту мелочь он забыл сообщить толстой и любезной женщине, которую оставил для встречи с нами. Она знает лишь, что он прибыл на антигравитационном такси, упаковал кое-какие вещи, находящиеся в этом доме, и немедленно улетел в каком-то корабле с бортовым номером ХВ-109.

– Женщина в доме... – Галлер цинично посмотрел на собеседника. – Какова ее роль в его жизни?

– Ну!., – ответил Стин, загадочно улыбаясь.

– Понятно, – сказал Галлер, абсолютно ничего не понимая. Только теперь он обратил внимание на молчавшего, похожего на куклу, Грейсона. Он наморщил лоб и спросил:

– А с тобой что стряслось, приятель?

– Что? Со мной? – Грейсон нервно заморгал.

– Ты ведь телепат и можешь читать мои мысли в отличие от меня. Я тебя уже десятый раз спрашиваю: «Что с тобой, парень?» Глядя на тебя, можно подумать, что ты получил лошадиную дозу гипноза.

– Да, но он стал жертвой «лекарства» собственного изготовления. Он вел оживленную беседу с женщиной, которая случайно тоже оказалась телепатом. И, между нами, вам бы понравилось слушать эту не только устную, но и мысленную болтовню?..

– О господи! – восторгнулся вдруг Галлер. – Нам пора отправляться. Этот Рейвен не позволяет нам расслабляться ни на минуту.

Он поднялся в корабль. Стин последовал за ним. Галлер вытащил книгу регистрации межпланетных кораблей, полистал ее и через минуту воскликнул:

– А, нашел! ХВ-109, одноместный двадцатимоторный корабль с бериллиевой обшивкой. Земная масса – триста тонн. Максимальная дальность полета – пятьсот тысяч миль. Написано, что это почтовый корабль Всемирного Совета, обладающий таможенным и полицейским иммунитетом. Ну и ну! Теперь мы не сможем схватить его при всех. Всегда отыщется какой-нибудь очевидец.

– Это в случае, если мы его найдем... А мир большой.

– Мы должны его схватить! – уверенно заявил Галлер. – Этот предел в Пятьсот тысяч миль нам на руку. Он не может покинуть Землю. Ну разве что слетает на Луну. Стало быть, у нас есть уверенность, что он не скроется от нас на Марсе или Венере.

Галлер полистал список кодированных каналов радиосвязи в зависимости от времени суток. Канал номер девять. Нажав необходимую кнопку, он заговорил в микрофон:

– Галлер вызывает Дина: отыскать ХВ-109.

После этого, усевшись в кресло пилота, он закурил венерианскую сигару и глубоко затаился. Затем поставил ноги на угол панели с инструментами и посмотрел на динамик связи. Тот в этот момент ожил:

– ХВ-109. Сегодня его полеты не зарегистрированы. В полицейских отчетах также не упоминается. Ждите! Конец связи.

– И это называется эффективность! – воскликнул Галлер, бросив оценивающий взгляд на Стина.

Прошло еще пять долгих минут. Связь опять ожила:

– ХВ-109. На стоянках Совета его нет, во всех двадцати восьми парках. Ждите!

– Странно! – задумчиво заметил Галлер. – Если его нет на стоянке, значит, он в воздухе. Но ведь он не мог взлететь, не зарегистрировав машину...

– Может быть, он убрал корабль со стоянки вчера или позавчера и прятал его здесь, – предположил Стин и уселся рядом с пультом управления, ожидая новостей. Десять минут спустя связь возобновилась:

– Дин вызывает Галлера. ХВ-109 передан почтовой службе Джозефа Маккарда, в городе Домо, на Луне. В настоящее время заправляется, готовясь к возвращению на Землю. Канал номер девять, конец связи.

– Это невозможно! – взорвался Галлер. – Невозможно! – Он вскочил, откусил кончик сигары и выплюнул на пол. – Кто-то соврал! – Он со злостью посмотрел на Стина и крикнул: – Это ты?

– Я? – изумился Стин и также поднялся. Они стояли, почти касаясь друг друга.

– Если не ты, то это означает, что женщина дала тебе неправильный номер, а Грейсон был таким дураком, что не смог определить, лжет она или нет. – Галлер помахал огрызком сигары. – Возможно, виновата дама. Она направила вас по ложному следу, а теперь смеется, что вы клюнули на эту приманку. Если это так, то виноват Грейсон. Из вас двоих он является телепатом. Позови его сюда! Я должен докопаться до истины.

– Каким образом Грейсон мог проникнуть в мозг, твердый и гладкий, как могильная плита? – спросил Стин.

– Он мог бы тебе об этом сказать, и тогда уже ты должен был повлиять на нее. И после того как ты превратил бы ее в статую, Грейсон мог бы вытрясти из нее все, что нужно. В конце концов, именно для этого вас и посылают вдвоем! Или вы такие дураки, что не можете сработать?

– Ну зачем вы так? – запротестовал Стин, не выказывая при этом обиды.

– Кто-то готовит нам солидную западню. Я чую это, – продолжал настаивать Галлер. – Возможно, эта чертова баба, которая превратила Грейсона в дурака. Полюбуйтесь на него! Нет, что-то здесь не так. Я должен его прощупать!

– Мне кажется, что он нам не нужен, – вкрадчиво сказал Стин. – С этим делом мы вдвоем разберемся.

– Даже так? В самом деле?! – Самообладание и отсутствие удивления на лице Галлера лишний раз доказывали твердость его характера. – Недаром я чувствовал, что

это ты всему виной. Я не знаю, что там у вас произошло, но лучше будет на этом и закончить.

– Вы серьезно?

– Да. Ты – гипнотик, но что из этого? Я могу сжечь все твои потроха за две–три секунды до того, как буду тобой парализован. Кроме того, паралич через несколько часов проходит, а угли никогда не превращаются в цветущее дерево,

– Да, конечно, конечно. В самом деле, «пиротехника» – это великая сила. – Стин протянул руку и легонько коснулся руки Галлера.

Рука словно приклеилась. Галлер попытался отстраниться, но сразу понял, что не может. Две руки словно намертво связали их тела, и что-то необычное и непонятное стало происходить в месте контакта.

– Это тоже сила, – сказал Стин...

Глубоко внизу, под скоплением складов, которые формально принадлежали Компании межпланетной торговли, спрятался настоящий город в миниатюре, о котором не только не знало, но даже не подозревало большинство тех, кто передвигался по поверхности. Он был построен и существовал уже давно.

Именно здесь и располагалась штаб-квартира подпольного движения «Марс–Венера», настоящее сердце организации. В бесчисленных комнатах и длинных холодных галереях работали около тысячи человек. Но каждый из них был далеко не обычным существом.

В одной из комнат дюжина пожилых людей с длинными и тонкими пальцами медленно передвигались, словно слепые. Их глаза не были глазами в обычном понимании этого слова. Это были органы зрения, которые могли пересчитать микробы на кончике перочинного ножа!

Эти существа работали так, словно постоянно принимались к тому, что делали. Их так называемые глаза охватывали предметы под немислимыми углами и работали со сверхточностью. Это были мутанты девятого типа, в обиходе называемые «микроинженеры».

В соседней комнате находились существа удивительно похожие друг на друга, но в то же время разные. Так называемые «люди-резина» постоянно тренировались и совершенствовали свои потрясающие способности.

Друг против друга сидели два человека. Быстрое и незначительное изменение черт лица делало их неузнаваемыми.

– А теперь я – Петерс!

Такое же быстрое и точное изменение, и уже второй говорит:

– Как забавно! Я тоже!

И оба расхохотались. Одинаковые, как близнецы, они уселись и начали играть в карты, исподтишка наблюдая друг за другом и ожидая, кто из них первый расслабится и выдаст свое подлинное лицо.

В комнату вошли еще двое с намерением превратить игру во времяпрепровождение

для четверых. Один из них зарегистрировал момент интенсивного умственного напряжения, в то время как его коллега со сверкающими глазами уставился на стул. Стул задрожал, покачнулся и начал двигаться. Близнецы восприняли этот феномен как нечто заурядное.

Тот, который передвинул взглядом стул, заставил карты прилететь к нему в руки и проворчал:

– Если вы двое, куклы резиновые, считаете, что продолжаете оставаться Петерсом, то могли бы по крайней мере обзавестись разными запахами, чтобы люди могли вас различать. Мой ход, – добавил он.

В коридоре послышались чьи-то шаги, которые затем стихли. Через десять секунд один из Петерсов, взяв свою сигару, обнаружил, что она зажжена с обоих концов. Чертыхаясь, он встал, взял свои карты и пошел закрывать дверь.

В этот огромный подземный лабиринт Грейсон вошел с закрытым мозгом и напряженными мускулами. Он торопился и выглядел так, словно боялся своей собственной тени.

Добравшись в конце длинного перехода до массивной стальной двери, он лицом к лицу столкнулся с часовым-гипнотиком, который сказал:

– Дальше нельзя, приятель. Здесь находятся покои шефа.

– Я это знаю. Мне нужно немедленно поговорить с Кайдером. – Грейсон оглянулся назад, в коридор, и сделал нетерпеливый жест. – Скажи, что ему лучше меня выслушать, иначе все может взлететь на воздух!

Часовой недоверчиво посмотрел на него, но все же включил связь, встроенную в дверь, и что-то сказал. Через несколько секунд дверь открылась. Грейсон быстро прошел приемную и вошел в комнату, где за маленьким столом сидел ее единственный обитатель.

Это был коренастый, широкоплечий, с квадратным и выпирающим вперед подбородком человек. Кайдер родился на Венере и, пожалуй, был единственным на Земле мутантом одиннадцатого типа. Он мог разговаривать, практически беззвучно, почти с девятью типами венерианских насекомых, семь из которых были очень ядовиты и готовы оказать «смертельную услугу» своим друзьям. Поэтому Кайдер обладал фантастической властью над безжалостной и нечеловеческой армией, слишком многочисленной, чтобы ее уничтожить.

– Что случилось? – нервно спросил он. – Быстро переходи к делу. Мне сегодня нездоровится. Я никак не акклиматизируюсь на этой планете...

– И я тоже, – ответил Грейсон. – Вы что-то знаете о некоем Дэвиде Рейвене, раз отдали приказ доставить его сюда, не так ли?

– Да. Точно я не знаю, что он из себя представляет, но, думаю, для нас ничего хорошего. Вы поймали его? Куда вы его поместили?

– Никуда. Он сбежал.

– Далеко не уйдет, – уверенно пообещал Кайдер. – Я уверен, что он сейчас мечется в поисках укрытия. – Кайдер сделал жест, давая понять, что прием окончен. – Продолжайте преследовать его. Мы должны поймать его, когда это будет нужно.

– Да, но... – возразил Грейсон, – мы поймали его! Однако затем он бежал.

Кайдер, покачиваясь на ножках стула, спросил:

– Ты хочешь сказать, что он уже был у вас в руках? И вы позволили ему улизнуть? Как это случилось?

– Не знаю. – У Грейсона не было даже сил притворяться. – У меня в голове не укладывается. Ничегошеньки не понимаю. Именно поэтому я и пришел к вам.

– Будем логичны. Рассказывай все по порядку.

– Мы прибыли на место, где он скрывался. Там была еще одна женщина... Оба они классические телепаты. Со мной был Стин. Один из лучших гипнотиков, какие у нас есть. И Рейвен играл с ним как кошка с мышкой...

– Продолжай! Хватит упиваться драматизмом ситуации!

– В итоге Стин применил свое «лечение» на мне, – с болью в голосе продолжил Грейсон. – Он застал меня врасплох и превратил мой мозг в камень. Он заставил меня вернуться к кораблю и сказать Галлеру, что мы не нашли Рейвена. Затем вошел в кабину к Галлеру...

Какое-то отвратительное создание, похожее на паука с множеством лапок, поползло по брюкам Кайдера.

С отвращением наблюдая за насекомым, Грейсон продолжил:

– Через несколько часов я пришел в себя. За это время Галлер сошел с ума, а Стин исчез.

– Сошел с ума?

– Да. Он казался ненормальным. Как будто его мозг основательно потрясли и вывернули наизнанку. Он без остановки болтал о детском легкомыслии разлада между Землей, Марсом и Венерой, о чуде бесконечных просторов Вселенной, о посмертной славе и так далее в том же духе.

– Галлер – «пиротехник», – заметил Кайдер. – Ты – телепат. Ты забыл об этих простых фактах? Или ты настолько поглупел после всех этих событий, что даже не вспомнил об этом?

– Нет, я не забыл. Я попытался проникнуть в его мозг.

– И что?

– Полная каша. Его серое вещество было похоже на только что приготовленное пюре. Мыслительные процессы были спорадические и лишены всякой логики. Ну, например: «Стин – это я, Рейвен – это ты, а другие – это все остальные». Или вот еще: «Жизнь – это не жизнь, это почти жизнь, это хорошая жизнь, но это не та жизнь». Вывод: полный идиот.

– Слишком большая доза гипноза, – невозмутимо поставил диагноз Кайдер. – По всей видимости, Галлер был слишком чувствительным к гипнозу. Ничего нельзя знать наверняка, пока жертва не окажется в опасной ситуации. Пожалуй, это уже хроническое заболевание...

– А может, просто стечение обстоятельств. Стин не должен был знать, что Галлер чувствителен к гипнозу. По крайней мере, мне хотелось бы так думать.

– Ты так думаешь потому, что не хочешь верить, что твой друг пошел против своих же товарищей и напал на них. Случайно или неслучайно, но Стин атаковал Галлера, своего коллегу и непосредственного начальника. Всему этому есть четкое определение. Это предательство!

– Я так не считаю, – продолжал настаивать Грейсон. – По-моему, к этому приложил руку Рейвен. Стин не сделал бы этого без серьезных на то оснований.

– Согласен, – кивнул Кайдер с сардонической улыбкой. А затем продолжил: – Всегда найдется причина, хорошая или плохая, неважно какая. Например, моя персона. Я являюсь законопослушным, честным и преданным, заслуживающим абсолютного доверия гражданином Венеры только потому, что мне пока никто не предложил достаточно большую сумму за измену. Моя цена очень высокая. И у меня есть довольно убедительная версия того, что произошло со Стином. В данном случае Рейвен его просто купил.

– Даже если допустить, что Стин из этой категории людей, в чем я сомневаюсь, каким образом это могло произойти? У него не было возможности обсудить эту проблему.

– Разве он не находился какое-то время с глазу на глаз с Рейвеном?

– Да, находился, – признал Грейсон. – Не более двух минут, в соседней комнате. И я постоянно находился с ним в телепатическом контакте. Мозг Рейвена был закрыт. Мозг Стина рассказал мне, что Рейвен повернулся к нему, желая что-то сказать. Затем Рейвен дотронулся до него, и моментально мозг Стина закрылся. Но это невозможно! Обычный гипнотик не может экранировать мозг как телепат. Тем не менее это произошло!

– Ого! – воскликнул Кайдер, наблюдая за ним.

– Это сразу вызвало у меня подозрение. Все выглядело очень странно. Я поднялся и решил посмотреть, что там происходит. И в этот момент в дверях появился Стин. Я испытал такое облегчение, что не заметил, что его мозг по-прежнему оставался закрытым. И прежде чем я вернулся в нормальное состояние, он сделал со мной что хотел. Естественно, я был готов к борьбе с Рейвеном, но мне и в голову не пришло защищаться от Стина. Ведь мало кто ожидает, что ваш союзник неожиданно станет противником и усыпит вас.

– Разумеется. – Кайдер что-то прочиркал пауку, который беспрекословно подчинился и уполз в сторону. – В таком случае превратим это в двойную охоту. Нет большой разницы: искать одного или двух. Скоро Стин будет в наших руках, и тогда мы его исследуем.

– Вы забыли об одном, – напомнил ему Грейсон. – Я нахожусь здесь, и Стин знает это место.

– Ты хочешь сказать, что он может выдать нас и мы станем с минуты на минуту объектом для рейда службы безопасности?

– Совершенно верно.

– Сомневаюсь, – Кайдер спокойно анализировал ситуацию. – Если бы оборонительные силы Земли знали об этом центре, они бы атаковали немедленно и уничтожили его. Этот рейд был бы проведен еще несколько часов назад, если они

рассчитывают на эффект неожиданности.

– А разве нельзя допустить с их стороны некоторую медлительность и нерасторопность? Что мешает им основательно подготовиться, а затем взорвать все к чертовой матери?

– Ты нервничаешь! – успокоил его Кайдер. – У нас Здесь масса способных и талантливых людей... а кроме того, поражение заставило бы нас искать лучшее укрытие. Ну и, наконец, лучше знать противника в лицо, чем гадать, с какой стороны последует удар!

– Дай-то бог! – Грейсон продолжал нервничать.

– В любом случае, для оправдания таких жестоких мер у них не будет убедительных объяснений для общественного мнения. Они не могут начать открытую активную войну, притворяясь, что такой проблемы не существует. И до тех пор, пока они будут притворяться, что ничего не происходит, мы будем делать с ними что захотим. Инициатива в наших руках, и мы ее не упустим.

– Дай бог, чтобы вы оказались правы!

– Я уверен в этом. – Кайдер включил связь. – Семьсот двадцать седьмой, гипнотик Стин. Перешел на сторону врага. Схватить во что бы то ни стало, и как можно скорее!

Приглушенный тяжелой дверью, приказ разносился по всем коридорам и комнатам.

На другом конце подземного города, вблизи от секретного входа, один из рабочих близоруко прищурился и с раздражением посмотрел на динамик связи. Возле другой двери бородатый «пиротехник» играл в карты с левитатором и как раз побил пятерку червей своего партнера валетом пик.

– Я выиграл! За тобой пятьдесят монет.

Он откинулся назад и радостно потер свои волосатые руки.

– Ты слышал, пошел против нас?! Первый раз подобное слышу.

– Этот тип еще пожалеет об этом! – пророчески произнес «человек-резина».

– Идиоты! – сказал кто-то. – Мертвые не раскаиваются!..

Глава 4

Посмотрев в окно, Лайна увидела, как он возвращается, пересекая сад. Ее прекрасные глаза выражали осуждение. Она отошла от портьеры.

«Он вернулся. Что-то, очевидно, сорвалось». Она открыла дверь в соседнюю комнату:

– Я отказываюсь присутствовать при вашей встрече. Зло – это зло, а добро – это добро. Я не могу думать по-другому, даже если это нужно для выхода из подобной ситуации.

– Не оставляйте меня наедине с ним! Не оставляйте, умоляю вас! Я не владею собой. Я попытаюсь его убить, хотя он может это сделать гораздо раньше...

– Вы не сделаете ничего подобного, – приказала осуждающе она. – Вы что,

способны убить себя самого, свое собственное Я?

Она сделала паузу, услышав, как мысленно ее позвали: «Лайна!» – но не ответила.

– Помните о своем обещании: беспрекословное подчинение. Делайте все, что он вам прикажет. Это единственное, что вам остается.

Она закрыла дверь, оставив его наедине со своими мыслями.

Кто-то вошел в комнату и через стены вошел с ней в контакт:

«Все идет хорошо, Лайна. Через минуту мы можешь войти».

А затем вслух, обращаясь к несчастному:

– Вы готовы к возвращению?

В ответ молчание.

– Я уверен, что вы хотите вернуться, не так ли?

Послышалось бормотание:

– Проклятый вампир, конечно же хочу!

– Тогда готовьтесь.

Лайна закрыла глаза, хотя и ничего не видела. & соседней комнате слышались тихие стоны и всхлипывания. Она встала и с суровым выражением лица направилась к двери. Открыв ее, она увидела сидящего на надувной софе Стина, бледного и растерянного.

Рейвен в это время говорил Стину:

– Я воспользовался вашей телесной оболочкой. И хотя вы – мой враг, прошу прощения. Не очень хорошо использовать в своих целях живых людей без их на то согласия.

– Живых? – Стин побледнел еще больше, услышав это слово. – Из этого следует, что использование мертвых позволительно? – В голове у него был полный сумбур. – Вы хотите сказать, что...

– Не торопитесь с выводами, – посоветовал Рейвен, читая его мысли словно открытую книгу. – Возможно, вы и правы. А может быть, и ошибаетесь. Во всяком случае, это вам никак не поможет.

– Дэвид! – позвала Лайна, глядя в окно. – А если они вернуться, подготовившись получше и с подкреплением?

– Обязательно вернуться! – беззаботно подтвердил он. – Но пока будь спокойна. Я рискую, исходя из принципа, что им и в голову не придет, что дичь опять полезет в западню. Но рано или поздно они до этого додумаются и тогда вернуться. Но будет уже поздно.

Дэвид вновь повернулся к Стину:

– Они сейчас всю планету переворачивают вверх дном, придавая моей персоне чрезмерную важность. Кто-то сообщил им обо мне всю информацию. Именно поэтому они так переполошились. Кто-то из очень высоких сфер, ведающих делами Земли, предал правительство. Вы знаете, кто этот человек?

– Нет.

Дэвид без колебаний поверил, так как в мозгу Стина не было даже намека на имя.

– Кроме того, они уже ищут вас.

– Меня?! – Весь дрожа, Стин все же попытался овладеть собой.

– Да, вас. Я совершил серьезную ошибку. Я просчитался, занявшись командиром вашего корабля. Он был не просто «пиротехник». Интуитивно он обладал довольно развитым экстрасенсорным видением мира. Это позволило ему то ли увидеть, то ли почувствовать и оценить вещи, которые он не должен был знать.

Дэвид искоса посмотрел на Лайну, которая нервно гладила рукой горло.

– Я этого не ожидал. Ничто не говорило об этой его способности, и я был захвачен врасплох, – продолжал рассказывать Дэвид. – Это похоже на мутанта тринадцатого типа, «пиротехника» с экстрасенсорным восприятием. Он сам еще не понял, чем обладает, а следовательно, не пользуется этим, что не похоже на обычных мутантов. – Рейвен уставился в пол, чиркая носком ботинка по ковру. После паузы продолжил: – Едва я вошел с ним в контакт, он понял меня так, как вы никогда не поймете... и оказался неспособным выдержать испытание истиной. И в этих условиях он предпринял безнадежную попытку самосохранения, которую счел единственно возможной. Ясно, что он ошибся. Но в кризисной ситуации люди не часто следуют логике. Таким образом, он стал для меня бесполезен.

– Что вы хотите этим сказать? – с ужасом спросил Стин.

– Только то, что он сошел с ума, – ответил Рейвен. – А все думают, что виноваты в этом вы!

– Я? – словно эхо отозвался Стин. – Мое тело?

Он вскочил на ноги, ощупал лицо и грудь и посмотрел в зеркало.

– Мое тело! – повторил он. – Но это был не я! – горячо запротестовал Стин.

– Попробуйте убедить их в обратном.

– Они приставят для работы с моим мозгом телепата, и тот определит истину. Я не смогу внушить ему какую-либо историю, полную лжи... Это невозможно! Поэтому они поймут меня.

– Нет ничего невозможного. Это слово должно исчезнуть из словаря. В действительности же, если бы с вами поработал более сильный, чем вы, гипнотик, то вы могли бы заполнить ложью все космическое пространство до Альдебарана...

– Они меня не убьют, – обеспокоенно рассуждал Стин. – Но удалят к черту на кулички на всю оставшуюся жизнь. А это еще хуже. Я этого просто не вынесу! Уж лучше умереть!

Рейвен усмехнулся:

– Вы даже не догадываетесь, как близки к истине.

– В вашем положении, конечно, вы можете себе позволить потешаться надо мной, – запротестовал Стин. – Разве может кто-нибудь посадить вас за решетку, если вам достаточно пяти минут, чтобы превратиться в охранника и на его собственных ногах выйти из тюрьмы. Вы могли бы с этого начать, а затем, постоянно изменяясь,

добраться до соответствующего офицера и подписать приказ о своем собственном освобождении. Вы... Вы могли бы...

Слушая его рассуждения, Рейвен улыбнулся и сказал:

– Так вы можете договориться бог знает до чего... Но даже если я в конце концов поменяюсь местами с руководителем секретной службы движения «Марс-Венера» и женюсь на самой красивой женщине Земли, сомневаюсь, что смогу восстановить мир, как вы это предполагаете... Будет вам! Вы, наверное, начитались этих дешевых марсианских романов или насмотрелись таких же фильмов.

– Возможно. Во всяком случае, мне кажется, что кто-то должен выпустить вам кишки, чтобы помешать стать победителем.

Стин посмотрел на Лайну, затем снова повернулся к Рейвену:

– Но это не поможет, если есть другие представители вашего типа, готовые вас заменить.

– Похоже, что вы уже заранее отдаете нам победу. – Рейвен вновь улыбнулся и повернулся к Лайне: – Мне кажется, я поступил верно, используя его.

– У меня на этот счет противоположное мнение, – холодно ответила Лайна – Ты поступил плохо, и нет этому поступку оправдания.

– В принципе я с тобой согласен, – кивнул Рейвен. Повернувшись к Стину, сказал; – Я вернулся сюда вовсе не для развлечений. Есть серьезная причина, и она имеет к вам самое прямое отношение.

– В каком смысле?

– Прежде всего я хотел бы выяснить, решили вы работать на нас или остаетесь в лагере противника?

– После всего, что я пережил, – колеблясь, ответил Стин, – думаю, что лучше сменить команду. Но... я не могу это сделать. – Он решительно затряс головой. – Я не из той породы. Тот, кто предает свою собственную расу, – негодяй.

– Стало быть, вы остаетесь врагом Земли?

– Во все нет! – Он нервно задвигал ногами, избегая смотреть на собеседников. – Просто я не хочу становиться предателем. Но в то же время я чувствую, что вся борьба с Землей – это безумие... победителей в ней не будет. – Тоска и безысходность появились в его голосе. – Чего я сейчас больше всего хочу, так это отправиться домой, спокойно жить и ни во что не влезать!

И это было правдой Потерять руку или ногу – уже шок А тут – лишиться всего тела! Это ни с чем не сравнимо.

– Если даже вы вернетесь домой, вам будет очень трудно спокойно отдыхать в вашем кресле. Когда националистическая истерия, словно эпидемия, распространяется во все стороны в поисках мишени для своей ненависти, больше всех всегда страдают нейтральные пацифисты.

– Я все же рискну.

– Делайте как хотите, – Рейвен сделал жест в сторону Двери. – Дорога к свободе открыта, а плата за нее – информация, которую вы можете мне сообщить.

– Что вы хотите узнать?

– Как я уже сказал, какой-то очень важный тип на Земле предал меня. Незвестный мне подлец в нашем лагере. Вы меня уже заверили, что не знаете, кто это. Но кто, по-вашему, это может быть?

– Кайдер, – не колеблясь ответил Стин, главным образом потому, что деваться ему было некуда. Это имя автоматически возникло в мозгу, а значит, легко могло быть прочитано, как неоновая реклама.

– Кто он такой? Где живет?

Ответить на эти вопросы было просто, так как они не таили в себе никакой опасности. За пределами секретного центра Кайдер с циничным усердием выполнял свои земные обязанности.

– Есть ли у него какие-либо особые способности? – спросил Дэвид, прочтя предыдущий ответ.

– Я не уверен, но говорят, что он может разговаривать с насекомыми.

– Этой информации достаточно, – сказал Рейвен и показал на дверь. – Можете идти. Даст бог, в качестве нейтрала вы будете счастливы.

– Я бы очень хотел, чтобы так и было, – согласился Стин. Остановившись на пороге, он горячо добавил: – Дай бог никогда больше не видеть вас двоих!

Сказав это, он посмотрел на небо и быстро вышел.

– Ты заметил? – Лайна выглядела немного ошарашенной. – Он посмотрел на небо, нам ничего не сказал, но его мозг выдал то, что видели его глаза: спускающийся вертолет! – Теперь уже она забеспокоилась. – Да, спускается очень быстро! Дэвид, ты слишком много болтал и потерял уйму времени. Что ты собираешься делать?

Он спокойно посмотрел на нее:

– По-видимому, женщина всегда остается женщиной.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Когда ты нервничаешь, ты ничем не отличаешься от человека из толпы. Ты очень много думаешь, но забываешь слушать. А ведь далеко не все – враги...

Подавив беспокойство, она прислушалась. И мысли из вертолета рекой потекли к ней. В спускающейся машине было четыре человека, и у всех, несомненно, простые мозги. Вертолет находился в зоне приема, и до Лайны и Дэвида долетел разговор находящихся в нем людей:

– В доме, похоже, все спокойно. Интересно, что за тип только что вышел и отправился к шоссе?

– Бог его знает! Во всяком случае, это не он. Этот слишком низенький и толстый... Что бы там ни было, Кар-сон сказал, что в доме еще должна находиться какая-то чувственная амазонка. Если не найдем Рейвена, поговорим с ней.

– Слышала? В лице Карсона ты имеешь тайного воздыхателя! – пошутил Рейвен.

– Я даже ни разу его не видела. Так что, наверное, это ты рассказал ему кое-что обо мне.

Лайна повернулась к окну и стала слушать дальше. Странные голоса-мысли витали теперь над крышей.

– Они могли бы нам придать какого-нибудь телепата. Говорят, что некоторые из них способны перехватывать мысли аж за линией горизонта.

Кто-то другой прокомментировал:

– В нашей корпорации никогда не будет таких работников. Общественность не потерпела бы этого. С тех пор как два столетия назад подняли шум по поводу психологической полиции, ни один телепат не стал полицейским.

Третий из команды с презрением процедил:

– Ха-ха-ха! Общественность! Меня от нее тошнит! – И тут же, спохватившись: – Эй! Ты куда так гонишь? Этот сад – море грязи, а не резиновая подушка. Ты хоть смотри что делаешь!

– В конце концов, кто находится за рычагами управления этой штуки, ты или я? Ты еще пеленки мочил, когда я уже приземлялся на пятачке размером с носовой платок! – Последовала пауза. – Держитесь крепче, садимся!

Из дрожащей машины, в свете прожекторов, выпрыгнули четверо мужчин и направились к дому. Все были в обычной одежде.

Выйдя им навстречу, Рейвен спросил:

– Что стряслось? Что-то срочное?

– Понятия не имею, – ответил руководитель группы, смерив Дэвида взглядом с головы до ног. – Без всякого сомнения, вы – Рейвен. Карсон хочет с вами поговорить, – он сделал жест в сторону вертолета. – Мы прилетели на этой каракатице, потому что на ней есть канал связи службы безопасности. Вы можете поговорить с ним прямо отсюда.

– Отлично!

Поднявшись в машину, Рейвен устроился поудобней в кабине и стал ожидать, пока наладят радиосвязь.

Наконец экран засветился и на нем появилось лицо Карсона.

– Быстро вы справились, молодцы! – поздравил он команду. – Я отправил на поиски десять патрульных машин и уже думал, что дай бог только через неделю вас обнаружат. – Карсон сделал свое изображение более четким. – Что случилось?

– Ничего особенного, – сообщил Рейвен. – Оппозиция уже дважды меня атаковала. Я им ответил тем же. Окончательно никто не победил.

Лицо Карсона исказила гримаса.

– Это ваша точка зрения на игру. Наша точка зрения менее оптимистична. Более того, положение очень неприятное.

– Что произошло?

– Этим утром взлетела на воздух фабрика «Бакстер Юнайтед». Новость мы держим в секрете и, сколько сможем, не допустим утечки информации.

Скрестив руки, Рейвен заметил:

– Это была большая фабрика, не так ли?

– Вы еще спрашиваете?! Ночная смена, которая меньше дневной, в этот момент покидала предприятие. Это сократило число жертв примерно до четырех тысяч.

– Подонки!

– Внешне все выглядит как обычная промышленная авария, вызванная каким-то происшествием, – продолжил с горечью в голосе Карсон. – Но все наталкивает на мысль, что это лишь одна из целой серии хорошо спланированных акций, и сюрпризы еще будут. Причем все будет выглядеть как обычное происшествие. Пока у нас нет доказательств, мы ничего не можем сказать.

– Были ли на фабрике установлены ловушки?

– Были, и много. Дюжины. Фабрика являлась стратегически важным предприятием и соответственно охранялась. Какого черта, мы же не дураки!..

– Ну и...

– Десяносто процентов ловушек также взлетело на воздух. Те немногие, что остались, были настолько выведены из строя, что ничего не смогли зафиксировать. Целая группа агентов, составленная отчасти из телепатов и гипнотиков, зря прочесывала район в поисках информации.

– Кто-нибудь выжил? – поинтересовался Рейвен.

– Есть несколько очевидцев. Их трудно назвать выжившими, поскольку ближайший очевидец находился на расстоянии около мили от фабрики. Они говорят, что было ощущение очень сильного землетрясения.

– При нашей первой встрече вы сказали, что до сих пор тактика врага состояла в незаметном, хотя и эффективном саботаже, но никогда не влекла за собой такие ужасные человеческие жертвы. И это было естественно, поскольку все-таки между нами еще существуют узы крови". Но, если в конце концов выяснится, что взрыв – их рук дело, это будет означать очень важную перемену. Это будет означать, что они перешли к решительным действиям и будут атаковать нас со всей жестокостью.

– Именно этого мы и боимся – подтвердил Карсон – Какой-нибудь Опьяненный собственным успехом фанатик с Венеры или Марса может решить, что настало время ускорить ход события и использовать все имеющиеся в его распоряжении средства. Поэтому больше терпеть мы не можем

Кивнув в знак согласия, Рейвен спросил:

– Но все же для чего вы меня вызвали? Вы хотите, чтобы я сделал что-то особенное?

– Нет, ничего особенного, – ответил Карсон. – Все, что вы сделаете, полностью на ваше усмотрение. Я просто довел до вашего сведения последнюю информацию. А уж ваша задача – с толком ею распорядиться. – Карсон тяжело вздохнул и озабоченно потер лоб. – Идея заговорщиков состоит в том, чтобы через эти катастрофы, которые очень трудно отличить от случайных, постепенно парализовать все наши силы и заставить сдаться. И вся беда в том, что без убедительных доказательств очень трудно отличить спровоцированную катастрофу от тех, что время от времени происходят в силу объективных причин.

– Конечно...

– Кроме того, всегда существует практика приписывать оппозиции любое значительное происшествие, хотя, по правде говоря, они могут не иметь к этому никакого отношения. Но с другой стороны, если бы мы точно знали, что виновны они, а также конкретных исполнителей тогда мы могли бы повесить их всех на фонарных столбах. И тут уж им не помогло бы земное гражданство. Убийство является убийством в любом уголке космоса.

– Вы хотите, чтобы я оставил все и, занялся изучением только этой проблемы?

Лицо Карсона стало суровым.

– никоим образом! Покончить любым способом с этим идиотским соперничеством, если с ним вообще можно покончить, гораздо важнее, чем бороться с его последствиями! Я предпочитаю, чтобы вы начали осуществлять любой разработанный вами план. Но в то же время я хотел бы, чтобы вы использовали любую возможность для сбора информации, которая прояснила бы историю с этим взрывом. Если что-нибудь откопаете, немедленно мне сообщите.

– Хорошо. Договорились. Буду держать ушки на макушке и смотреть во все глаза. Все, что я узнаю, вы получите без задержки. – Поглядев с любопытством на собеседника, Рейвен спросил: – А собственно говоря, чем занималась эта фабрика «Бакстер»?

– Ну да, конечно! Чтобы вы да не спросили об этом!

– Есть что-то такое, о чем я не должен знать?

– Ладно... ладно... – заколебался Карсон, но наконец решил: – Не вижу причин скрывать от вас истину. Если Керати не согласен с этим, то пусть ему будет хуже. Я не разделяю ту точку зрения, что агентуре не все положено знать. – Внимательно посмотрев на экран, Карсон спросил: – Рядом с вами или в пределах слышимости есть кто-нибудь?

– Никого.

– Тогда слушайте, и о том, что я скажу, никому ни слова! Фабрика «Бакстер» через два месяца должна была завершить работу над созданием двенадцатимоторного двигателя нового типа, работающего на совершенно новом горючем. Маленький телеуправляемый испытательный корабль, снабженный этим двигателем, в конце прошлого года совершил полет к поясу астероидов и вернулся на Землю. Все хранилось в глубочайшем секрете.

– Не означает ли это, что ведется серьезная подготовка для Великого прыжка? – невозмутимо спросил Рейвен.

– Велась, – поправил его Карсон с горечью в голосе, сделав упор на прошедшем времени. – Четыре трехмоторных аппарата были готовы для запуска в систему Юпитера. Но гораздо важнее было то, что это была лишь попытка, чистый эксперимент, основополагающий принцип... Если бы путешествие прошло без происшествий...

Карсон не закончил фразу.

– Дальние планеты? Вплоть до Плутона?

– Детские игрушки!..

– Альфа Центавра?

– Возможно, даже дальше. Еще рано устанавливать пределы, но они должны быть отодвинуты гораздо дальше. – Неожиданно он очень внимательно посмотрел на Дэвида. – Похоже, что вы не очень удивлены и возбуждены услышанным?!

Не отвечая, Рейвен спросил:

– А это новое горючее, оно очень взрывоопасное?

– Чрезвычайно! Именно поэтому мы сбиты с толку. Это мог быть и просто несчастный случай, несмотря на все принятые меры предосторожности.

– Ну и дела! – протянул Рейвен. Подумав немного, он заговорил о другом: – Там у вас крутится один тип с Венеры, некто Кайдер. Руководит торговой компанией «Утренняя звезда». Похоже, это не совсем обычный тип. Я хочу войти с ним в контакт.

– Против него что-нибудь есть?

– Только то, что, кроме торговли, он на Земле занимается какими-то другими делами. Мой информатор считает, что он является ключевой фигурой на той стороне «поля битвы»,

– Кайдер... – повторил Карсон, сделав пометку в блокноте, невидимом на экране. – Наведу справки о нем в секретной службе. Как уроженец Венеры, он должен фигурировать в нашей картотеке. – Закончив запись, он поднял глаза: – Хорошо. Если понадобится, можете воспользоваться этим вертолетом. Еще что-нибудь нужно?

– Какой-нибудь астероид с хорошим воздухом и прекрасными видами для личной резиденции!..

– Когда хотя бы несколько сотен из них будут у нас в руках, обещаю один оставить для вас, – даже не улыбнувшись, ответил Карсон. – Судя по тому, как сейчас идут дела, вы будете его иметь через сто лет после своей смерти.

Еще некоторое время Рейвен продолжал сидеть, уставившись на экран и размышляя. Есть существа, безразличные к разрушениям, совершенным руками людей.

«Вот именно, Дэвид, руками человека, – прервала его размышления Лайна, послав импульс из глубины дома. – Помни об этом! Всегда об этом помни!»

«Это нельзя забыть», – ответил он.

«Можно... но не забывай, хотя бы временно, о памяти».

«Почему бы и нет? Нас здесь двое: один вспоминает, в то время как другой полон обоснованных забот».

Она ничего не ответила. Для себя она уже все решила, поэтому добровольно и осознанно присоединилась к нему для выполнения поставленной задачи. Лайна не боялась ни человека ни зверя, ни бога ни черта, ни жизни ни смерти. Единственным источником ее мучительного беспокойства был страх одиночества.

С трудом выбравшись из тесной кабины, Рейвен спрыгнул на землю и направился к ожидавшим его пилоту и членам экипажа.

– Проводите меня к дому. Я бы хотел некоторое время остаться здесь и после захода солнца.

Глава 5

Кайдер вернулся домой, когда на землю опустилась ночь. Оставив машину на заднем дворе, он наблюдал, как два человека ставили ее в маленький гараж. Закрыв раздвижную дверь, они подошли к нему, и все пошло к выходящей на задний двор двери дома.

– Опять я задержался, – с раздражением сказал Кайдер. – Полиция этой ночью очень нервничает. Рыщут по всем направлениям. Останавливали меня три раза. «Покажите, пожалуйста, ваше разрешение. Покажите, пожалуйста, ваше удостоверение пилота. Покажите, пожалуйста...» – Он с раздражением вздохнул. – Как они еще не попросили свидетельство о рождении!

– Должно быть, что-то произошло. – заметил один из спутников. – Между тем на спектроэкране нет никаких чрезвычайных сообщений.

– А когда они там были? – заметил второй. – Уже прошло три недели, а они ни слова не сообщили о нашем ударе по...

– Тише, тише! – остановил его Кайдер, сопроводив предостережение увесистым шлепком по спине. – Сколько раз нужно предупреждать, чтобы вы не распускали языки!

С ключом в руке, он остановился перед дверью и тоскливо посмотрел вверх в надежде увидеть на небосводе сияющую точку, которую так редко видел.

– Что у нас на ужин? – войдя в дом, спросил Кайдер.

– Венерианская утка с жареным миндалем и...

Неожиданно зазвенел дверной колокольчик, Кайдер быстро и выразительно посмотрел на более высокого из двоих.

– Кто это может быть?

Мозг высокого сконцентрировался на входной двери. Затем он повернулся и ответил:

– Некто Дэвид Рейвен. Кайдер от неожиданности сел.

– Ты уверен?

– По крайней мере, так сообщает его мозг.

– А что еще он говорит?

– Ничего. Только это. Остальное закрыто.

– Задержите его на некоторое время, а затем пригласите.

Подойдя к огромному письменному столу, Кайдер открыл ящик и вытащил оттуда маленькую коробочку.

– Он знает, что мы его задерживаем, и знает почему, – сообщил высокий. С едва

скрываемым отвращением он внимательно смотрел на коробочку. – Он точно знает, что вы делаете и что у вас на уме. Он может Читать все ваши мысли.

– Ну и что из этого? Какое преимущество это ему дает?

Кайдер подтолкнул коробочку на середину стола, поближе к стоящему перед ним стулу. Какие-то блестящие иголки вылетели из коробочки и стали кружиться по комнате.

– Ты напрасно беспокоишься, Сантил. Вы, телепаты, все одинаковы: воображаемая опасность, что кто-то может легко прочесть ваши мысли, стала для вас навязчивой идеей.

Он стал издавать какие-то странные звуки. В ответ новые омерзительные насекомые выбрались из своего убежища и закружились, исчезнув в дальних углах комнаты.

– Пригласите его!

Сантил, как и его напарник, с облегчением и удовольствием вышли из комнаты. Когда Кайдер начинал играть с этими коробочками, у них появлялось неистребимое желание быть как можно дальше от этого места. Их поведение понравилось Кайдеру. Ему льстило сознание собственного могущества. Превосходство над простыми смертными – Это такая штука, которую стоит иметь. А уж если речь идет о тех, кто наделен необычайными талантами, то это вообще нечто грандиозное. Какая-то небольшая зеленая тварь, похожая на паука, словно очнувшись от сна, зашевелилась в кармане его пиджака. Кайдер единственный на Земле обладал армией без нервов, страха, почти непобедимой, к тому же абсолютно подчиненной его воле.

Когда Рейвен вошел, на лице Кайдера заиграла дежурная профессиональная улыбка. Жестом указав на стул, он быстро окинул взглядом вошедшего. «Обычный атлетический тип, – подумал он, – если не считать этих глаз с металлическим блеском». Глаза эти, казалось, пронизывали насквозь.

– Да, действительно, я таков, каким вы меня представляете, – невозмутимо сказал Рейвен. – Да и глаза в самом деле видят очень далеко.

Не растерявшись, Кайдер ответил:

– Поверьте, я не нервничаю. Всю мою жизнь вокруг меня крутятся читатели мыслей. Иногда раньше, чем я прикажу что-либо вслух, по меньшей мере дюжина из них бросается выполнять приказ. Послушайте, я вас ищу.

– Если это так, то с моей стороны было очень любезно самому прийти к вам. А чем, собственно, я вас заинтересовал?

– Я хотел знать, что вы из себя представляете. – Кайдер явно хотел уклониться от ответа на прямой вопрос и предпочел сказать что-нибудь другое. – Мне сказали, что вы более чем уникальный человек...

Подавшись вперед и уперев руки в колени, Рейвен спросил:

– А кто вам это сказал? Кайдер неестественно засмеялся.

– Для чего вы спрашиваете, если можете преспокойно все прочесть в моем мозгу?

– В ваших мыслях этой информации нет. Возможно, какой-то гипнотик время от

времени стирает из вашей памяти эти сведения в качестве меры безопасности. Если это так, то можно предпринять еще кое-что. Образ может быть стерт, но его отпечаток всегда остается.

– Для человека, о котором столько говорят, вы показываете образцы недалекого ума, – заметил Кайдер. – То, что может сотворить один гипнотик, другой может с тем же успехом разрушить. Поэтому, если мне необходимо уберечь что-то важное от нескромных глаз, я эту информацию в мозгу не держу. Для этого у меня есть другие, более эффективные способы.

– Например?

– Например, с самого начала не забивать этим голову.

– Вы хотите сказать, что получаете информацию из неизвестного источника?

– Конечно. Я сам попросил, чтобы мне не открывали источник. В этом случае я ничего не могу сказать и никто ничего не сможет извлечь из моего мозга помимо моей воли. Даже лучший телепат всех времен и народов не сможет прочесть в моем мозгу то, чего там нет!

– Блестящая предусмотрительность, – одобрил Рей-вен, очень довольный тем, что узнал. Одновременно он стал отгонять что-то, летающее в воздухе.

– Не делайте этого! – приказал ему Кайдер.

– Почему?

– Эти маленькие насекомые принадлежат мне!

– Это вовсе не дает им право досаждать мне своим жужжанием, не так ли? – Хлопая ладонями, он раздавил с дюжину этой мошкары. – А кроме того, там, откуда они вылетели, их еще больше.

Кайдер вскочил и угрожающим тоном сказал:

– Эти мошки могут причинить человеку много неприятностей. Например, после их укусов ваши ноги могут так воспалиться, что каждая станет шире туловища. И воспаление не прекратится. В итоге человек превращается в слоноподобную массу, абсолютно неспособную двигаться. – С садистским удовольствием Кайдер продолжил: – Воспаление достигает сердца, и жертва умирает. Но смерть не ставит окончательную точку в этом процессе. Он продолжается, делает шею в два раза толще, чем голова. Доходит черед и до головы, которая превращается в огромный ужасный шар с торчащими в разные стороны волосами. Глаза, словно пуговицы, проваливаются в этот шар дюймов на десять. – Кайдер остановился, смакуя свои литературные изыски, затем закончил: – В общем, жертва этих малюсеньких насекомых становится самым отвратительным трупом во Вселенной.

– Очень интересно, хотя и пахнет мелодрамой, – невозмутимо прокомментировал Рейвен. – Как приятно сознавать, что не я буду объектом внимания этих созданий!

– Что вам дает основание так думать? – Черные глаза Кайдера прямо впились в Дэвида.

– Многое. Ну, например, если меня постигнет эта участь и я погибну, то каким образом вы собираетесь получить нужную вам информацию?

- Если вы будете мертвы, то я в ней уже не буду нуждаться.
- Простительная ошибка, мой друг. Вы будете очень удивлены, когда узнаете, сколько жизненно важной информации вам не хватает.
- Что вы хотите этим сказать?
- Да не тревожьтесь вы, – Рейвен сделал широкий жест. – Сядьте и успокойтесь. Лучше думайте о последствиях моего воспаления. Насколько я знаю, на всей планете не найдется никого, кроме вас, кто бы мог это сделать?
- Да, только я, – с гордостью сказал Кайдер.
- А это сразу сузит круг подозреваемых, не так ли? Секретная служба Земли, едва взглянув на труп, сразу возьмет вас под белы ручки. Они это называют убийством. А для убийц у них предусмотрено очень суровое наказание.
- Наблюдая за облаком пыли, Кайдер со значением сказал:
- Это в том случае, если Секретная служба обнаружит труп. А если его не будет?
- Никакого тела не будет. Я устрою все так, чтобы оно полностью разложилось, затруднив любое расследование, – сказал улыбаясь Рейвен.
- *Вы* позаботитесь?! По-моему, вы забыли, что мы говорим о вашем теле, а не о моем.
- Мы говорим о феномене вообще, а не о вас или обо мне.
- Да вы бредите! – воскликнул Кайдер, чувствуя, как от ужаса у него похолодел затылок. – Вы лунатик.
- Наклонившись вперед, он нажал на своем столе какую-то кнопку.
- Дверь открылась, в нее осторожно заглянул Сантил.
- Тебе удалось что-нибудь перехватить? – спросил Кайдер.
- Нет.
- Но ты хотя бы пытался?
- Бесполезно. Я могу перехватить его слова, мысли и чувства об окружающем, но его собственный мозг словно вакуум. Этого не может делать никто – ни я, ни любой телепат из тех, кого я знаю.
- Хорошо, хорошо. Можешь идти, – Кайдер подождал, пока дверь закроется. – Стало быть, вы являетесь новым типом телепата с круговой защитой. Вы можете читать мысли других, а ваши никто. Это подтверждает то, что мне сказал Грейсон.
- Грейсон? – повторил Рейвен. И, пожав плечами, добавил: – Тот, кто информирован наполовину, не заслуживает доверия.
- Это относится в равной мере и к вам.
- Разумеется. Мне нужно еще многое постичь. Например, я хотел бы знать, кто организовал взрыв на фабрике «Бакстер».
- Что?
- Сегодня утром произошел огромной силы взрыв...

– Неужели? А какое отношение к этому имею я?

– В самом деле, никакого, – разочарованно согласился Рейвен

Для его разочарования имелись основательные причины: за четыре секунды в мозгу Кайдера пронеслась вереница мыслей, и Рейвен очень точно их все прочел.

Рейвен перестал размышлять, заметив:

– Сомневаюсь, чтобы вы кому-то или чему-то верили, кроме своих мошек. – Он обратил внимание на облачко, которое кружилось по комнате. Его пронзительный и напряженный взгляд продолжал изучать коробки, вазы, корзины, пытаясь оценить потенциал их содержимого. – Однажды даже эти насекомые вас покинут, сколько бы их ни было, потому что насекомые есть насекомые.

– Если речь идет о насекомых, то перед вами авторитет в этой области, – пробормотал Кайдер. – Вы читали все мои мысли. К сожалению, я не в состоянии вам помешать. Таким образом, вы знаете, что дело «Бакстера» не по моей части. Я к этому не имел никакого отношения.

– Вынужден это признать. Никакой гипнотик не смог бы стереть это в вашем мозгу, в противном случае вы бы не были так растеряны и откровенно заинтересованы в связи с этим фактом. Еще час назад я бы побился об заклад, что именно вы все это организовали. Увы, я ошибся. Спасибо, вы сэкономили мне деньги!

– Вам они понадобятся. Сколько вы заплатили Стину?

– Ничего. Ни цента.

– И вы хотите, чтобы я в это поверил?

– Как всякий, кто себя уважает, Стин больше не выдержал, – заявил Рейвен. – Всегда есть предел, когда человек больше не может терпеть. И тогда он или убегает при малейшей возможности, или взрывается. Лучше будет, если вы оставите Стину в покое.

– Я займусь им, когда наступит подходящее время, – с угрозой в голосе пообещал Кайдер. – А что вы сделали с Галлером?

– Ничего особенного. Его беда в том, что он полон амбиций и пытается постичь то, на что не способен. Вскоре он будет мертв.

– Мне сказали, что с его мозгом... – Внезапно голос Кайдера прервался, словно он не сразу осознал то, что услышал. – Вы сказали «мертв»?

– Сказал, – Рейвен словно развлекался. – А что в этом плохого? Мы все умрем, когда придет время. В один прекрасный день и вы умрете. Кроме того, не прошло и двух минут как вы с наслаждением рассуждали о моей внешности после того, как ваши создания проделают свою работу. Поэтому вы цените смерть!

– Я могу оценить ее в этот самый момент, – парировал Кайдер, чье артериальное давление угрожающе подскочило.

В этот момент на письменном столе зазвонил телефон. Несколько мгновений он ощущал аппарат, словно впервые его видел. Затем схватил трубку.

– Да?!

Молча выслушав, Кайдер положил трубку и откинулся на спинку стула. Затем

вытер лоб.

– Галлер покончил с собой.

Рейвен равнодушно пожал плечами, что шокировало Кайдера.

– Сообщили, – продолжил Кайдер, – что последнее время он бормотал идиотские и малопонятные истории о гигантских бабочках со сверкающими глазами, которые летают в темноте. И затем свел счеты с жизнью.

– Он был женат?

– Нет.

– Тогда его смерть не имеет большого значения. Это нужно было предвидеть. Как я уже сказал, он был слишком амбициозен. – Рейвен всем своим видом показывал, что это ничего не значащий эпизод, о котором не стоит печалиться.

– Что вы хотите этим сказать?

– Это неважно. Слишком рано. Вы еще не доросли до того, чтобы я вам об этом сказал. – Рейвен встал и продолжил: – Все, что я могу вам сказать, это следующее: в аналогичной ситуации вы бы сидели передо мной и весело резали свою шею от уха до уха, смеясь тому, что делаете.

– Этого бы как раз я не делал!..

– Делали бы как миленький!

Властным жестом вытянул руку, Кайдер сказал:

– Слушайте, вы! Мы с вами уже узнали друг друга. Каждый из нас думал, что подчинит себе другого, но оба убедились, что все напрасно. Вам не удалось вытащить из меня то, что вы хотели. Я же узнал о вас то, что хотел. Характеристика, которую вам дают как феномену, не более чем иллюзия. Пожалуйста, покиньте дом. Дверь вон там!

– Думайте что хотите, – в улыбке Рейвена чувствовалась ярость. – Я собирался установить личность предателя и, возможно, выяснить кое-что о деле фабрики «Бакстер». А впрочем, Секретная служба позаботится об этом.

– Ради бога! Секретная служба Земли уже давно сидит у меня на хвосте. Я настолько привык к их компании, что чувствую себя брошенным, когда их нет. Для эффективного чтения стертых другими мыслей им необходимо иметь в своем распоряжении гипнотика лучшего, чем наши. Для того чтобы вам доказать, что меня это мало волнует, я не побоюсь сказать, что у них есть основания следить за мной. Ну а дальше-то что? Я гражданин Земли, который занимается законным бизнесом, и против меня нет никаких материалов.

– Пока нет, – добавил Рейвен, направляясь к двери. – Но помните о тех больших бабочках со сверкающими глазами, о которых говорил Галлер. Вполне возможно, что у них к вам появится особый интерес, учитывая ваш талант «насекомоговорящего»... Хотя бы посмеются!

Рейвен уже вышел за порог, как вдруг посмотрел назад в открытую дверь, словно что-то вспомнил в последний момент:

– Да, совсем забыл, спасибо за информацию о подземной базе.

– Что?! – Кайдер от неожиданности даже выронил коробку с насекомыми.

– Это не ваша вина, даже не гипнотика, который стирает у вас в мозгу всю информацию о базе, когда вы ее покидаете. Напротив, он проделал свою работу очень добросовестно. Не осталось ни следа. – И прежде чем дверь с грохотом задвинулась, он успел сделать последнее замечание: – Но в мозгу вашего друга Сантила сохранился прекрасный, очень детальный образ!

Кайдер вытащил из-под стола микрофон и включил его:

– Внимание! Важное сообщение! Передайте его немедленно! «В ближайшее время. Секретная служба проведет свой рейд. Вступает в силу план номер один. Немедленно подготовить план номер два!» – Отдавая приказы, он в бешенстве продолжал смотреть на дверь. – Дэвид Рейвен в настоящее время выходит из моего дома. Стреляйте в него, как только увидите. Выведите его из игры во что бы то ни стало! Это первоочередная задача... Схватить Рейвена!

Дверь открылась, и вошел Сантил.

– Послушайте, я... я даже не знаю, как это ему удалось захватить меня врасплох...

– Идиот! – закричал Кайдер, едва его увидев. – Вы, телепаты, всегда хвастаетесь, что вы – венец творения природы. Тьфу! Слава богу, что я таковым не являюсь! Среди идиотов и умственно отсталых вы на последнем месте.

– Да поймите же, мой мозг был закрыт! – запротестовал Сантил, покраснев. – Я забыл, что этот тип мог читать мысли даже тогда, когда его собственная мозговая деятельность как у трупа. Именно поэтому я позволил себе расслабиться. Он сделал это так быстро, что я бы даже не понял, если бы он не сказал об этом вслух.

– Он, видите ли, забыл, – саркастически заметил Кайдер. – Эта любимая фраза осужденных: «Я забыл».

Он еще больше помрачнел.

– Если бы эти жучки могли узнавать людей в Лицо, я бы их послал за ним в погоню. И как бы далеко он ни ушел, они бы его настигли и обглодали его до скелета так быстро, что он не успел бы сказать «ай»!

Стараясь не смотреть на коробку, Сантил молчал.

– У тебя есть мозг или нечто, что ты так называешь. Давай его используем! Скажи, где он сейчас находится?

– Не могу. Я вам уже сказал, что его мозг закрыт.

– Похоже, ты тоже закрыт. От тебя толку, как от каменной стены!

Кайдер взялся за телефон.

– Это ты, Дин? Начинай передавать в эфир сигналы чрезвычайной ситуации. Да, я хочу поговорить с «человеком, которого никто не знает». Если он позвонит, скажи ему, что, вполне вероятно, Рейвен знает, где находится база. Я хочу, чтобы он использовал все свое влияние и отложил или уменьшил масштабы предполагаемого рейда.

– У него приличный радиус действия. Ставлю десять против одного, что он вас слышал, – вмешался Сантил.

– Не сомневаюсь. Но это ему мало что даст. Даже мы не знаем, с кем говорим.

Вновь зазвонил телефон.

– Алло! Говорит Мюррей, – раздался голос. – Вы дали мне задание собрать сведения о некоем Рейвене.

– И что вам удалось сделать?

– Не очень много. Предполагаю, что земляне в отчаянии, поэтому они рыщут по всей планете, строя неопределенные гипотезы.

– Осторожно, не уподобляйтесь им в этом занятии, – предостерег его Кайдер. – Керати, Карсон и другие далеко не дураки, хотя и связаны по рукам и ногам. Скажите, что вы узнали, а уж гипотезы буду строить я.

– Отец его был профессиональным пилотом на Марсе; телепат исключительной силы в пятом поколении. До встречи родителей Рейвена не было смеси талантов.

– Продолжайте.

– Мать его из древнего рода радиосенсов. Был один «суперслухач». По мнению профессора Хартмана, в результате этого генетического сплава должен преобладать главный талант. Есть небольшая вероятность того, что отпрыск, я имею в виду Рейвена, окажется телепатически восприимчивым в необычайно широком диапазоне.

– Здесь профессор ошибается. Этот вундеркинд может читать мысли других, не позволяя это делать с собой.

– Я этого не знал, – уклончиво ответил Мюррей. – В конце концов, я не генетик по профессии. Мое дело – передать вам то, что сказал Хартман.

– Ладно, ладно. Продолжайте.

– До поры до времени Рейвен шел по стопам отца. Он получил удостоверение пилота для полетов на Марс, поэтому имеет космическое звание капитана. Но неожиданно он прекратил это занятие. Хотя он и обладал всеми способностями и знаниями, но бросил астронавтику и никогда больше не летал на Марс. После этого, похоже, он мало чем занимался, кроме бесцельных путешествий по этой планете, пока его не выловил Карсон.

– Так-так. Странно! – Кайдер наморщил лоб, задумавшись. – Вы не нашли объяснения этой бездеятельности?

– Возможно, он считает, что путешествия на Марс противопоказаны его здоровью, – предположил Мюррей. – Особенно после того, как он погиб.

– Что? Что вы сказали? – У Кайдера волосы на затылке встали дыбом. – Повторите-ка еще раз!

– Помните, как десять лет назад в аэропорту взорвался старый «Римфайр»? Рейвен в это время находился там. Взрыв уничтожил диспетчерскую вышку. Были и жертвы. Помните?

– Помню. Видел на спектроэкранс.

– Так вот, среди погибших был и Рейвен. Но какой-то молодой врач, что-то предчувствуя, решил заняться трупом. Он собрал и склеил его кости. И ему удалось вытащить его с того света. Это был один из тех редких случаев, когда возвращаются из

могилы. С тех пор, по-моему, парень потерял храбрость.

– Это все, что вы знаете?

– Да, все.

Положив телефонную трубку, Кайдер откинулся на спинку стула и посмотрел на Сантила:

– «Потерял храбрость»! Идиоты! Насколько я могу судить, он ничего не потерял. Более того, он никогда не нуждался в храбрости.

– А кто это сказал? – спросил Сантил.

– Закрой рот и дай мне подумать.

Через некоторое время Кайдер продолжил:

– У Рейвена нечеловеческое чутье на смерть. Он почувствовал, что Галлер покончит с собой, за десять минут до того, как это случилось. Может быть, потому что один сумасшедший хорошо знает реакции другого.

– Вероятно, вы правы, шеф.

– Это заставляет думать, что его чудесное спасение после взрыва «Римфайра» не прошло бесследно. Он считает, что смерть скорее заслуживает презрения, чем страха, так как однажды он уже бросил ей вызов, а потому может повторить свой подвиг бесчисленное количество раз. Как ты знаешь, обстоятельства смерти Рейвена настолько уникальны, что он сам поспешил экстраполировать их на случившееся. Понимаешь, что это означает?

– Что же? – неохотно спросил Сантил.

– Безграничная храбрость, безумная дерзость человека, который не осознает этих качеств. Он неординарный телепат с мозгом фанатика. Однажды почувствовав вкус смерти, он перестал ее бояться. В этих обстоятельствах в любой момент он может сделать все, что ему взбредет в голову. Это делает его действия абсолютно непредсказуемыми. И я не сомневаюсь, что Карсон делает ставку именно на эти качества: помощник с огромными способностями, который, не раздумывая ни секунды, возьмется за то, что сам дьявол побоится предпринять. В общем, в своем выборе Карсон попал в точку.

– И все же я предполагал увидеть некоего супермена, – осмелился вмешаться Сантил.

– Я тоже. Это доказывает, что чем больше распространяется слух, тем больше преувеличение. Сейчас у меня четкое представление о нашем герое. Дать ему побольше веревки, и он сам удавится.

– То есть?!

– То есть настырные и торопыги первыми попадают в ловушку.

Кайдер взял какую-то тварь, похожую на паука, и положил себе на грудь.

– Он из тех, кто, едва выбравшись из одной западни, тут же попадает в другую. Все, что мы должны делать, это сидеть и спокойно ждать, пока он не свалится в яму.

Выдвинув ящик стола, Кайдер извлек из него телефон меньших размеров.

– Говорит Кайдер.

– Это Ардерн. Рейд начался.

– Ну и как?

– Ха! Если бы вы увидели, то посмеялись бы от души. Гипнотики стали взвешивать и фасовать миндаль, «микроинженеры» начали собирать женские часики, телекинетики печатают заметки о новостях с Венеры, а все в целом ведут себя словно примерные школьники. Вся база выглядит спокойным, невинным заведением, неспособным причинить зло даже мошке.

– Вы успели стереть память?

– Почти. Когда агенты Секретной службы вошли – внутрь, не были обработаны только шесть человек. Но мы спрятали их, выпустив через выходную трубу. Им удалось бежать без особых хлопот.

– Отлично, – удовлетворенно сказал Кайдер.

– Но это еще не все. Вы сделали срочный запрос о типе, которого зовут Дэвид Рейвен, не так ли? Так вот, мы его схватили.

– Как вам это удалось?

– Очень просто. Образно выражаясь, он сам вошел в клетку, закрыл дверь, повесил на решетку удостоверение личности и стал кричать, чтобы мы обратили на него внимание. Короче, он сам себя упаковал и послал нам по почте!

– Я знаю его слишком хорошо, чтобы так просто смотреть на вещи. За этим что-то кроется. Я лично приду и разберусь, что происходит. Буду через десять минут. Ждите!

Поставив телефон на место и закрыв ящик, некоторое время Кайдер не замечал ни Сантила, ни паукообразного существа. Он напряженно думал.

...Огромные светящиеся бабочки, легко покачиваясь на сверкающих крыльях, словно всполохи звезд, рассекали бесконечную ночную темноту...

Глава 6

Дорога заняла у Кайдера всего семь минут. Скромный дом, в который он вошел, являлся отдаленным секретным входом на подземную базу. Именно здесь были спрятаны те шесть человек, не обработанные гипнозом, которые ускользнули от Секретной службы.

Человек, который ожидал Кайдера, был мутантом второго типа, то есть левитатором. Его отличительной особенностью была изуродованная нога.

– Итак?.. – радостно спросил Кайдер, осматриваясь по сторонам.

– Рейвен находится на борту «Призрака», – сообщил Ардерн.

Приступ ярости охватил Кайдера.

– Тогда какого черта вы мне сказали, что он в клетке с табличкой, как в зоопарке?!

– Так оно и есть, – без тени испуга подтвердил Ар-дерн. – Как вам известно,

«Призрак» – это корабль, который вскоре отправится на Венеру.

– С земным экипажем! Все экипажи космических кораблей состоят из землян!

– Ну и что из того? Ни он, ни экипаж не смогут во время полета ничего сделать. Для этого им вначале нужно будет совершить посадку. А тогда Рейвен уже будет на нашей планете, среди миллионов наших соотечественников, в полной нашей власти. Что нам еще желать?

– Я бы хотел пообщаться с ним лично.

Подойдя к окну, Кайдер посмотрел вдаль. Ардерн приковывал к нему.

– Я находился рядом с входом, когда этот тип появился, спеша так, словно не мог себе позволить потерять ни секунды. Он представился офицеру, назвавшись Дэвидом Рейвеном, и потребовал кабину. В тот момент я про себя подумал: «Это тот тип, которого ищет Кайдер». И он тут же повернулся с выражением крокодила, который смотрит на обнаженного пловца, и сказал: «Абсолютно верно, мой друг!» – Ардерн пожал плечами и добавил: – Понятно, я тут же бросился к ближайшему телефону предупредить вас.

– Он был так дерзок, будто пришел к себе домой, – пробормотал Кайдер. – Он думает, что непобедим?

Кайдер стал быстро ходить по комнате, охваченный сомнениями.

– Я мог бы поместить в корабль коробку с насекомыми, но что бы это дало? Мои маленькие солдаты не способны отличить одного человека от другого, если им не указать.

– К тому же сейчас практически нет шансов подняться на борт. – заметил Ардерн. – «Призрак» стартует через пять минут.

– Есть ли на борту кто-нибудь, кого мы знаем?

– Уже слишком поздно, чтобы добыть полный список пассажиров. На борту около трехсот человек, не считая экипажа. Часть пассажиров – земляне, а остальные – обычные заурядные марсиане и венериане, неспособные думать о чем-либо другом, кроме своего бизнеса. – Ардерн подумал немного и добавил: – Жаль, что у нас нет возможности выявить людей с особыми талантами. Правда, на борту двенадцать наших людей, которые возвращаются домой в свой очередной, разрешенный раз в четыре года, отпуск.

– К какому типу они относятся?

– Десять из них – «микроинженеры», остальные два – телекинетики.

– Идеальная комбинация для того, чтобы просунуть через замочную скважину его каюты гранату размером с булавку и подложить ему в кровать, – воскликнул с сарказмом Кайдер. – К сожалению, у него будет масса времени, чтобы прочесть их намерения, стоит им только подумать об этом.

– Но он должен спать, как все люди... – подбросил идею Ардерн.

– А почему вы так уверены в этом? «Совы» никогда не спят и, возможно, он также не испытывает в этом потребности.

– А если мы по радио свяжемся с нашими людьми и прикажем им обследовать

корабль из конца в конец, но найти телепата среди тех, кто возвращается домой? Мы бы тогда могли поручить ему какую-нибудь миссию.

– Не годится, – отверг предложение, взмахнув рукой, Кайдер. – Рейвен может стать непроницаемым, как мраморная стена. Если телепат попробует проверить его через закрытую дверь и натолкнется на вакуум, как он сможет определить: спит или бодрствует Рейвен? Как он может быть уверен, что его самого не читают?

– Действительно, не может, – согласился Ардерн.

– Некоторые мутационные варианты действуют мне на нервы. Время от времени меня начинает тошнить от нашей так называемой «армии талантов». Насекомые гораздо надежней. Никто не сможет прочесть мысли насекомых. Никто не сможет их загипнотизировать. К тому же насекомые подчиняются только тем, кого они любят, и больше никому. А это гораздо больше того, на что способны люди.

– Однажды я видел, как один «пиротехник» сжег около тысячи этих букашек...

– Ага, видели? Ну и что произошло потом?

– Прилетели другие десять тысяч и уничтожили его.

– А я что говорю! Насекомые... Их никто не может победить!

Продолжая ходить взад и вперед, Кайдер наконец решил:

– Нам ничего не остается делать, как отдать его партнерам.

– Что вы имеете в виду?

– Пусть о нем позаботятся на конечном пункте путешествия. И если целое сообщество не сможет укротить мальчишку, который не такой уж вундеркинд, как об этом говорят, тогда нам лучше сразу отказаться от наших планов.

– Это именно то, о чем я вам сразу сказал. Он сунул голову в пасть льву.

– Может быть, и так, а может, и нет. Я ведь тоже нахожусь в чужом мире, но вовсе не в пасти льва, не так ли?

Желтое лицо Ардерна вытянулось, и он с раздражением посмотрел вдаль.

– Послушайте, я ведь должен был покинуть входной отсек корабля, чтобы позвонить...

– Ну и что?

– А то, что мы не знаем точно, находится он на борту или нет! У него было больше чем достаточно времени, чтобы вновь покинуть корабль. Просьба зарезервировать каюту могла быть просто трюком, чтобы пустить нас по ложному следу.

– Действительно, он мог это сделать... – Кайдеру явно не нравился такой поворот событий. – Он достаточно хитер, чтобы устроить что-нибудь в этом роде. Но мы можем подстраховаться. Эти «любопытные» из Секретной службы уже покинули базу или нет?

– Сейчас узнаем. – Ардерн включил на стене небольшой коммутатор. – Эти типы из Секретной службы все еще что-то вынюхивают?

– Только что ушли.

– Отлично, Филби. Я сейчас зайду вместе с Кайдером...

– Не стоит этого делать, – прервал его Филби. – Эти типы увели с собой восемь наших людей.

– Восемь? С какой стати?

– Для допроса.

– Эти восемь были обработаны должным образом? – вмешался Кайдер.

– В том-то и дело, что нет.

– Ладно, у нас нет особых причин для беспокойства. Используем коротковолновый передатчик. Подготовьте его к работе.

Отключив связь, Ардерн сказал:

– Это впервые, когда они забрали кого-то для допроса. Мне это очень не нравится. Вы считаете, что у них есть способ нейтрализовать нашу ментальную обработку?

– Если бы это было так, то они давно бы уже пришли за мной и за вами, да за всеми! – Кайдер сделал презрительный жест. – Нет, это всего лишь демонстрация силы, чтобы оправдать затраты на свое существование. Уходите отсюда. Всему свое время. А сейчас давайте свяжемся с «Призраком».

Огромный экран приемника засветился, и на нем показалось измазанное лицо человека с микрофоном на груди. Это был оператор «Призрака».

– Ардерн, быстро дайте мне список наших людей!

Кайдер взял список, в волнении облизал губы, готовый к началу разговора.

– Пожалуйста, ваше имя? – спросил оператор, глядя на него.

– Артур Кайдер. Я хотел бы поговорить с...

– Кайдер? С вами желает говорить один из наших пассажиров. Он как раз ожидал вашего звонка.

– Ага! – прокомментировал Ардерн, кивнув Кайдеру. – Один из наших людей уже обратил внимание на присутствие Рейвена.

Прежде чем Кайдер успел ответить, оператор наклонился, его лицо исчезло с экрана и появилось другое. Это был Рейвен.

– Я очень тронут вашей заботой, мой дорогой любитель, пауков, – сказал он.

– Вы! – У Кайдера от изумления округлились глаза.

– Собственной персоной. Я предполагал, что вы попытаетесь установить мое присутствие на борту, как только корабль взлетит. Но вы почему-то слишком задержались. Я ожидал вашего звонка. Как вы можете убедиться своими глазами, я в самом деле нахожусь на борту.

– Вы еще об этом пожалеете, – пообещал Кайдер.

– Вы имеете в виду мое прибытие на конечный пункт полета? Да я прекрасно понимаю, что вы сейчас же предупредите о моем прибытии. Усядетесь перед микрофоном межпланетной связи и раструбите обо мне на весь мир. Для меня это очень лестно!

- Через некоторое время это покажется вам опасным! – парировал Кайдер.
- А это мы еще посмотрим. Я предпочитаю жить с надеждой, чем умирать от отчаяния.
- Одно придет на смену другому, хотите вы этого или нет.
- Сомневаюсь, мой дорогой любитель пауков. Потому что...
- Не называйте меня любителем пауков! – заорал Кайдер, покраснев от злости.
- Спокойно, мой друг, спокойно! – посоветовал ему Рейвен. – Если бы ваш взгляд мог убивать, я бы уже давно был покойником.
- И будете, это время не за горами! – закричал Кайдер, потеряв всякий контроль над собой. – Я сам об этом позабочусь!
- Как любезно с вашей стороны признать это. В конце концов, исповедь на людях очищает душу. – Рейвен посмотрел на него с загадочным видом и добавил: – Я советую вам привести свои дела в порядок, и чем быстрее, тем лучше.
- Рейвен отключился, и на экране вновь появился оператор:
- Мистер Кайдер, хотите ли вы поговорить еще с кем-нибудь?
- Нет... Уже не имеет смысла.
- С раздражением выключив связь, Кайдер повернулся к Ардерну и спросил:
- Что он хотел этим сказать? Я не понял.
- Я тоже.
- В течение нескольких минут оба размышляли о заданной им загадке. Подошел Филби и сообщил:
- Вам звонит «человек, которого никто не знает».
- Кайдер взял телефон и стал ждать. Знакомый, но неизвестно кому принадлежащий голос произнес:
- Я и так подвергаюсь значительному риску в связи с тем, что делаю. И рисковать без нужды для того, чтобы защитить таких неумех, как вы, я не намерен.
- Да, но... – занервничал Кайдер, уставясь на аппарат.
- Орать через систему открытой связи и угрожать убийством, когда сотни агентов Секретной службы прослушивают все разговоры, это все равно что стать на колени и попросить, чтобы вам дали пинка под зад! – едко сказал голос. – По законам Земли наказание за это до семи лет тюрьмы. И они могут предъявить вам это обвинение, а я ничего не смогу сделать.
- Но...
- Вы всего лишь идиот с холерическим темпераментом, и он это прекрасно знает. Вы допустили, чтобы он вас спровоцировал на крики и незаконные угрозы в прямом эфире. Вы безмозглый кретин! – Он сделал паузу и продолжил: – Я не могу вас защитить, не рискуя быть разоблаченным. Поэтому вам ничего не остается, как пуститься в бега, и как можно быстрее. Возьмите свои коробочки и сожгите их со всем содержимым... Затем спрячьтесь и ждите, пока кто-нибудь не заберет вас и не отправит домой.

– А как я смогу это сделать? – спросил Кайдер, чувствуя себя конченным человеком.

– Это ваши проблемы. Уходите с этой базы... чтобы они вас там не застали. И будьте осторожны. Не ходите сами домой за своими коробочками. Возможно, там уже выставлена охрана. Если в течение ближайшего получаса вам не удастся забрать ваших насекомых, оставьте их.

– Но это моя армия. С ней я бы смог...

– Ничего бы вы не смогли, – сурово оборвал его собеседник. – По той простой причине, что у вас не было бы на это времени. И хватит дискуссий, приятель. Давайте шевелитесь и прячьтесь. Мы позаботимся о том, чтобы доставить вас на борт какого-нибудь корабля, когда вся эта шумиха утихнет.

– Я могу защититься от обвинения, – упрашивал Кайдер. – Могу сказать, что это всего лишь слова.

– Послушайте, – голос стал раздраженным, – Секретные службы хотят, я подчеркиваю, хотят схватить вас. Уже месяцы они ищут для этого предлог. Сейчас вас ничто не может спасти, кроме заявления самого Рейвена, будто он знал, что вы шутили... А вам на это надеяться просто смешно. Так что кончайте болтать и делайте все возможное, чтобы вас не схватили. Конец связи.

– Что случилось? – спросил Ардерн, уставившись на шефа.

– Они хотят бросить меня в тюрьму на семь лет.

– Сволочи! – Ардерн захромал по комнате. – Если уж они это решили, то сделают без колебаний. Я вас не знаю. Вы – посторонний человек. – И он исчез в проходе.

Кайдер вышел и меньше чем через десять минут, подойдя к своему дому, увидел, что там уже находится полиция.

Один из них, телепат, обратился к нему властным тоном:

– Вы – Артур Кайдер. Следуйте за нами.

Бесполезно было что-либо обсуждать с телепатом, а тем более сопротивляться четверым.

Глава 7

Стелющиеся туманы Венеры, тяжелые и желтые, уже орошали иллюминаторы корабля, когда Рейвен направился в кабину пилота бросить взгляд на экран радара. Сверкающая полоса в форме пилы означала горную гряду Зубья Пилы. За горами виднелись дождевые леса.

«Призрак» стал постоянно дрожать. Все пассажиры, как один, поняли, что наступил критический момент путешествия. Заядлые картежники напрягли мускулы и спокойно ожидали...

Бесцветный, лишенный эмоций голос периодически сообщал:

– Сорок тысяч, тридцать пять, тридцать...

Рейвен не разделял всеобщего беспокойства и, чтобы убить время, наблюдал за

экраном.

На экране появилась овальная кромка равнины. Корабль пытался удержать свой колоссальный вес в гравитационном поле планеты.

– Шесть тысяч, пять с половиной...

Рейвен встал со своего места и вышел из кабины. Испуганные взгляды пассажиров, восхищенных таким необычным самообладанием, провожали его до двери. Экипаж был очень занят, внимательно наблюдая за приборами. Пассажиры же думали только о собственной безопасности. Рейвен улыбнулся сам себе и открыл автоматическую дверь.

Через маленький динамик герметичного отсека продолжало доноситься:

– Четыре тысячи, три с половиной, три, две с половиной...

Неожиданно Рейвен сорвал замки внешней двери, поднял их и открыл дверь.

Сразу в динамике раздался взволнованный голос:

– Эй вы там, в герметичном отсеке номер четыре, вас ведь предупреждали, что трогать замки без соответствующего разрешения – это тяжкое преступление, наказуемое...

Помахав динамику с сардонической улыбкой, Рейвен шагнул за борт. Словно в воду, он нырнул вниз головой в плотный и влажный воздух, кувыряясь в нем. «Призрак» казался длинным черным цилиндром, который оставлял за собой огненный след.

Если бы кто-нибудь из пассажиров успел схватить бинокль, ему было бы над чем подумать, наблюдая за стремительным и явно бесконтрольным падением этого тела. Только самоубийцы падают так – словно камни.

Только два типа людей осмеливались прыгать из кораблей в открытый космос... и было невероятно, чтобы существовал еще кто-нибудь, не принадлежащий к этим людям

Падение заняло больше времени, чем если бы это случилось в атмосфере Земли.

Когда Рейвен уже находился в трехстах футах над верхушками деревьев, «Призрак» казался маленьким карандашом, который готовился к посадке там, за горизонтом.

В этот самый момент Рейвен уменьшил скорость. Это торможение было чем-то из ряда вон выходящим. Резкое уменьшение скорости падения произошло как бы само по себе, словно паук зацепился за что-то.

Достигнув высоты двухсот пятидесяти футов от поверхности, Рейвен начал опускаться как на парашюте. Место, на которое он опустился, находилось на расстоянии около мили от большой равнины.

Рейвена несколько не беспокоило возможное появление одного из тысяч убийц, опустошавших эту планету. С другой стороны, он ничуть не боялся ареста.

Известие о его прыжке несомненно привело в бешенство депутацию, которая наверняка ожидала его в космопорту. Какую бы важность ни придавали его персоне, этот его талант не был замечен Кайдером, а потому им еще предстояло его открыть.

Сейчас они столкнутся с фактом, что он покинул корабль как левитатор. Кроме того, у них может возникнуть гипотеза о существовании какой-то новой и неизвестной еще левитационной силы, чрезвычайно страшной, а существо, обладающее столькими талантами, является результатом скрещивания двух мутантов.

Сидя на своего рода подушке из коры деревьев и размышляя таким образом, Рейвен улыбнулся, словно услышал какой-то запрещенный анекдот. С генетической точки зрения, были все основания считать, что подобное существо никогда не могло появиться или по крайней мере существовать длительное время.

По причине, которую только мать-природа знает, с незапамятных времен дети от браков мутантов различных типов наследуют только доминирующий талант или вообще никакой. Вторичные способности пропадали, и исключений из этого правила не было.

Идея о существовании в одном лице супертелепата и левитатора была явно абсурдной... но его враги вынуждены будут проглотить этот абсурдный сюрприз, столкнувшись с очевидными фактами.

Они хотели бы схватить его раньше, чем он начнет свою игру и разрушит другие законы, которые позволяли им зарабатывать деньги и достигать вершин власти.

Эта мысль была приятна Рейвену, хотя крайне нежелательно, чтобы она была замечена. Именно это было аргументом Лайны против его вмешательства, основой ее несогласия с той ролью, которую он согласился играть.

Как бы то ни было, он посеял растерянность в стане врага, до этого момента такого уверенного в себе. А эти постоянные опасения отодвинули их от истины, которую они никогда не должны узнать, так как в противном случае и другие смогут прочесть эту истину в их мыслях.

Жаль, что он не смог сказать правду... но ни один закон природы не должен быть отменен. Не существовало мутантов, обладающих более чем одним талантом! И все тут!

Рейвен послал очень мощный и сконцентрированный телепатический сигнал, который человеческий мозг был не в состоянии поймать:

«Чарлз!»

«Слушаю тебя, Рейвен!»

Ответ пришел незамедлительно. Мозговые импульсы были пойманы двумя спаренными нервными приемными центрами, которые определили небольшой сдвиг по фазе этих импульсов.

Рейвен повернулся туда, где находился его собеседник.

«Я выпрыгнул из корабля во время полета. Не знаю, нужно ли было это делать, но я счел лучше подстраховаться».

«Да, я знаю, – ответил далекий мозг, – Мэвис получила послание от Лайны. Как обычно, говорили о „Призраке“. Похоже, она бы предпочла, чтобы ты ограничил себя выполнением только порученной тебе миссии».

«Во все времена женщины остаются женщинами», – заметил по этому поводу Рейвен.

«Поэтому я отправился в космопорт, – продолжил Чарлз, – и сейчас нахожусь как раз на выходе из него. Я не могу войти, потому что они закрыли его для пассажиров и тщательно охраняют. Корабль уже сел, и целая группа офицеров с воинственными лицами орудует так, словно кто-то сбежал, не заплатив за билет».

«Боюсь, что именно я стал причиной этого переполоха».

«Но, в конце концов, почему ты выпрыгнул из корабля? – спросил Чарлз. – Почему ты не приготовил какой-нибудь простой шар и спокойно не приземлился?»

«Иногда есть доводы более важные, чем скорость, – ответил Рейвен. – Ты не забывай, что я пользуюсь человеческим телом».

«Именно это тело они и ищут. Это только увеличивает опасность».

«Возможно, но именно на это я их и провоцирую. Поиск человеческого существа помешает им думать о чем-либо другом».

«Тебе видней, – уступил Чарлз. – Надеюсь, ты пойдешь с нами?»

«Конечно! Я вызвал тебя, чтобы быть уверенным, что ты будешь там».

«Мы там будем. До встречи!»

«Отправляюсь немедленно».

Передав это, Рейвен стал двигаться в направлении равнины. Его не могли заметить, не зафиксировав элементарных мыслей.

«Внизу человек-животное», – пропищали две совы.

Добравшись до края равнины, он ощутил первые признаки преследования. Дэвид спрятался в тени огромного дерева, увидев вертолет, летящий над самыми верхушками деревьев.

Пилот был «совой», довольный тем, что ему ничего не нужно было делать, только ожидать, ожидать свой черед, когда поиски будут вестись ночью. Его напарник был гипнотиком, который тихим голосом проклинал Рейвена.

Эта любопытная компания мутантов пронеслась над его головой и зигзагами унеслась, не заподозрив его присутствия, хотя он был буквально в нескольких ярдах.

Рейвен позволил им удалиться на достаточное расстояние, прежде чем выйти из своего укрытия.

Эти поисковые группы составлялись из людей, обладающих исключительными способностями, гораздо выше обычных человеческих, но они совершали такие же ошибки, как простые смертные.

Оставался риск, хотя и маленький, что уже распространили его словесное описание и что кто-нибудь из этих охотников спустится достаточно низко, чтобы визуальным образом установить его личность.

Но до тех пор пока он не добрался до Города Равнины, никто не проявил излишнего любопытства. Он уже подходил к городу, когда над ним пролетел вертолет и он почувствовал, как сразу четыре мозга пытаются его прощупать.

Достигнув границ города, Рейвен сошел с трассы и направился к тяжелому трактору, который тащил за собой прицеп с зарешеченной клеткой. Два гипнотика и

один телекинетик управляли этим дополнительным средством поисков.

Притворившись обычным смертным и жуя лист какой-то красной травы, Рейвен посмотрел на группу с выражением легкого любопытства. Вся эта занятная компания медленно и с шумом проехала мимо.

Показался очень странным тот факт, что телекинетика заботило только одно: не поймать свою добычу, чтобы потом не пострадать от обвинений со стороны властей Земли, если они, не дай бог, узнают о случившемся.

Весь этот клоунский караван, со скрипящей машиной и ревущими животными в клетке, выглядел вдвойне абсурдным из-за присутствия человека, которого они разыскивали и который откровенно забавлялся, глядя на них.

Войдя в город, Рейвен направился к маленькому гранитному дому с белыми орхидеями за защитными решетками на окнах. Когда он подошел к двери, стучать ему не пришлось. Те, кто ожидал его внутри, следили за каждым его шагом и знали точно, когда он придет.

Глава 8

Мэвис, миниатюрная блондинка с голубыми глазами, откинулась на спинку удобного кресла и внимательно наблюдала за Дэвидом тем пронизывающим насквозь взглядом, от которого частенько страдали многие люди. Она словно пыталась добраться до самого сокровенного в душе Рейвена через телесную оболочку, которая ее окружала.

В комнате также находился Чарлз, на первый взгляд жирный и высокомерный тип с самыми обычными глазами, лишенными того света, которым обладали глаза Мэвис. Он казался обычным человеком с низким уровнем умственного развития. Чарлз, таким образом, был великолепно защищен этой маской, что, в свою очередь, могло послужить поводом для зависти.

– Мы рады тебя видеть, – сказала Мэвис, обращаясь к Дэвиду. – Но что ты сделал с законом, который предписывает заниматься только тем, что каждому положено?

– Есть обстоятельства, когда ни одно из правил не применимо, – ответил он. – Кроме того, там осталась Лайна. Она способна разрешить любую проблему.

– За исключением той, что она осталась одна, – сказала Мэвис, защищая Лайну. – Эту проблему никто не может решить!

– Да, ты права. Но никто не остается в одиночестве навсегда. Рано или поздно происходит встреча, – он рассмеялся непонятно почему и добавил: – По крайней мере, последняя встреча всегда происходит.

– Ты и твоя идеология... – заметил Чарлз. – Если верить тому, что говорит Лайна, ты влез в человеческие дела? Это правда?

– На пятьдесят процентов правда. Но ты еще не выслушал историю целиком. Кто-то здесь, на этой планете, при помощи неизвестных помощников на Марсе, решил, что настало время потрепать матушку Землю. Они ведут себя, как неразумные дети, которые играют с ружьем, не зная, заряжено оно или нет. Они *вбили* себе в

башку, что могут стать независимыми, если начнут воевать, хотя и довольно своеобразным способом.

– Война? – недоверчиво переспросил Чарлз.

– Именно это я и сказал. Самое плохое, что войны в определенный момент имеют обыкновение выходить из-под контроля. Те, кто начинают войну, в итоге оказываются не способны ее остановить. Поэтому, » если это возможно, мы должны не допустить, чтобы война стала настоящей. Я имею в виду, что она не должна стать кровавой.

– Ну и дела! – Чарлз задумчиво потер щеку. – Мы знаем, что на планете существует мощное националистическое движение, но до сих пор не придавали ему большого значения. С другой стороны, даже если они забросают Землю бомбами и уничтожат друг друга полностью, нам-то что до этого? Для нас это только выгода, не так ли? Их потери – наши приобретения.

– В определенной степени это так, но есть обратная сторона медали.

– О чем ты?

– Земляне нуждаются в абсолютном единстве и сплоченности, потому что готовятся к полетам к денебам.

– К чему?! Ты хочешь сказать, что власти Земли уже знают о существовании денеб? Но, черт побери, как им это удалось?

– Причина очень проста, – начал объяснять Рей-вен. – Они сейчас находятся на четвертой стадии развития. Много чего происходит на Земле, о чем публика, в общей своей массе, даже не подозревает, не говоря уже о Венере или Марсе. Земляне изобрели новый принцип двигателя и уже его испытали. Сейчас они готовятся к испытательным полетам на большие расстояния, даже не зная точно предельный радиус действия. Для существ с телесной оболочкой в области науки они выглядят вполне прилично.

– Да, я согласен, – ответил Чарлз, погруженный в свои мысли.

– Пока я еще не знаю расстояния, которого они достигли, данных, которые собрали пилоты-испытатели, но в чем я абсолютно уверен, так это в том, что у них уже возникли подозрения о существовании других непонятных и трудно объяснимых форм жизни. Мы с тобой знаем, что, кроме денеб, таковых нет. Мы также знаем, что денебы уже давно бороздят космическое пространство, словно свора борзых, пытаясь отыскать какие-нибудь следы. Они еще не знают, каким путем пойдут для достижения желаемого, но главное направление их наступления угадали.

– Да, это правда, – вмешалась Мэвис. – Но последние прогнозы говорят о том, что понадобится по меньшей мере два столетия, пока они откроют эту солнечную систему.

– Это вполне разумный вывод, но он основывается на тех данных, которые в то время имелись, – ответил Рейвен. – Однако сейчас мы обладаем новой и очень важной информацией, которую необходимо заложить в наши компьютеры и которая заключается в том, что *homo sapiens* готов на всех парах мчаться им навстречу. Этот новый тип двигателя наполовину уменьшит время, которое денебы потратят на то, чтобы проверить, что здесь происходит.

– Ты уже составил отчет об этом? – спросил Чарлз.

- Естественно.
- И каков был ответ?
- «Спасибо за информацию».
- Й только? – в изумлении поднял брови Чарлз.
- Увы, – подтвердил Рейвен. – А что ты еще ожидал?
- Что-нибудь более эмоциональное и менее равнодушное, – вмешалась Мэвис. – Вы, мужчины, – все одинаковы. Вы не более чем бесчувственные медные будды. Вы никогда не пробовали взобраться на стол и заорать во все горло?
- А для чего? Что это дает? – спросил Чарлз.
- Слушай, опять ты со своей логикой! – ответила Мэвис. – По крайней мере облегчит душу.
- Опять двадцать пять! Я уже слышал это неоднократно. Вот стол. Если хочешь, можешь забраться на него и покричать от души. Мы на это не обратим внимания.
- У меня нет привычки кричать, – сердито ответила Мэвис.
- Вот вам пожалуйста! – Чарлз бросил взгляд на Рей-вена и пожал плечами. – Женщины, женщины!.. Холодные и расчетливые. Вы никогда не способны открыть предохранительный клапан и сбавить давление.
- Когда-нибудь я подрежу тебе крылья, злой толстяк!
- Вы только представьте! Я, с крыльями! – Чарлз расхохотался так, что затрясся его огромный живот. – Летать и парить в космосе, словно толстый, заплывший жиром ангел. Или порхать, как толстая бабочка... Вот это воображение!
- Вытащив маленький, обшитый кружевом платок, Мэвис стала вытирать появившиеся в глазах слезы. Чарлз посмотрел на нее и встревожился.
- О господи! Да что я тебе такого сказал, что ты так расстроилась?
- Ты послужил стимулятором понижения давления.
- Поднявшись и подойдя к Мэвис, Рейвен погладил ее по затылку и дружески похлопал по плечу.
- Ну-ну! Ты не должна оставаться здесь, если воспоминания начинают тебя захлестывать так, что ты уже не выдерживаешь. Если ты предпочитаешь уйти, не оставайся здесь. Мы можем подыскать кого-нибудь другого.
- Она скомкала платочек и, всхлипывая, сказала:
- Я не хочу уходить. Я уеду только тогда, когда наступит время, и никак не раньше. За кого ты меня принимаешь? Уж нельзя женщине и поплакать немножко, если ей захотелось?
- Можно, но...
- Не обращай внимания. – Она засунула платок в карман, поморгала и улыбнулась ему. – Все уже прошло.
- У Лайны тоже такое бывает? – спросил Чарлз, глядя на Рейвена.
- Нет. По крайней мере, при мне.

– Лайна была постарше, когда... когда... – не закончив фразы, Мэвис остановилась.

Но оба мужчины поняли все, что она хотела сказать. Некоторое время они молчали. Чарлз первым нарушил тишину и сказал:

– Приступим к делу, Дэвид. Каковы твои планы и наше участие в них?

– Планы довольно простые. Я хочу установить контакт и затем поговорить с руководителем оппозиции на Венере, в руках которого все нити управления националистическим движением, – с руководителем, который имеет абсолютный авторитет и является фигурой номер один на планете. Как ты знаешь, достаточно вытащить один камень из свода арки, чтобы она рухнула...

– Иногда... – заметил Чарлз.

– Да, иногда, – согласился Рейвен. – Если их организация по-настоящему серьезная, то, несомненно, должен быть заместитель, готовый в случае необходимости заменить руководителя. Иногда их даже несколько. В этом случае наша задача осложняется.

– Кроме того, ты не должен забывать, что есть еще марсиане, – напомнил Чарлз.

– Нет, не забываю. Но все зависит от того, как они прореагируют на то, что произойдет здесь. Заговор «Марс – Венера» в большой степени держится на взаимном подбадривании. Каждая из сторон постоянно вдохновляет партнера. Стоит положить конец аплодисментам, и представление уже не покажется партнеру таким хорошим. У меня есть надежда, что они заткнутся, если Венера выйдет из игры.

– Я одного пока не понял, – задумчиво заметил Чарлз. – Что мешает Земле отплатить бунтарям той же монетой? Саботаж и другие подобные фокусы – это все же игра, в которой могут принять участие двое партнеров. Рейвен подробно все объяснил.

– Ах вот в чем дело! – Чарлз потер щеку. – Теперь понимаю! Местные ребята могут делать все, что им захочется, со всем, что они считают чужим, в то время как земляне все считают своим.

– Нас это абсолютно не касается, – вмешалась Мэвис. – В противном случае нас бы уже известили. – Ее взгляд, устремленный на Рейвена, стал напряженным и пронизывающим. – Разве тебе поручили вмешиваться в дела землян?

– Нет, моя дорогая, и маловероятно, что это произойдет.

– Тогда почему?..

– Потому что проблема, которая кажется важной и значительной в этом уголке Галактики, выглядит ничтожной по сравнению с тем, что происходит в других местах. Издалека все видится по-иному, понимаешь? А всеобщий закон гласит, что необходимо проявлять личную инициативу в вопросах даже небольшой важности. Именно это я и делаю.

– Абсолютно с тобой согласен, – поддержал Рейвена Чарлз. – Что мы должны делать?

– Ничего необычного. Этот уголок находится под вашей юрисдикцией. Вы знаете о нем гораздо больше, чем кто бы то ни было. Назовите мне имя человека, которого вы считаете наиболее вероятным вдохновителем этого сепаратистского безумия! Представьте мне всю информацию о его способностях и талантах и скажите, где я

могу его найти. В чем я сейчас больше всего нуждаюсь, так это в точной и надежной информации. Ну и, если вам это будет приятно, окажите мне любую другую помощь, которую сочтете нужной.

– Я готов тебе помочь во всем, – сказал Чарлз. – А ты, Мэвис?

– На меня не рассчитывай. Я последую примеру Лайны и буду лишь наблюдать. В конце концов, именно для этого мы здесь. Кто-то должен это делать, пока вы, упрямые мужики, слоняетесь без дела.

– Ты абсолютно права, – сказал Рейвен. – Поддерживать бдительность – это очень важно. Благодарю вас, очаровательные нимфы. В этом случае мы, твердолюбые упрямы, будем иметь больше времени для наших опасных авантур.

Она со злостью на него посмотрела, но ничего не сказала.

– Ситуация на планете довольно любопытная, – начал Чарлз. – Здесь есть ортодоксальный губернатор с Земли, который дипломатически ни во что не вмешивается и делает вид, что не знает о том, что девяносто процентов власти уже находится в руках незаконного националистического движения. Глава этого движения – высокий и симпатичный агитатор и демагог, некто Волленкот.

– А что в нем особенного для такого поста?

– Лицо, фигура и личность, необходимые для этой роли. Он абориген этой планеты, мутант шестого типа, то есть «хамелеон», с пышной, седой, внушающей уважение шевелюрой и с хорошо поставленным командирским голосом. В любой момент он может принять облик вождя племени, предводителя народа. Говорит словно оракул... но только после того, как выучит наизусть слова. Думать сам он не способен.

– Все это звучит просто и восхитительно, – заметил Рейвен.

– Подожди, не торопись. Я еще не закончил, Волленкот – идеальная кандидатура на роль динамичного лидера патриотического движения. Именно поэтому выбор пал на него.

– Чей выбор?

– Есть один крепкий орешек, некто Торстерн, настоящий шеф, своего рода «серый кардинал» за спиной у Волленкота. Подлинная власть его настолько велика, что даже если Волленкота повесят, организация будет работать, как и раньше.

– Кукловод, не так ли? А у этого типа есть какие-либо особенности?

– И да и нет. Самое интересное, что он не является мутантом. Он не обладает ни одним паранормальным талантом. – Чарлз сделал паузу, подумал немного и затем продолжил: – Но он очень жесткий, амбициозный, прекрасный психолог, обладает мозгом, которого хватило бы на тысячу обезьян.

– Обычный смертный с высоким уровнем интеллекта.

– Вот именно. И это наиболее значимое качество, так как не всегда опасные способности принадлежат людям с соответствующими мозгами. Обладая высшим интеллектом, даже простой смертный может подчинить себе дурака-телепата. Благодаря огромной скорости мышления он может свести на нет способность телепата прочесть его мысли и предпринять соответствующие действия.

– Понятно. Я уже сталкивался с одним или двумя подобными случаями. Это создает иллюзию у мутанта, что можно недооценивать своего оппонента только потому, что он обычный человек. Кроме того, сами по себе особые способности мало что значат. Необходимо уметь их применять. Именно в этом денебы мастера. Они в совершенстве овладели искусством на все сто процентов использовать данные им способности. – Почувствовав беспокойство, Рейвен направился к двери. – Но мы должны исходить из того, что находимся здесь. Наша первоочередная цель – Торстерн.

– Я иду с тобой, – Чарлз с трудом поднялся со своего надувного сиденья и добродушно сказал Мэвие: – Защищай крепость, дорогая. Если кто-нибудь будет спрашивать обо мне, скажи, что я пошел на рыбалку. Но не говори, что я собираюсь ловить!

– Постарайся вернуться. И, желательно, целым и невредимым, – ответила она.

– В этой странной фазе существования жизни во время смерти никто ничего не может гарантировать. – Чарлз деланно рассмеялся. – Но даже в такой ситуации я попытаюсь.

Успокоив таким образом свою подругу, Чарлз вышел вслед за Рейвеном.

Она, как и Лайна, сидела и прислушивалась... постоянно прислушивалась к самой незначительной мысли, к малейшему намеку на опасность. Ее единственным утешением была мысль о том, что ее одиночество разделяют другие молчаливые часовые с большими и сияющими глазами, разбросанные по Вселенной.

Глава 9

Вечером на город всегда накатывалась волна липкого тумана, который к полуночи влажным и темным одеялом окутывал проспекты и улицы города. По мере того как солнце садилось за горизонт, туман становился все плотнее.

В дождевых лесах было по-другому, так как туман клубился в основном в долинах и на равнине.

Чарлз и Рейвен прошли мимо магазина, в витрине которого на спектроэкрane показывали сцену из балета «Сильфиды»,

В нескольких милях отсюда в густых и диких лесах жили своей жизнью монстрообразные и отвратительные растительные формы, как бы отмечая границу между полуизвестным и абсолютно неизвестным.

Остановившись перед витриной и наблюдая за примадонной, Чарлз сказал:

– Обрати внимание на мягкость и изящество, с которыми она делает эти пируэты. Эта балерина представляет собой прекрасный образец почти неземного типа, который властвует над человечеством уже столетия: «балетный тип». Она восхищает меня и заставляет думать...

– О чем? – спросил Рейвен.

– Не принадлежит ли она к паранормальным существам? Возможно, речь идет о слишком хрупком таланте, чтобы иметь название или быть классифицированным.

– Объясни-ка получше, – попросил Рейвен.

– Возможно, подобные ей люди обладают подсознательной формой экстрасенсорного восприятия, которое заставляет их напрягаться в поэтической форме для того, чтобы достичь цели, названия которой они даже не знают и не могут описать. Подобное интуитивное предчувствие дает им страстное желание красоты, которую они могут выразить только таким образом. Это словно бабочка, которая обожает солнце, день и свет.

– Наверное, ты недалек от истины.

– Я уверен в этом, Дэвид. – Отвернувшись от витрины, он широкими шагами зашагал прочь. – Как формы жизни человеческие существа накопили значительные знания. Но они поднялись бы на гораздо более высокую ступень развития, если бы могли обобщить и присоединить к реальному знанию все подсознательное и интуитивное.

– Наш друг Карсон, который далеко не дурак, в этом пункте с тобой согласен, – сказал Рейвен. – Очень трудно заявлять о себе как о аномальных существах, если эта аномальность не проявляется сама по себе.

Кивнув в знак согласия, Чарлз добавил:

– Ходят слухи, что на этой неделе совершенно случайно был открыт абсолютно новый тип. Какой-то парень потерял на пилораме руку, а теперь на этом месте у него растет другая.

– Биомеханический тип, – определил Рейвен. – Может снабжать себя «запасными частями». По сравнению с некоторыми другими типами это вполне безобидная разновидность таланта.

– Согласен. Но все дело в том, что до этого случая он и понятия не имел об этой своей особенности. И если бы не этот несчастный случай, то он мог до самой смерти даже не подозревать об этой своей супернормальной способности. Поэтому я начинаю задумываться, сколько же еще людей, которые не знают о своих способностях, как этот.

– Я думаю, много. Достаточно обратить внимание на то, что мы знаем.

– Именно об этом я сейчас и думал, – спокойно ответил Чарлз. – Их столько, что это вызвало бы настоящее потрясение, если бы они об этом узнали. Но, Дэвид, ты веришь в то, что... что...

– Заканчивай, раз начал говорить, Чарлз.

– Ты уже думал о том, что, возможно, мы не знаем и половины того, что, как нам кажется, мы знаем. Что, возможно, есть и другие, которые наблюдают за нами, как мы за этими, иногда смеясь над нами, иногда жалея нас?

– Я не знаю, что тебе ответить, – Рейвен вымученно улынулся. – Но если даже и существуют подобные существа, в одном мы можем быть уверены: они не вмешиваются в наше существование.

– Не вмешиваются? Мы можем быть уверены в этом?

– По крайней мере мы не замечаем их вмешательства.

– Мы чувствуем движение неб, – ответил Чарлз. – Они много суетятся и предпринимают бесчисленные попытки войти в контакт с нами, но пока безрезультатно. Таким же образом и другие могли бы вести борьбу с нами, не зная, с кем имеют дело, а мы в свою очередь не знаем, что с нами борются.

– Или еще похлеще. Они могли усвоить наши собственные методы, чтобы еще больше запутать, – скептически заметил Рейвен, хотя и выразил желание обсудить проблему. – Они могли появиться перед нами, как мы появились перед этими человеческими существами, то есть абсолютно нормальными и без чего бы то ни было, что бы их отличало. Как любой обычный человек. Представь, я тебе говорю, что я один из этих в телесной оболочке... Ты бы отважился назвать меня лгуном?

– Еще как отважусь! – не колеблясь заявил Чарлз. – Ты – бессовестный врунишка.

– Извини за фантазии. – Рейвен дружески похлопал Чарлза по плечу. – Вот видишь, ты знаешь, кто я есть. Ты должен обладать какой-либо формой интуитивного знания. В конце концов, ты существо паранормальное и должен освободить свое подсознание, посвятив себя балету.

– Что? – Чарлз грустно посмотрел на свой живот, который выделялся, словно спрятанный под пиджаком рождественский подарок. – Это ты такого высокого мнения обо мне?

Неожиданно он замолчал, увидев трех человек в униформе. Они только что вышли из-за угла и остановились, ожидая приближения Дэвида и Чарлза.

Командир группы подождал, пока они подойдут поближе, повернулся на каблуках и гаркнул властным голосом:

– Вас зовут Дэвид Рейвен?

Остановившись от удивления, Дэвид спросил:

– А как вы догадались?

– Не надо острить! – предупредил командир.

Рейвен повернулся к Чарлзу и спросил печальным голосом:

– Он говорит, что я остро. И ты так считаешь?

– Считаю, – подхватил игру Чарлз. – С тех пор как в трехлетнем возрасте ты упал на голову, ты стал остро. – Глупо посмотрев на командира, он сказал: – Вы ищете человека по имени... по имени?..

– Рейвен, – пришел ему на помощь Дэвид, не то забавляясь, не то печалься.

– Ах да! Точно, Рейвен. А зачем он вам понадобился?

– Потому что за его голову назначено вознаграждение. Вы что, никогда не смотрите свои экраны?

– Очень редко, – ответил Чарлз. – В большинстве случаев надоедает все до слез, поэтому я его почти никогда не включаю.

Командир патруля нахмурился и повернулся к своим спутникам:

– Вот вам пример того, почему люди остаются бедными всю жизнь. Шанс разбогатеть дается почти каждому, только не ленись его использовать. – Не обращая

внимания на Рейвена, он продолжил, обращаясь к Чарлзу, который казался печальным: – Передали по спектроэкрану, что необходимо схватить этого типа как можно скорее.

– А почему?

– Потому что он подверг опасности жизни пассажиров и экипажа «Призрака». Он нарушил навигационный кодекс космических кораблей, открыв в полете герметичный отсек и отказавшись... – Человек сделал паузу, чтобы перевести дух, и спросил у своих коллег: – Что там еще было?

– Он уже давно хотел совершить это преступление, потому что во всех кабинах имеется предупреждение о том, что это запрещено.

– Я бы так никогда не сделал, – сказал Рейвен, метнув холодный взгляд на патрульного.

– Помолчи! – приказал командир и повернулся к Чарлзу, явно предпочитая его из-за глуповатого, но почтительного вида.

– Если случайно встретите этого типа Дэвида Рейвена или что-нибудь о нем узнаете, позвоните по телефону «Западный лес семнадцать–семнадцать» и сообщите нам, где он находится. Это опасный тип!

Подмигнув своим компаньонам, он закончил:

– Само собой, вы получите за это приличное вознаграждение.

– Спасибо, – Чарлз всем своим видом изобразил смиренную благодарность. Повернувшись к Рейвену, он сказал: – Ну ладно, пошли. Мы и так опаздываем. Будь начеку и помни, что этот тип похож на тебя.

До них донесся тихий разговор патрульных:

– Они приняли нас за лесной патруль, идиоты.

– Хорошо будет, если и капитан патруля так подумает.

– Мы теряем наше время только потому, что какой-то тип на спектроэкране говорил о деньгах. Мы могли бы убить время гораздо более приятным способом, чем этот.

– А почему они не распространят фотографию этого типа?

– Вам уже сказали, что нам поможет телепат. Нам ничего не остается делать, как ждать, пока он укажет дорогу. Затем наступит наш черед.

– В конце концов ты устанешь считать бабки.

– Именно поэтому я считаю, что с вознаграждением что-то не так. Они никогда не обещали столько денег, даже в деле Мазона-щеголя, который ограбил многие банки и убил с дюжину людей.

– Возможно, это затрагивает личные интересы Волленкота.

– Послушайте, парни. Здесь недалеко есть одна пивная, где подают раков...

– Отличная идея! Пойдем хотя бы на полчаса. Если кто-нибудь нас застукает там, у нас будет оправдание: мол, нам сказали, что Рейвен должен здесь с кем-то встретиться. Если Волленкот хочет его поймать... – Постепенно восприятие становилось все слабее и слабее.

Некоторое время они продолжали болтать о Волленкоте, пока не вышли из зоны приема.

Только и было слышно: Волленкот, Волленкот, Волленкот. Не было даже намека на имя Торстерна. Нужно было отдать должное интеллекту владельца этого имени.

Глава 10

Эммануил Торстерн жил в огромном замке черного базальта, который был построен еще в первые годы освоения людьми этой планеты. Это была эпоха, когда только высокие и мощные шестифутовой толщины стены могли должным образом защитить от огромных и агрессивных зверей венерианских джунглей. Именно на этом месте осела одна из первых групп отважных землян, которая прибыла осваивать неизвестный мир.

В различных уголках планеты были построены еще семь замков, но сейчас от них остались одни развалины, которые возвышались как мрачные монументы черным дням начала колонизации этого мира.

Но Торстерн завладел этим замком и восстановил его, укрепил заброшенные крепостные стены и достроил башни и башенки, превратив замок в военную крепость.

Задумчиво дергая за мочку уха, Рейвен изучал сооружение.

– Настоящая крепость, – заметил он. – Как он ее назвал?.. Императорский дворец, шале «Магнолии» или как?

– В те далекие времена она была известна как «База номер четыре», – ответил Чарлз. – Торстерн дал ей имя «Черный камень». Окрестные жители просто называют «замок». – Чарлз, как и его спутник, внимательно посмотрел вверх и продолжил: – Ладно, что дальше? Что будем делать? Что-нибудь предпримем или подождем, пока он выйдет?

– Войдем. Я не намерен ходить здесь кругами всю ночь.

– Я тоже. – Чарлз указал на высокий карниз: – Поупражняемся немного в альпинизме или войдем через ворота, как нормальные люди?

– Войдем как хорошо воспитанные и цивилизованные люди, – решил Рейвен, – то есть через главные ворота.

Посмотрев еще раз на замок, добавил:

– Говорить будешь ты, а я буду держать тебя за руку, прикусив язык. Так мы оба покажемся безобидными существами.

– Спасибо за такую «похвалу», – ответил Чарлз, совершенно не обидевшись.

Осторожно приблизившись к воротам, он нажал на кнопку звонка и стал ждать. Рейвен все время держался рядом с ним. В ответ – мысленные проклятия четверых охранников, которые находились совсем близко. Все они были нормальными людьми. В группе не было ни одного мутанта.

Нужно было подождать. Будучи обычным смертным, без какого-то особого паранормального таланта, Торстерн, несомненно, максимально использовал

способности других, но делить с ними быт избегал.

В этом плане владелец замка не являлся исключением из обычного правила и вел себя как самый ничтожный из его слуг. По правде говоря, простые смертные, глупые и умные, всегда сторонились паранормальных людей.

В то же время подстрекать нормальное большинство против могущественного меньшинства мутантов было равносильно тому, чтобы развязать кровавую резню.

Наконец открылась дверь и появился совершенно нормальный тип, с выбритым до синевы лицом.

– Кто вам нужен?

– Торстерн, – ответил Чарлз с рассеянным видом.

– Господин Торстерн!

– Прикуси язык, – предостерег другой охранник. – У вас назначена встреча?

– Нет.

– Без предварительной договоренности он кого попало не принимает. Он очень занятой человек.

– Мы не «кто попало». Мы кое-что из себя представляем, – заметил Рейвен.

– Это не столь уж важно. Он очень занятой человек. Чарлз ответил:

– Даже если он настолько занят, это не мешает ему встретиться с нами немедленно.

Охранник нахмурил брови. Уровень его интеллекта был довольно низким, а поступки обычно диктовались состоянием его печени. Он боялся обращаться к своему начальству без серьезных на то оснований.

– Ну! – продолжал настаивать Чарлз слегка агрессивно. – Вы заставите ожидать нас здесь до второго пришествия?

Охранник, с которым они разговаривали, бросил бешеный взгляд на напарника, словно его заставляли идти туда, куда он не хотел. В конце концов, возможно, лучше было что-нибудь сделать.

Облизав губы, он хриплым голосом спросил:

– Ваши имена?

– Вас это не касается, – ответил Чарлз.

– Какое у вас дело к хозяину?

– И это вас не касается.

– Черт побери! Я не могу это доложить наверх!

– А вы попробуйте, и посмотрим, что из этого выйдет, – посоветовал Чарлз.

Все еще колеблясь, охранник посмотрел сначала на одного, затем на другого и, – восприняв, сам того не зная, умственный покой обоих, направился вновь в караульную будку. Те, которые находились внутри, встретили его целым хором восклицаний:

– Черт бы тебя побрал! Сколько можно там болтаться? Ты задерживаешь игру.

– Слушай, кто там еще в это время хочет войти в замок? Через некоторое время темнота будет такая, что хоть глаз выколи! Кто там, Жесмонд? Какая-нибудь важная птица?

– Они не говорят, кто такие.

Сняв трубку, охранник страдальчески посмотрел на три угрюмые и обеспокоенные физиономии сидящих за столом и опять вышел в сгущающуюся темноту.

– Эй вы там! Вы, двое...

Он остановился, испуганно глядя на решетки ворот. За несколько прошедших минут наступила настоящая ночь.

– Эй! – крикнул он в туман. Не получив ответа, он крикнул еще громче: – Эй, вы!..

Тишина. Только журчание воды, стекающей по черным стенам.

– Черт бы вас побрал! – Он уже подошел к двери, отказавшись от попыток найти незнакомцев, когда ему в голову пришла одна мысль. Он вернулся назад, подергал ворота, осмотрел все замки и засовы. – Пропадите вы пропадом! – еще раз неохотно выругался Жесмонд и вернулся в караульное помещение.

Главной его заботой в тот момент было выиграть в карты. Ему и в голову не пришло, что самое надежное место больших ворот, замок, в то же время является самым слабым.

Последние лучи солнца исчезали, и наступала крошечная тьма, словно кто-то неожиданно опустил на невидимое небо Венеры огромные жалюзи.

Двое нарушителей замедлили свое движение по двору. Сразу справа от них в стене была прорезана дверь, закрытая на множество замков. Хотя туман окутал все вокруг, они знали о ее существовании, даже не видя. Подойдя ближе и осмотрев дверь, Чарлз прошептал:

– Они оснастили ворота чудо-замком с четырнадцатью приспособлениями безопасности. Затем на сами ворота установили сигнал тревоги, который произвел бы оглушающий шум при малейшей попытке просто потрясти ворота. Наконец, в караульном помещении установили выключатель, который отключал систему тревоги, если посетителю открывали дверь. В общем, наивность, граничащая с дебильностью.

– Да не скажи! – не согласился Рейвен. – Все эти приспособления рассчитаны на таких же, как они, людей или мутантов. Торстерну и его шайке пришлось бы попотеть, если бы они захотели решить эту головоломку.

– Наверное, ты прав. Эти ворота почти непреодолимы по меркам этого мира. – Чарлз внимательно осмотрел тяжелую дверь, продолжив осмотр скалы, в которой она была прорублена. – Ты видишь то же, что и я?

– Да. Дверной проем пересекает почти невидимый луч света. Открыв дверь и хотя бы на время прервав этот луч, мы приведем в действие целую систему звонков тревоги.

– Да, все это нас задержит... – пробормотал Чарлз, досадуя на все эти штучки, из-за которых они потеряют время. – Похоже, все это сделано преднамеренно. Именно в этих обстоятельствах наш человеческий маскарад ставит нас в невыгодное положение. Без этой маски мы бы уже преодолели все препятствия.

– То же самое можно было сказать и несколько минут назад. Но ты не забывай, что мы имеем дело с людьми, следовательно, должны вести себя соответствующим образом. – Рейвен дружелюбно посмотрел на Чарлза. – В конце концов, мы ведь мужчины, не так ли?

– Нет... некоторые из нас – женщины.

– Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать, толстяк. Мы – мужчины и женщины.

– Да, конечно. Но иногда... – Голос Чарлза сделался тише, лицо задергалось, и он закончил: – Мне постоянно не дает покоя одна мысль.

– Какая?

– Сколько существует лошадей, которые на самом деле являются лошадьми? Сколько собак действительно являются собаками?

– Хорошо. Давай договоримся: об этом мы будем думать после того, как решим более важные и срочные проблемы. Этим вопросом мы сможем заняться в течение последующих тысячелетий. – И сделав жест в направлении двери, продолжил: – А сейчас мы должны обезвредить эту маленькую ловушку. Луч должен отключаться, если кто-нибудь открывает дверь изнутри. Мы должны установить, как проложены провода к выключателю. Это займет определенное время, так как прибор может находиться очень далеко, внутри дома...

– Давай занимайся с проводами, а я позабочусь о двери, – ответил Чарлз. – Для каждого – свое дело.

Сказав это, сразу же начал свою часть работы. Но ни один из них даже не пошевелился. Неподвижные, они стояли бок о бок, погруженные в выполнение своих задач.

Через полминуты Рейвен прекратил концентрацию мыслительной энергии и сказал:

– Провода тянутся вдоль коридора, затем поворачивают направо и через переход попадают в маленькую прихожую, где и заканчиваются. Выключатель громко щелкнул при срабатывании, но, к счастью, в комнате никого нет.

Протянув руку к двери, он ее толкнул. Она тяжело, но бесшумно открылась внутрь. Дэвид и Чарлз вошли, закрыли за собой дверь и пошли по узкому коридору, освещенному встроенными в потолок лампами. Они шли с непринужденностью хозяина, купившего замок на прошлой неделе и желающего заняться его мебелировкой.

– Все это дает нам некоторое представление о психологии Торстерна, – заметил Рейвен. – Замки, засовы, невидимые лучи – все это может быть обнаружено любым мутантом с экстрасенсорным восприятием первого класса, хотя он и не сможет их нейтрализовать. С другой стороны, любой телекинетик спокойно может ими манипулировать, если ему удастся их обнаружить. Таким образом, это местечко абсолютно уязвимо для мутанта, обладающего различными способностями, например телекинетика с экстрасенсорным восприятием. Торстерн исходит из того, что подобного существа нет в природе, даже ничего похожего на него. Бедняжка, представляю его состояние, когда он узнает, что ошибался.

– Что касается человеческих существ, то тут он не ошибается.

– Пока не ошибается. Пока. Но может наступить день, когда он сможет так думать. Тот тип Галлер считался «пиротехником», и не более. Но когда я вошел с ним в контакт, у него уже было ощущение того, что произошло. Он был мутантом, который, кроме своего таланта, отчасти обладал и другим.

– Он был вырожденцем, – сказал Чарлз.

– Да, ты можешь его так называть. Но в этом случае наш друг Торстерн станет совсем нелюбезным, если столкнется лицом к лицу с такими двумя сверхвырожденцами, как мы. Будучи нормальным, хотя и достаточно умным, человеком, он испытывает скорее скрытую боязнь по отношению к мутантам, чем открытую зависть.

– Это является помехой ввиду того, что мы хотим убедить его быть разумным человеком.

– Не сыпь соль на рану, Чарлз. Будет очень непросто внушить здравые мысли человеку могущественному и суровому, но охваченному страхом. Задача становится тем более сложной, если учесть, что мы не можем ему рассказать, почему его предположения ошибочны, а страхи беспочвенны.

– Ты уже задумывался над тем, какова была бы реакция этого мира, если бы мы имели право рассказать о некоторых важных вещах? – спросил Чарлз.

– Да, и не раз. Но что толку об этом разглагольствовать? Однажды денебы появятся в этом уголке Вселенной. И чем меньше люди будут знать, тем лучше.

– Миллион против одного, что они появятся здесь, чтобы получить что хотят. Обрати внимание на то, что произошло на Таличаре и Лумине, в группе Буже. Они разработали все, отнеслись к существующим там формам жизни довольно мягко и опять отправились на поиски. Поиски, поиски, постоянные поиски по принципу: пойдти туда – не знаю куда, найди то – не знаю что. Они бы с ума сошли, если бы знали, что уже сотни раз держали в руках то, что искали, но не смогли познать это. Денебы – это гении, которым не хватает элементарной способности к двум прибавить два и получить четыре.

– При некоторых обстоятельствах сложение может стать серьезной математической проблемой... – заметил Рейвен. – Иногда мне жаль денебов. Если бы я был на их месте, я бы иногда блуждал без определенной цели...

Он не закончил фразу, так как коридор закончился и они вошли в переход, в котором увидели несколько идущих им навстречу людей.

Прежде чем кто-нибудь из них успел опомниться, Рейвен с обезоруживающей доброжелательностью внятно сказал:

– Извините! Вы не можете нам подсказать, как пройти в покои мистера Торстерна?

– Первый коридор налево, вторая дверь слева, – властным голосом ответил высокий и жирный человек, по-видимому шеф группы.

– Большое спасибо.

Они отстранились немного, чтобы дать пройти Рейвену и Чарлзу. Внешне охранники выглядели бесстрастно, но их мозговая деятельность стала очень оживленной.

«Любого посетителя Торстерна от двери и до его кабинета всегда сопровождает охранник. Какого черта эти двое разгуливают одни?»

«Тут что-то не так! – размышлял второй. – Так не бывает, чтобы посетители разгуливали как им вздумается. Я что-то не припомню такого случая!»

«Мне это не нравится. А собственно говоря, мне-то какое дело? Что мне, больше не о чем беспокоиться? – думал третий. – Пусть они идут к черту!»

«Вторая дверь налево, так, что ли? – анализировал четвертый. – Гарган быстро это сообразил, когда отвечал им. Он из тех редких людей, кто никому не доверяет и никогда не рискует... всегда играет наверняка».

Тот, кого назвали Гарганом, в это время принял решение: «Как только они завернут за угол, я предупрежу шефа» – и направился к настенному переговорному устройству.

Завернув за угол, Рейвен многозначительно посмотрел на Чарлза, и оба направились к указанной двери и остановились перед ней.

– Я перехватываю беспорядочный поток мыслей, но ни одна из них не принадлежит Торстерну. – Кивнув головой на дверь, он продолжил: – И внутри нет ни одного живого существа. Комната пуста... В ней дюжина стульев, стол, экран внутренней связи. Стены вырублены из скальной породы. Дверь закрывается и открывается с командного пункта. Ну и ну!

– Идеальная мышеловка! – воскликнул Чарлз, и на его круглом лице появилось выражение ребенка, бросающего кому-то вызов. – Это как раз то место, куда я больше всего хотел бы войти, чтобы показать им, как мало меня беспокоит, что произойдет!

– И я тоже! – Сказав так, Рейвен пинком отворил дверь. Войдя, он плюхнулся в кресло и уставился на белый экран.

Чарлз уселся рядом с ним в другое кресло, которое застонало под его весом. Он смотрел на экран, но мозг его, как и Рейвена, тщательно прощупывал все направления, пытаясь разобраться в вавилонском столпотворении обрывков мыслей и разговоров, которые проникали через каменные стены.

«У меня было два крыла, а у него, подлеца... Укромное местечко на Марсе, со свежим воздухом и теплыми напитками... Взлетел на воздух с таким грохотом, что затрясся весь город. Мы бежали к нашему вертолету, пока не появилась Секретная служба... У нее светлые, почти до колен, волосы... Я оставил патрули землян с носом, они меня не нашли... Так как этот бандит-вундеркинд принялся читать мои мысли, он установил, что у меня есть козырь, даже более того... Да, гипнотик по имени Стин. Они хотели найти его во что бы то ни стало. Не знаю почему... Да я тебе говорю! От этих красавчиков добра не жди... Что? Повтори-ка еще раз!..»

– Ага, вот и он, – прокомментировал Рейвен, облизав губы.

«Говорят, что этот тип Стин сделал... Где? Оба в комнате номер десять? Но как им удалось войти?.. Через некоторое время я устал от Марса. Не знаю, как им удастся... Хорошо, Гарган. Я этим сам займусь!.. Когда закончишь пить, передай... Кинулся вниз головой с высоты в несколько миль, нырнул в лес и проделал воронку глубиной...»

Щелк! Послышался металлический щелчок в двери, электронные замки сработали, и около двадцати различных штукоев намертво закрыли дверь. Экран ожил,

засветился, и появилось изображение какого-то человека.

– Похоже, Гарган прав. Что вы двое здесь делаете?

– Сидим и ждем, – ответил Рейвен и вытянул ноги так, словно находился у себя дома.

– Вижу, вижу. В той ситуации, в которой вы находитесь, вам ничего другого и не остается. – Лицо незнакомца искривилось в неприятной улыбке. – Охранник на входе клянется, что никто не входил. А между тем вы здесь. Может быть только один ответ: вы оба – гипнотики. Вначале вы его загипнотизировали, а затем стерли в мозгу память об этом эпизоде. – Grimаса сменилась легкой и мимолетной улыбкой. – Вы ловкие ребята. Но обратите внимание на то, куда вас это завело. Ну-ка посмотрим, сможете ли вы загипнотизировать меня через фотоэлектрическую камеру!..

– Похоже на то, что иметь гипнотический дар – это преступление для вас, – сказал Рейвен, умело надавив на «любимую мозоль» обычного смертного.

– Преступлением является использование этих способностей для незаконных целей, – парировал незнакомец. – А кроме того, если вы не знаете, преступление – силой врваться в чью-либо частную резиденцию.

Понимая, что вся эта перепалка – пустая трата времени, Рейвен перешел в наступление:

– По моему мнению, преступление – это когда какой-нибудь упрямый идиот корчит из себя триумфатора, в то время как настоящий шеф прогуливается где-то рядом. – Лицо Рейвена стало суровым. – Мы прибыли сюда, чтобы поговорить с Торстерном. Поэтому лучше будет быстро его позвать, пока вам кто-нибудь не вправил мозги!..

– Ах ты мошенник! Ты... ты... – чуть не потерял дар речи тип. – Да если бы я захотел, я бы мог...

– Что бы вы могли, Винсон? – из динамика раздался приглушенный, но чистый голос. – Это большая ошибка – терять спокойствие. Никогда нельзя терять контроль над своими нервами. Никогда, Винсон. С кем вы разговариваете?

Чарлз легонько подтолкнул Рейвена локтем.

– А вот и явление всемогущего Торстерна народу. Тип, который до этого был на экране, повернулся куда-то в сторону и весь поник и съехался.

– Да тут парочка пройдох, сэр. Им удалось войти, и никто не знает как. Мы закрыли их в комнате номер десять.

– А, так-так! – голос был спокойным, богатым на оттенки и невозмутимым. – Они дали вам повод для таких действий?

– Они сказали, что хотят видеть вас.

– О господи! Не вижу причины удовлетворять их желание. Наоборот, это могло бы создать неприятный прецедент. Они стали бы считать, что я обязан принимать всех ненормальных, которым удастся перепрыгнуть через стену. Они что думают, я всегда к услугам любых типов? Что у меня больше нет других дел?

– Не знаю, сэр.

Однако невидимый оратор решил изменить свои планы.

– Ладно! При условии, что этот разговор будет первым и последним, может быть, и стоит их выслушать. Всегда существует вероятность, что я смогу извлечь из беседы с ними что-нибудь полезное для себя. В конце концов, они полностью в моей власти, если вдруг я обнаружу обман.

Винсон услужливо поддакнул:

– Да, сэр. Конечно!

Он исчез с экрана, а на его месте появилось широкое, мускулистое, с квадратным подбородком лицо. Торстерн уже давно перевалил за отметку среднего возраста. Это был человек с густой белой шевелюрой и с большими мешками под глазами. Несмотря на это, у него еще был довольно привлекательный, мужественный вид. В этих суровых и одновременно интеллигентных и властных чертах лица угадывался его характер.

Проницательный и оценивающий взгляд вначале скользнул по Чарлзу, отмечая все детали внешности с головы до ног, а затем перешел на Дэвида.

Ничем не выдав своего удивления, Торстерн сказал:

– А вас я уже знаю! Буквально несколько минут назад я получил вашу фотографию. Вас зовут Дэвид Рейвен!

Глава 11

Рейвен посмотрел ему прямо в глаза. – А какого черта вам вдруг понадобилась моя фотография?

– Мне она не была нужна, – ответил Торстерн, при этом мысль его была настолько быстрой, что трудно было что-либо уловить. – Мне ее прислали власти нашей планеты, которые могут гордиться своей оперативностью. Вашу фотографию разослали многим. Насколько я понимаю, наша полиция очень жаждет добраться до вас.

– Хотел бы я знать почему, – ответил Рейвен.

Кашлянув, Торстерн продолжил:

– Человек моего уровня оказался бы в очень затруднительном положении, если бы обнаружилось, что тот, кого разыскивают власти, прячется в его доме. Пришлось бы давать объяснения. Поэтому, если у вас есть что сказать, не теряйте времени понапрасну, у вас его очень мало...

– Почему?

Торстерн выразительно пожал плечами. Этот безразличный жест напоминал старых римских императоров, когда они решали судьбу гладиаторов, опуская большой палец вниз...

– Потому что полиция вас заберет, и моя ответственность на этом закончится.

Манера, в которой он это сказал, заставляла думать, что вся полиция находится в него в кармане, в его полном распоряжении. Было очевидно, что Торстерн обладает

огромной властью.

– Вы очень важная фигура, – с показным восхищением заявил Рейвен. – Жаль только, что вы посвятили себя лишь разрушению фабрик...

– А вы нахал, – произнес Торстерн. – И ведете себя так намеренно. Вы ожидаете, что мой мозг расслабится и Даст волю ярости. Но я не ребенок. Бессмысленные эмоции – это роскошь, которую могут позволить себе только сумасшедшие.

– Но вы не отрицаете обвинение.

– Я не могу ни подтвердить, ни отрицать его, поскольку это обвинение лишено для меня всякого смысла.

Рейвен вздохнул и продолжил:

– Это делает нашу задачу гораздо более сложной, но не менее важной.

– Какую еще задачу?

– Убедить вас покончить с необъявленной войной, которую вы ведете против Земли.

– О боже!

Торстерн картинно закатил глаза, явно забавляясь.

– Вы хотите меня убедить в том, что Земля послала обычного преступника, вроде вас, поговорить с видным бизнесменом о какой-то абсолютно вымышленной войне?

– Война идет, и именно вы ею руководите при помощи таких же людей и здесь, и на Марсе.

– У вас есть доказательства?

– Я не нуждаюсь в них, – сухо ответил Рейвен.

– Это почему же?

– Потому что вы прекрасно знаете, что я говорю правду, хотя вам и не нравится ее слышать. Доказательства могли бы понадобиться, чтобы убедить третьих лиц. А мы здесь одни.

– Как человек, деловые и финансовые интересы которого очень разнообразны, я неизбежно становлюсь мишенью для сплетен и оскорблений. Я уже привык к этому и не обращаю на них никакого внимания. Так что этим вы ничего не добьетесь. Это цена, которую приходится платить за успех в жизни. Завистники и зануды всегда крутились и будут крутиться вокруг нас. Я считаю их мелкой сошкой, недостойной внимания. Но эта наглая и надуманная клевета о том, что именно я негласно руковожу войной, самая оскорбительная из того, что мне приходилось до сих пор слышать.

– Обвинение не только не надуманное, но и не фантастическое, – возразил ему Дэвид. – К сожалению, это печальный и подлинный факт. К тому же это вас несколько не оскорбляет. Более того, вы в душе даже гордитесь собой. Вы благодарны тому, кто сумел установить, что подлинный руководитель заговора – это вы. По крайней мере, вы довольны, что в этот раз лавры не достались Волленкоту.

– Волленкот? – повторил Торстерн, абсолютно невозмутимый. – Мне кажется, я начинаю лучше понимать, что происходит. Предполагаю, что Волленкот, самый

мелодраматичный и тщеславный из идиотов, которые только существуют, переложил вину на кого-то другого. А вы по глупости ухватились за этот ложный след, который он дал, и вышли прямехонько на меня.

Чарлз зашевелился в кресле и пробормотал в направлении экрана:

– У меня нет привычки идти по ложному следу.

– Нет? – Торстерн в течение секунды изучал его и, не увидев ничего особенного в этом толстом и невыразительном лице с тусклыми глазами, продолжил: – А, так это вам принадлежит честь открытия, что я являюсь основной пружиной вымышленной войны?

– Если это можно назвать честью...

– В этом случае, господин хороший, я вынужден с сожалением заявить вам, что вы не только лжец, но и опасный интриган!

Торстерн сделал царственный жест и продолжил:

– Но для интриганов у меня нет времени. Для меня лучше всего сейчас попрощаться с вами обоими, и пусть полиция побеспокоится о вашем здоровье. Как добропорядочный гражданин я полностью доверяю нашей полиции.

Когда он закончил, лицо его было суровым и бесстрастным.

Чарлз довольно агрессивно ответил:

– Очевидно, вы имеете в виду всю эту находящуюся на вашем содержании свору. Я их хорошо знаю. Вся планета их боится, и не без причины. Но мы их не боимся!

– Возможно, вы измените свое мнение, мой дорогой друг... – Торстерн вновь сосредоточил свое внимание на Рейвене. – Я полностью отвергаю ваши безумные обвинения. И покончим с этим! Если Земля считает, что необходимо подтвердить свой суверенитет и власть над Венерой, то пусть она это делает законным путем. Без всякого сомнения, именно Волленкот является причиной беспокойства Земли. Только каким образом она сможет с ним справиться? Но это уже проблема Земли, а не моя.

– Мы не такие дураки, чтобы дать себя обмануть какому-то обиженному крикуну. Вам понятно это? Если бы мы стали охотиться за Волленкотом, вы поохотали бы от души и тут же заменили бы его на другую марионетку из вашего личного списка. Более того, вы бы использовали наши действия в пропагандистских целях.

– А, даже так? Я бы так поступил?

– Более того, вы бы пальцем не пошевелили, чтобы спасти Волленкота. Наоборот, вокруг него был бы создан ореол первого мученика националистического движения Венеры. Но у Земли и так много дел, чтобы своими руками еще создавать ложных святых для местного божка.

– Местный божок – это я, не так ли? – спросил, улыбаясь, Торстерн.

– Разумеется, – ответил Рейвен. – Мы следуем простой логике: сразу выходить на того, кто водит кукол. Именно поэтому мы здесь. К сожалению, мы видим, что привести вас в чувство мягкими мерами не смогли, а потому вынуждены прибегнуть к более суровым.

– Насколько я понимаю, это угроза, – оскалился Торстерн. – И самое странное, что

эта угроза исходит от человека, который находится целиком в моей власти. У меня складывается ощущение, что вы считаете себя абсолютно независимыми и от обстоятельств, и от того, что вас окружает. А разве эти каменные стены не являются тюрьмой, а? Ха-ха-ха!

– Развлекайтесь на здоровье, – посоветовал Рейвен. – Хотя на это у вас уже не остается времени.

– Я начинаю сомневаться в вашей предполагаемой преступной деятельности, – продолжил Торстерн, сделав вид, что не заметил предупреждения. – У меня такое впечатление, что вы представляете интерес скорее для психиатра. Вы вбили себе в голову, что я, Эммануил Торстерн, процветающий коммерсант с Венеры, являюсь своего рода Голиафом, а вы играете роль Давида. – Он опустил глаза на какой-то невидимый на экране стол и закончил едко: – Да. В самом деле вижу, что вы – Давид. Возможно, психологически это обусловлено тем, что вы носите такое же имя.

– Как и вы – имя *Tornote 1* или Эммануил.

Это замечание впервые вызвало реакцию, достойную того, чтобы ее отметить. На некоторое время, забыв о своей самодисциплине, Торстерн растерялся. Но даже в этих условиях скорчил гримасу царственной особы.

Он прикусил нижнюю губу и прошипел:

– Я уже ликвидировал многих за гораздо меньшие прегрешения! Я вас сотру в порошок! – В ярости он треснул кулаком по столу. – От них даже следа не осталось в этом мире. Они вернулись туда, откуда пришли, то есть в небытие!

– Так, довольно! Я вижу, что вы знаете значение своих имен.

– Я достаточно образован, чтобы знать это... Но я всего лишь коммерсант, а не фанатик. Это вы, вы одержимые, а не я. Да, я пытаюсь получить власть, но только над материальными вещами. Ваши оскорбления опасны... но не для меня, а для вас самих!

– Ваши угрозы нас не пугают. Истина состоит в том, что вы можете уничтожить отдельных людей, но никогда – Землю. Прекратите эту войну, пока еще есть время...

– А если я этого не сделаю?

– В этом случае Земля сочтет, что всему есть предел, и атакует вас на свой манер. Знаете как?

– Нет, Хотел бы услышать.

– Уничтожат одного за другим, начиная с вас, лидеров оппозиции.

Торстерн не выказал ни испуга, ни раздражения. Пригладив свою белую шевелюру, он посмотрел в какой-то листок и спокойно сказал:

– Как у человека с чистой совестью, у меня нет никаких причин бояться уничтожения. Более того. По закону мы все – земляне. Следовательно, пока против нас не будет убедительных доказательств, мы должны считаться невиновными. А подобные доказательства невозможно представить, поскольку всегда отсутствуют очевидцы, в числе которых находитесь и вы.

Note1

Тор – в скандинавских языках – бог. (Прим. пер.)

– Ответная угроза, – прокомментировал Рейвен.

– Называйте это как хотите. Похоже, вы не осознаете своего положения.

– Напротив, прекрасно осознаем. Мы находимся в мышеловке... то есть, я хотел сказать, что вы так думаете.

– Вы сейчас заперты в помещении с монолитными стенами и без окон. Единственная дверь закрыта при помощи системы многочисленных замков с дистанционным управлением. Открыть ее можно только из комнаты, в которой я нахожусь. Ваша комната как раз и предназначена для бесед с субъектами, обладающими паранормальными, но неизвестными мне способностями. Иногда подобные типы приходят сюда.

– Понятно...

– Я еще не выжил из ума, чтобы доверять только железным воротам, через которые можно перебраться, как это сделали вы. Отсюда вы можете извлечь поучительный урок: тот, кто хочет бороться со мной, может это делать там, где я этого захочу, и тогда, когда мне это будет угодно.

– А вам не кажется, что для честного негодяя это чрезмерные меры предосторожности? – язвительно спросил Рейвен.

– У меня есть что защищать. То, о чем я сказал, всего лишь часть системы. Вы сейчас находитесь всего лишь на второй линии защиты. – Наклонившись еще больше к экрану, он торжествующим тоном добавил: – Даже в этой комнате, откуда я с вами беседую, вы столкнулись бы с рядом препятствий, если бы захотели на меня напасть. Я неуязвим.

Улыбнувшись, Рейвен заметил:

– Было бы интересно попробовать.

– У вас не будет такой возможности. И постарайтесь хорошенько запомнить: нормальные люди не совсем уж бездарные! Некоторые из них, особенно я, знают, как вести себя и подчинять своей воле мутантов. У нас всегда есть преимущество перед вами в быстроте мышления.

– В данный момент как раз вы отстаете от нас, но об этом не догадываетесь.

Не обращая внимания на замечание Рейвена, Торстерн продолжил:

– Если вы гордитесь вашими телекинетическими способностями, попробуйте проверить их на двери. Если вы гипнотики, попробуйте прочесть мои мысли через телеэкран. Вам это не удастся, не так ли? Вы даже не знаете, где я нахожусь, в каком направлении и на каком расстоянии... Я могу находиться в тридцати футах от вас, но поток моих мыслей замкнут на землю при помощи специальной изоляции, которая экранирует всю комнату. С равным успехом я могу разговаривать с вами с другого конца планеты.

– Похоже, что вы кого-то боитесь.

– Да никого я не боюсь, – ответил Торстерн, и это было правдой. Перед ними было тело Торстерна, но без его сознания. – Но я признаю, что существуют высшие способности, которых мне бог не дал. Вследствие этого я должен быть осторожным. На Марсе или Венере нет другого выхода. На наших планетах число мутантов очень

велико. И этот факт должен учитываться Землей, прежде чем пуститься в какую-либо авантюру с непредсказуемыми последствиями.

– Но на Земле есть свои мутанты, – заявил Рейвен. – Больше, чем вы предполагаете. А вы, обитатели этих двух планет, почему-то забываете об этой мелочи, занятые своими собственными делами. В конце концов, кто вас всех поселил на этих планетах? Вся армада космических кораблей до сих пор пилотируется землянами. По двадцать – тридцать лет они бороздят космические просторы, подвергаясь жесточайшему воздействию радиации. Вследствие этого результаты те же. Многие из детей этих пилотов отличаются от своих сверстников.

– Да, я согласен с вами, но если, как вы утверждаете, ведется холодная война, почему тогда Земля не использует своих собственных мутантов против им подобных на наших планетах?

– А кто вам сказал, что Венера использует в своих действиях мутантов? – быстро спросил Рейвен.

Почувствовав, что совершил очевидную ошибку, Торстерн решил исправить ее, спросив с иронией:

– А разве это не так?

– Не так.

– Тогда что же?

– Нечто гораздо худшее. Они используют новый вид облучения, который делает бесплодными земных женщин.

– Это чудовищная ложь! – Щеки Торстерна стали багровыми, а голос прямо прерывался от бешенства.

– Разумеется! – Рейвен не чувствовал угрызений совести. – И вы это знали и сейчас подтвердили. Но возникает вопрос: откуда вам известно, что это ложь?

– Никто бы не отважился на такую низость! – В бессильной злобе от своей второй ошибки, Торстерн решил, что больше не совершит ни одной. – Мне начинает надоедать эта беседа. Она мне ничего не дает, даже не забавляет. Я поступлю с вами так, как поступил бы с любыми другими опасными сумасшедшими, вторгшимися в мой дом.

– Если сможете...

– Раз плюнуть. Все типы мутантов устроены так же, как и обычные смертные. У них есть легкие, они могут впасть в глубокий сон, даже если они «совы». И какими бы талантами они ни обладали, во сне они абсолютно беззащитны, словно новорожденные. В подобной ситуации они перестают воображать себя суперменами. Спящие, они не более чем гора мяса. Любой деревенский олух сможет совладать с ними.

– Вы хотите сказать, что пустите газ, чтобы обезвредить нас?

– Вот именно, – согласился Торстерн, удовлетворенный демонстрацией своего могущества над ними. – В комнату проложены паропроводы, которые предназначены специально для этой цели. Это часть нашей системы защиты. Как видите, у нас голова на плечах не только для шляпы, и мы способны мыслить быстрее, чем вы. – Немного

подумав, он добавил: – Мне нравится делать все очень просто, без излишних сложностей.

– Все-таки вы отказываетесь положить конец этой войне?

– Не будьте идиотом. Я не допускаю даже мысли, что идет война, а тем более, что я играю в ней какую-то роль. Ваш воображаемый конфликт не представляет для меня никакого интереса. Я рассматриваю вас как неприятных мне людей, вторгшихся в мой дом. Я позабочусь о том, чтобы полиция извлекла вас отсюда без особых проблем, словно нежелательный груз.

Торстерн наклонился вперед, чтобы дотянуться до чего-то невидимого на экране.

В это время Чарлз, вжавшийся в кресло, бесшумно стал сползать на пол. Его лицо было бледным, глаза закрыты, будто навсегда. Ноги тряслись и сгибались под какими-то неестественными углами.

Рейвен встал и, отвернувшись от экрана, склонился над Чарлзом. Затем поднял его, вновь усадил в кресло и начал делать легкий массаж сердца.

– Очень интересная и хорошо сыгранная пьеска, – саркастически улыбнулся Торстерн. Он все еще наклонялся куда-то вниз, но на мгновение задержал руку. – Толстяк притворяется больным! Вы массируете ему сердце с очень серьезным видом. Затем вы повернетесь ко мне и сообщите, что у вашего друга сердечный приступ или еще что-нибудь в этом роде, а потом добавите, что он умрет, если ничего не предпринять. Далее, вы ожидаете, что в панике или из сострадания я перекрою газ, открою дверь и позову кого-нибудь помочь вам.

Рейвен не ответил, даже не повернул головы. Он продолжал хлопотать возле Чарлза, делая ему массаж сердца.

– Ладно, довольно. Со мной такие фокусы не проходят! – Торстерн произносил слова, словно гвозди вколачивал. – Эти детские трюки не смогут обмануть даже дурака. Я даже считаю это оскорблением для моего интеллекта. Ну а если приступ у толстяка настоящий, то я получу огромное удовольствие, наблюдая, как он умирает. Кто я такой, чтобы мешать провидению?

– Очень хорошо, что вы это сказали, – Рейвен даже не счел нужным повернуться к Торстерну. Дэвид был абсолютно безразличен к возможным действиям хозяина замка. – Люди вроде нас часто чувствуют своеобразный комплекс неполноценности по этическим причинам. Иногда мы теряем уйму времени на то, чтобы убедить других не заставлять нас совершать определенные поступки, которые должны быть совершены. Мы всегда стремимся максимальна отодвинуть неизбежное. Это наша слабость. Там, где мы изводим себя сомнениями, для менее совестливых людей, вроде вас, нет проблем.

– Спасибо за комплимент, – ответил Торстерн.

– Поэтому для нас является большим облегчением, когда предполагаемые жертвы сами прокладывают нам дорогу, произнося фразы вроде той, которую вы недавно изрекли, – добавил Рейвен.

Почувствовав, что настал нужный момент, он повернулся вполоборота и в упор посмотрел на Торстерна своим сияющим серебристым светом взглядом.

– Прощай, Эммануил! Возможно, когда-нибудь мы вновь встретимся!

Торстерн не ответил. Он просто был неспособен это сделать. Его лицо, до этого агрессивное и властное, содрогалось от невыносимой боли. Глаза вылезли из орбит и бессмысленно двигались. Рот открывался и закрывался, словно у рыбы, выброшенной на берег, но без единого звука. По лбу струился обильный пот. Он был похож на человека, которого изнутри какая-то невидимая сила просто раздирала на части.

Заботливо поддерживая расprostертое в кресле безвольное тело, Рейвен бесстрастно наблюдал за всем происходящим. С перекошенным лицом Торстерн рухнул на стол перед экраном. Затем на экране показалась рука, судорожно цепляющаяся за край стола. Вновь показалось лицо, которое содрогалось так, что страшно было смотреть. Все это произошло в течение каких-то двадцати секунд.

Затем странный физиономический феномен так же неожиданно прошел, как и возник. Лицевые мышцы расслабились, вновь появилось прежнее выражение, хотя глаза обрели странный блеск, которого раньше не было. Голос стал бесстрастным, спокойным и властным. Это был голос Торстерна, но с какой-то не присущей ему тональностью. Возникало ощущение, что голосовые связки, горло и рот Торстерна использовались кем-то другим. Он был похож на куклу чревоуещателя. Торстерн заговорил в микрофон, спрятанный слева от экрана.

– Жесмонд! Мои посетители собираются уходить. Позаботься о том, чтобы им никто не помешал.

Кукла с обличьем Торстерна наклонилась вперед и нажала какую-то кнопку. Замки моментально открылись. Это был последний момент его существования, так как сразу же лицо вновь исказилось, рот открылся, тело затряслось и безжизненно рухнуло. Послышался отдаленный грохот падающего тела.

– Мы должны поторопиться, Дэвид. Я полагал, что он в моих руках, но этот дьявол...

– Да знаю, знаю. Я видел его лицо. Это новое лицо. Пошли!

Подбежав к двери, Рейвен открыл ее и протолкнул Чарлза вперед. Все в комнате осталось по-прежнему, только экран был пуст, хотя и освещен. Закрыв за собой дверь, они пошли по коридору. Впереди никого не было.

– Проклятый дьявол! – все повторял Чарлз, ковыляя следом и задыхаясь от быстрой ходьбы.

– Замолчи. Оставь это, у нас еще будет время поговорить.

Они проскочили дверной проем со светящимся лучом, который не включил сигнал тревоги, и окунулись в заполнивший двор туман. Целая волна мыслей докатилась до них, добавив энергии ногам.

«...А затем балерина приблизилась ко мне словно дрессированная кобра... Рейвен умер. Это я тебе говорю. У него не могло быть... Необходимо было иметь кого-нибудь получше, чем „пиротехники“, чтобы поджечь болото... Он уже поднял руку, чтобы включить газовую систему, как они каким-то образом овладели его сознанием... Они говорят, что пару лет назад послали одноместный экспериментальный аппарат на Юпитер, но мне кажется, что это всего лишь обычные земные сплетни, так как... Они должны быть многоплановыми мутантами, хотя и говорят, что таковых нет во всей Вселенной. И если так будет... С другой стороны горной гряды находится шахта по

добыче твердого серебра. Ты даже не представляешь. Этот тип обогащается... Они не должны далеко уйти. Включите тревогу, идиоты!.. Случилось так, что этот марсианский левитатор принялся ходить по потолку. Из его кармана выпала фотография и упала прямо на грудь женщине. Та не стала разбираться... Не подошли еще к воротам. Включите сирену... стреляйте и убейте... Я должен был пойти с туза. Вот те и на! А что это за гул голосов!.. Меня не интересует, кто они и на что способны. Несомненно, они смертны, как любой нормальный человек...»

Жесмонд, тупой как всегда, ожидал их возле ворот. Плохая видимость помешала ему разглядеть их, пока они не подошли вплотную. Увидев их, он округлил глаза:

– Вы?! Но как вам удалось войти?!

– А это тебя касается? Подчиняйся приказу и открывай ворота, – Рейвен сделал быстрый жест в направлении металлической ограды.

– Хорошо, хорошо! Только не злитесь! – Бормоча что-то про себя, Жесмонд начал возиться со сложным замком. События этой ночи сделали его еще большим тюфяком.

– Быстрее... У нас мало времени.

– Ну и что? – Он остановился и с раздражением посмотрел на них. – В конце концов, кто отвечает здесь за службу? Вы или я?

– Я! – ответил Рейвен и нанес сильнейший удар Жесмонду прямо в нос. – Извини, друг.

Удар был такой силы, что охранник рухнул как подкошенный. Из ноздрей вырывались булькающие звуки, глаза были закрыты, а мысли витали среди звезд.

Быстро справившись с замком, Рейвен открыл его, распахнул ворота настежь и сказал Чарлзу:

– Ты уже натворил достаточно. – Пришло время вернуться домой.

– А мне так не кажется! – Чарлз понимающе посмотрел на Дэвида. – Открытые ворота – всего лишь ложный след, в противном случае тебе бы не удалось совладать с этой шумной штуковиной. Ты вернешься назад, и я пойду с тобой, – и с детским восторгом на лице он направился внутрь двора.

В этот момент завывали сирены, расположенные на башенках из черного базальта. Звук становился все громче и громче, переходя в такой вой, который буквально раздирал барабанные перепонки и отдавался эхом далеко в окрестных горах.

Глава 12

Чарлз и Дэвид бросились в густой туман, холодный и влажный, который лип к лицу, оставлял маслянистые капли на волосах. При выходе из тумана эти капли превращались в маленькие шарики, похожие на хлопок. Типично венерианский ночной запах, напоминающий раздавленные фиалки, стал еще сильнее. Но, похоже, туман абсолютно не мешал им, они двигались уверенно, как ясным днем.

В дальнем конце двора, довольно далеко от двери, через которую они вошли в первый раз, находилась узкая каменная арка с подвешенным на ней фонарем.

Сделанный из полированной бронзы по причудливому рисунку, он освещал целый ряд маленьких, размером с булавочную головку, фотоэлементов, размещенных внизу вдоль ступеньки.

Сирены продолжали истерически выть, а Рейвен сосредоточил все свое внимание на проводах, которые вели к пульту управления этим опасным приспособлением. Наконец Рейвен, а следом за ним и Чарлз, двинулись и прошли арку. Через некоторое время вой сирен стих.

– Это заняло больше времени, чем я предполагал, – заметил Рейвен. – Провода проложены по всему дому и возвращаются почти к тому же месту, где прерываются, контролируя большую площадь. Похоже, мне повезло.

– Почему?

– Потому что в момент прерывания луча включается экран... но в тот момент никто на него не смотрел. Представляю, какая паника сейчас там внутри. Все отдают приказы, и никто ничего не понимает.

Прислонившись к стене, Рейвен через арку наблюдал за двором и воротами. В темноте раздался топот ног. Множество фигур бежало от двери к воротам. Стоял такой шум, будто каждый старался друг друга перекричать. Расслышать перепалку не составило никакого труда.

– Слишком поздно. Ворота открыты настежь. А вот и охранник на земле.

– Ладно. Вы трое были в помещении, не так ли? Чем вы занимались, когда ваш приятель подвергся нападению? Играли в джимбо, да?.. Вы только посмотрите на них! Любой мошенник может войти и выйти из этого дома, потому что эти идиоты только и делают, что играют в карты!..

– Вы побежали только после того, как зазвучала сирена? В тот момент вы уже безнадежно отстали, идиоты!

– Кончайте спорить. Мы тут не для того, чтобы вести расследование. Они не могли уйти далеко. Давайте за ними, в погоню!

– Даже так? А как мы это сделаем? На ощупь, словно слепые? Или ты думаешь, что у нас вместо глаз радар?

– Заткнись, дурак! А они? Разве у них не та же проблема?

– Да в том-то и дело, что нет! Они обладают несколькими паранормальными талантами, что хуже всего. Бьюсь об заклад, что они побежали через этот туман, словно его не существует.

Чарлз пробормотал:

– Если бы я был на их месте, то возненавидел бы типов вроде нас.

– Именно это они и чувствуют. И я их не осуждаю... ни на йоту.

Неожиданно Рейвен сделал повелительный жест: внимание!

– Хорошо. Возможно, ты и прав, но я буду их преследовать. Они не могут бежать, не производя шума. Я буду стрелять на любой шум, даже не спросив, кто это! Ты идешь со мной, Свини?

– Конечно! Разумеется, я иду с тобой.

Несколько пар ног затопали уже за воротами и осторожно двинулись в темноту.

– А если они – левитаторы? В этом случае шума не будет!..

– В конце концов они выдадут себя. Любой левитатор не может вечно находиться в воздухе. Для меня настоящий супермутант тот, который может получить пулю и остаться жив.

– Заткнись, Свини. Каким образом ты собираешься что-нибудь услышать, если постоянно болтаешь?

Постепенно удаляясь, они думали только о том, как настичь беглецов. Те, которые остались у ворот, продолжали третировать энтузиастов игры в джимбо и пытались привести в чувство бедного Жесмонда. Другая волна мыслей неслась непосредственно из внутренних покоев замка, перемешиваясь с диалогом, который весьма заинтересовал Чарлза и Дэвида:

– Нет даже намека на то, что вызвало смерть. Похоже, у него просто остановилось сердце. На мой взгляд, это совпадение. Ни один гипнотик не может воздействовать через телевизор, а тем более убить свою жертву.

– Говоришь, не может? Тогда почему он открыл замки и приказал охраннику на воротах выпустить этих двух типов? Я повторяю, он был очень сильно и эффективно загипнотизирован. И произошло это через телевизор, хотим мы этого или нет! Эти два типа обладают чем-то таким, чего у человека не может быть.

– Ты прекрасно сбил их с толку, – одобрительно пробормотал Чарлз, – когда в нужный момент повернулся к экрану. – Теперь всю вину они валят на тебя, думая, что все здесь происшедшее – результат твоего взгляда.

– Было бы гораздо хуже, если бы они вышли на настоящий след.

– Да, согласен. Если бы существовал какой-нибудь приемлемый способ рассказать им хотя бы часть правды, не упоминая Денеба...

– Увы, та кого способа нет. Абсолютно никакого.

– Да знаю... но все-таки очень жаль.

Чарлз замолчал, вновь прислушиваясь к тому, что говорилось в замке.

– Ты уже связался с Городом Равнины?

– Да. Они послали сюда группу, в которую вошли несколько телепатов, чтобы попытаться поймать их мысли, полдюжины гипнотиков, один «пиротехник» и еще один тип с двумя древесными котами. Словом, почти готовая цирковая труппа.

– Шеф подпрыгнет до потолка, когда придет и узнает, что произошло. Мне кажется, что эту работу гораздо лучше выполнил бы один из тех типов, которые разговаривают с насекомыми...

– Ага, а вот, наконец, и то, что мы хотели узнать, – удовлетворенно зашептал Рейвен своему товарищу. – Торстерна здесь нет, но его приезд ожидают с минуты на минуту. Тот тип не был похож на него, когда ты взял его в оборот. Его лицо вернулось к нормальной и примитивной форме. У него был длинный и подвижный подбородок, а лицо настолько гибкое, что он мог из носа сделать руку! Это «хамелеон», шестой тип мутантов, ты понял теперь?

– Я это сразу понял, как только вошел с ним в контакт, – вновь погрузился Чарлз. – Он был настолько компетентным, что вплоть до этого момента я ничего не подозревал. Для меня это было потрясение... но это ничто по сравнению с тем шоком, который испытал он, почувствовав мое воздействие!

– Ну, сейчас все уже прошло. Смерть – это значительное облегчение для чувств, не так ли? – Рейвен расхохотался.

Игнорируя вопрос, как если бы ответ был очевиден, Чарлз продолжил:

– Комната защищена серебряной сеткой, замкнутой на землю, в качестве экрана от телепатического проникновения извне. Типа звали Гриторикс. Это был один из трех мутантов, которым разрешалось входить в замок.

– И то в особых случаях.

– Да, Все они были тренированы принимать облик Торстерна и делали все настолько совершенно, что это стало их второй натурой. Именно поэтому он говорил, что неуязвим. Одновременно он как бы говорил от имени двух людей. А поскольку шефа в самом деле не было в комнате, Гриторикс и говорил о своей неуязвимости. Эти три мутанта сменяют друг друга, изображая своего шефа, когда это необходимо.

– А где сейчас находится оставшаяся пока в живых парочка? Его мозг тебе что-нибудь сказал?

– Где-то в городе, отдыхают и ждут вызова.

– Так-так! Попробуем проанализировать ситуацию. Если Торстерн не знает о том, что здесь произошло, то, вполне вероятно, он едет сюда собственной персоной. Но если кто-то уже предупредил о случившемся, рассказав все подробности, то, возможно, он захочет себя обезопасить и пришлет сюда другого «хамелеона». При помощи этой наживки он попытается узнать, не отказались ли мы от планов его уничтожить.

– Даже при таком раскладе они нас не схватят.

– Как и мы его... и это меня как раз и беспокоит.

Рейвен наморщил лоб, но неожиданно что-то привлекло его внимание.

– Послушай этого... У одного типа появились какие-то идеи!

Откуда-то изнутри замка полился новый поток мыслей:

«Ладно. Ворота открыты, а один из этих идиотов-охранников валяется на земле. Но разве это означает, что они ударили его и бежали? А может быть, именно это они и хотели нам внушить? Возможно, они никуда и не уходили, а до сих пор прогуливаются здесь. Если бы я был на их месте, то именно это и сделал. По крайней мере дольше бы прожил. Даже если они смогут перехватить мои мысли... что им это даст? Они не могут помешать мне думать. Так-так, нужно обыскать это гнездышко, и чем быстрее, тем лучше».

Придя к этому решению, он тут же поделился им с напарником, на что тот несколько раздраженно заметил:

– У тебя в голове полно всяких «если», «но» и других пустых гипотез. Если бы мне больше не о чем было думать, я бы, наверное, тоже этим занялся. Предположим,

например, что они – «суперхамелеоны». Ну как тебе эта идея? Нам бы пришлось искать не только место, где они находятся, но и устанавливать, кто они есть! Господи, да один из них мог врезаться себе по носу, свалиться на землю, а мы бы думали, что это Жесмонд. – После некоторой паузы он продолжил: – Если это не ты, то долго не проживешь! Из города нам пришлют несколько телепатов, и скоро мы узнаем, кто ты есть.

– По-моему, мы должны прочесать это местечко. Бьюсь об заклад, если мы этого не сделаем, шеф открутит нам головы.

– Хорошо, сделаем так, как ты предлагаешь, Фиджити. Я отдам приказ о поиске. Это бесполезная работа, но мы ее сделаем. Скажи всем, чтобы взяли оружие и что никто не будет наказан, если потом найдут два трупа.

Рейвен тихо пробормотал:

– Есть люди, которые никогда не отправятся на тот свет сами.

– Они не знают, что их ожидает, – многообещающе улыбнувшись, сказал Чарлз.

– Это моя вина. – Рейвен вновь посмотрел во двор, осматривая окружающие его стены. – Охота началась. У нас нет другого выхода, как обмануть их до приезда Торстерна или его двойника.

Обмануть было не так уж и сложно. Дэвид и Чарлз ограничились тем, что, невидимые в тумане, спокойно сидели наверху тридцатифутовой стены. Их мог бы учуять древесный кот, да «суперслухач» мог бы определить их местонахождение. Даже левитатор мог бы их обнаружить, подчиняясь своему природному инстинкту прыгать там, где простые смертные не могут этого сделать. Но их преследователи были обычными людьми без каких-либо особых талантов, присущих мутантам. Поэтому Дэвид и Чарлз спокойно сидели на стене, окутанные тьмой, и наблюдали, как движение внутри замка, во дворе и за оградой становилось все оживленней и нервней. Повсюду шныряли люди с оружием наготове и с пальцем на спусковом крючке, охваченные общим страхом – страхом неизвестности.

Для этих обычных мозгов любой мутант был чем-то вроде артиста варьете, который в развитии своего таланта зашел так далеко, что в любой момент мог превратиться в первого встречного и поработить человека. А мутант с несколькими талантами становился неизмеримо опаснее, превращаясь в демоническое создание в облике человека, способное на все.

Таким образом, сама мысль неожиданно столкнуться нос к носу с неким биологическим монстром, «гипно-теле-пато-пиротехником» и еще бог знает с кем в одном лице, была невыносимой для большинства преследователей.

Один из них проскользнул в арку, специальным карманным фонарем осветив фотоэлементы, чтобы их задействовать. С широко раскрытыми глазами, со стоящими торчком черными волосами, он тщательно осмотрел все вокруг, несколько раз пройдя прямо под ногами тех, кого искал, но все напрасно. Наконец он собрался уходить.

В это же время возле арки появился еще один «охотник». Услышав осторожные шаги, он посмотрел в том направлении, откуда они раздавались. Со взведенным оружием, осторожно, двое смельчаков пошли навстречу друг другу и почти одновременно закричали: «Кто здесь?!»

Не ожидая ответа, оба открыли огонь. Возле одного пуля прошла буквально в дюйме. Другому повезло меньше: пуля попала в левую руку. Выстрелы вызвали еще большее замешательство среди и без того нервничающих обитателей замка. Возле ворот кто-то выстрелил вверх, вообразив, что появился левитатор.

Наклонившись вперед, Рейвен посмотрел себе под ноги.

– Даже если десятая часть того, что мы слышим, правда, Торстерн для обустройства этого дома должен был прибрать к рукам целый сиротский приют. – Я слышу еще кое-что. – Чарлз посмотрел вверх. – Слышишь?

– Да. Сюда кто-то летит. У меня есть предчувствие, что это тот, кого мы ждем.

Это был звук лопастей вертолета, летящего на значительной высоте. Вертолет летел с востока гораздо выше кромки тумана.

Тонкий оранжевый луч света засиял на одной из угловых башен замка, прорезав неподвижные облака. Шум двигателей становился все сильнее по мере того, как машина постепенно спускалась, ориентируясь по этому лучу. Через минуту вертолет уже находился в трехстах футах над их головами, производя ужасный шум. Затем стал снижаться к земле. Туман за клубился под ним, вновь донесся запахи далеких лесов.

Ведомый то ли своими приборами, то ли с земли, вертолет приземлился на вымощенной камнем площадке за воротами. Оранжевый луч погас. Раздался топот многих ног, бегущих по направлению к прибывшему вертолету.

– Присоединимся к депутации.

Оттолкнувшись от стены, Рейвен спрыгнул на землю. Прыжок был таким же, как и при его прибытии на планету: свободное падение и быстрое торможение в последний момент.

Чарлз последовал за ним, проделав все абсолютно таким же способом.

– Давай на время забудем об этой ловушке с лучом. Если кто-то и увидит, что на панели зажегся луч, то это только увеличит панику.

От приземлившегося вертолета шел глухой шум голосов и поток мыслей. Около дюжины взволнованных людей пытались говорить одновременно. Два охранника с таким вниманием наблюдали за суматохой у вертолета, что не заметили двух незнакомцев, которые прошли буквально в трех ярдах от них и вышли из ворот.

Чарлз и Дэвид отошли всего лишь на несколько шагов, чтобы охранники у ворот их не видели, затем, описывая полукруг, подошли поближе к вертолету со стороны, не обращенной к замку. Их присутствие осталось незамеченным, так как туман был густым, а дискуссия – всепоглощающей.

На верхней ступеньке короткой лестницы, опущенной из вертолета, стоял человек с угрюмым лицом и полузакрытыми глазами. Он был как две капли воды похож на несчастного Гриторикса.

В мыслях тех, кто направился к машине, было полное смятение. Ни один из них не знал наверняка: то ли Торстерн умер и они докладывают его двойнику, то ли двойник пострадал, а перед ними сам Торстерн... или другой его двойник. В общем, ситуация была довольно любопытной.

С редкой прозорливостью просчитав все плюсы, тайный диктатор этого мира был

откровенен со всеми, позволив узнать о существовании двойников и заставив затем воспринимать каждого из псевдо-Торстернов как настоящего. И они настолько привыкли к маскировке своего шефа, что автоматически объединяли самого Торстерна и трех его «хамелеонов» в одном лице с несколькими телами.

Система была очень удобной. Ни один врач не мог бы обнаружить подмену в мозгу, защищенном серебряной сеткой, и отличить двойника от настоящего Торстерна. Для этого необходимо было бы вступить в непосредственный контакт с самим Торстерном... если, конечно, удалось бы его повстречать.

С другой стороны, ни один из подчиненных не мог даже пытаться надуть своего шефа, так как все прекрасно знали, что в одном случае из четырех они обязательно наткнутся на настоящего Торстерна, и тогда немедленно последует ужасное возмездие. Это создавало внутри системы такой страх, что любой возможный предатель дважды подумает... и отложит свои планы.

Но в этот раз человек, который стоял на лестнице, был захвачен врасплох, несмотря на все предосторожности. Его мозг не был защищен серебряной сеткой. Он был обезоружен и обеспокоен главным образом тем, чтобы четко выяснить, что же произошло в его убежище, а уж исходя из этого решить: остаться или улететь.

Похоже, что это действительно был Эммануил Торстерн. Он уже склонялся к тому, чтобы вернуться в Город Равнины, не беспокоясь об охоте, и послать другого двойника противостоять возможному нападению.

– Этот тип посмотрел на него в упор, словно говоря: «Немедленно умри!» – продолжал рассказывать стоящий ближе всех охранник.

– И он действительно упал мертвым! Клянусь, шеф, все было очень необычно! Это зрелище могло напугать любого мутанта, не говоря уже о нас. – После некоторой паузы, ковыряя ногой землю, он продолжил; – Когда два нечеловеческих существа проникают сюда, как к себе домой, и...

– Преодолев ворота, систему сигнализации, все, – добавил другой.

– Будто бы ничего этого нет и в помине. А затем увенчали свои подвиги, выйдя из комнаты с тройной системой замков.

Третий сказал вслух то, что проносилось в мозгу у Торстерна:

– Меня бросает в дрожь при мысли, что они могут проделать это бесчисленное количество раз!

Торстерн отступил на полшага.

– Вы внимательно все осмотрели?

– Каждый дюйм, шеф! Ничего не нашли, даже тени. Обратились за помощью в город. Пришлют нам котов и нескольких супермутантов. Воспользуемся их же оружием.

В подтверждение этих слов вдалеке послышался слабый, но раздражающий вой древесных котов.

– Они должны нам помочь, – заметил кто-то, явно не веря в эту помощь.

– Если только по дороге сюда они встретят этого Рейвена и его спутника-толстяка.

На данный момент они ушли очень далеко. Свини и его зверям, как и людям из города, не удастся приблизиться к ним ни на секунду... Даже мне не удалось бы!

Услышав о случившемся достаточно, Торстерн принял решение:

– С учетом всех факторов, лучше мне вернуться в город. Я надавлю на власти и узнаю, приняли ли они соответствующие жесткие меры. У меня есть определенное влияние на них.

– Конечно, шеф, конечно!

– Возвращусь сюда сразу, как только буду уверен, что приняты все меры предосторожности. Ждите меня максимум через два–три часа.

Торстерн сказал это с очень серьезным и решительным выражением лица, хотя у него не было ни малейшего намерения возвращаться до тех пор, пока существует хоть малейшая опасность для его жизни.

– Если еще кто-нибудь будет меня искать, скажите, что я уехал и вы не знаете куда. Если кто-нибудь будет похож на этого Рейвена, говорить или действовать, как он, иметь такие же, как у него, намерения, не вступайте в дискуссию и действуйте без колебаний. Примените оружие. Всю ответственность я возьму на себя, даже если кто-нибудь из вас убьет его ради развлечения.

Его суровые глаза излучали властность.

После этих слов он поднялся в вертолет, уверенный в себе и с желанием побыстрее убраться с этого места.

Кто-то не поверил в фальшивый образ, созданный Волленкотом, хотя в случае с Гриториксом сообразительность его подвела. Кто-то методично докапывался до истины и в конце концов вышел на него, Торстерна. Кто-то обладал большей властью, чем он сам, и использовал ее без колебаний. Был кто-то, решивший отстранить его от с таким трудом созданной системы, и этот кто-то, несмотря на первый промах, показал чрезвычайные способности побеждать.

Обращаясь к пилоту, Торстерн прокричал:

– Улетаем отсюда.

И сел на свое место. Он выглядел озабоченным и погруженным в свои мысли.

Двигатели заработали, машина слегка подпрыгнула и сдвинулась в сторону, а затем начала набирать высоту. Рейвен и его спутник успели зацепиться за ось шасси и теперь поднимались вместе с машиной. Когда машина взлетела, они неожиданно оказались на виду у всей группы. На некоторое время все онемели и стояли словно парализованные. За это время вертолет исчез из поля зрения, окутанный густой облачностью. Только тогда оставшиеся внизу вышли из оцепенения и начали яростно кричать:

– Быстро! Дай мне пистолет! Да быстрее же! Шевелись!

– Будь благоразумен! Какой смысл стрелять вслепую? Сейчас ты уже ничего не видишь!

– Осторожно, Миган. Ты можешь попасть в шефа!

– Или в пилота. Ты хочешь, чтобы тебе на голову свалилась пара тонн металла?

– Но ведь нужно же что-нибудь делать! Чертовы пройдохи! Если бы от меня это зависело, я бы приказал убить всех мутантов. Тогда жизнь для всех нас стала бы гораздо проще.

– Позвоните еще раз в город. Они пристрелят их, когда вертолет начнет снижаться.

– В этой ситуации очень бы пригодилась парочка хорошо вооруженных левитаторов. И почему мы не...

– Будь здесь Дилворт! Может быть, пилот почувствует что-нибудь неладное и вновь сядет. – Человек, который говорил, прислушался и, уловив звук двигателя удаляющегося вертолета, разочарованно закончил: – Нет, машина продолжает набирать высоту. Все равно, оставайся здесь.

– А ты куда?

– Попробую по радио связаться с шефом и расскажу ему, что произошло.

– Хорошая идея. Град пуль через днище вертолета, и они свалятся со своего насеста.

Вертолет вышел из облаков, и перед ним теперь простиралось сияющее звездное небо, на котором была видна ложная луна под названием Земля. Граница тумана находилась на высоте примерно две тысячи футов. Толщина слоя зависела от местности, в некоторых местах она достигала десяти тысяч футов, а, например, в зоне дождевых лесов тумана практически не было. Днем он поднимался до сорока тысяч футов, оставляя атмосферу внизу не очень ясной, но чистой.

Сориентировав машину прямо на маяк Города Равнины, пилот летел на высоте ста футов над верхней кромкой облаков. Забираться выше не было смысла, так как полет был коротким. В то время как пилот сосредоточил все свое внимание на приборах, Торстерн, угрюмый и молчаливый, уставился на оранжевый свет маяка. Подсознательно пилот чувствовал, что машина стала тяжелее, чем час назад. Скорость упала, но его это не взволновало.

Они уже находились над городом, когда загорелся сигнал вызова радиосвязи. Едва пилот включил ее, как открылась дверь и вошел Рейвен.

– Добрый вечер, – приятно улыбаясь, обратился к Торстерну Дэвид.

Рука пилота так и застыла на кнопке. Не веря своим глазам, он посмотрел в окно, чтобы убедиться, что они летят, затем повернулся к Рейвену и воскликнул:

– Что за чертовщина?! Как вам удалось...

– К вашим услугам, сэр! – ответил, улыбаясь, Рейвен. – А за бортом, на шасси, испытывает неудобства еще один, который гораздо тяжелее меня. – Он вновь сосредоточил свое внимание на Торстерне и заметил, как тот уставился на боковой карман кресла.

– На вашем месте я бы этого не делал! – посоветовал Дэвид.

Все было сказано спокойным голосом, но в словах чувствовалась угроза.

Решив, что лучше будет ответить на радиовывоз, пилот включил связь и сказал:

– Кэрри на связи.

Из маленького динамика раздался сиплый голос:

– Скажи мистеру Торстерну, чтобы он взял оружие и выпустил с дюжину пуль через днище. Эти два типа прицепились к вашему шасси.

– Он уже знает, – ответил пилот.

– Уже знает?!

– Именно это я и сказал.

– О господи! – Владелец этого голоса повернулся и сказал кому-то рядом: – Шеф уже знает! – А затем вновь пилоту: – И что он предпринял?

– Ничего, – ответил пилот.

– Ничего? Но как же...

– Это меня не касается. Я всего лишь летчик.

– Что? Возможно... – неожиданно голос прервался на самой высокой ноте и связь отключилась.

– Парень сделал слишком поспешные выводы, – заметил Рейвен. – Он считает, что вы и мистер Торстерн лежите связанные где-нибудь в углу, а все это время он разговаривал со мной.

– Но кто же вы?

Кэрри спросил это таким тоном, словно был уверен, что только привидения могли войти в летательный аппарат во время полета.

В этот момент Торстерн первый раз подал голос:

– Я сам с этим разберусь. Тебя это не касается.

Деятельность его мозга давала наглядное представление о том, насколько непоследовательны в моменты кризиса человеческие мысли. Он чувствовал, что попал в переплет. Учитывая то, что случилось в замке, это было нечто серьезное. Имелись все основания считать, что его жизнь находится в опасности и что через некоторое время он последует за бедным Гриториксом по дороге забвения.

Но в этот момент в его мозгу преобладали очень прозаичные мысли:

«Предел грузоподъемности у антигравитационной машины – две десятых тонны. Вертолет поднимает до тонны. Если бы я воспользовался „антигравом“, я бы не влип в такую ситуацию, как нынешняя. Мы бы даже не взлетели с двумя этими типами за бортом. Если сейчас мне удастся спастись, то никогда больше не воспользуюсь вертолетом... по крайней мере без сопровождения».

– А у вас уже есть сопровождение... я и мой спутник, – заметил Рейвен. Сказав это, он открыл наружную дверь. – Идите сюда. Нам пора выходить.

Торстерн медленно поднялся:

– Если я шагну за борт, сверну себе шею.

– Успокойтесь. Ничего с вами не случится. Мы позаботимся о вас.

– Да, но что вам может помешать отпустить меня в полете?

– Ничего. Абсолютно ничего.

– Если вы двое – левитаторы, – вмешался пилот, – то хочу вам напомнить, что

законом запрещено покидать летательный аппарат, если он находится в воздухе над населенным пунктом.

Не обращая на него никакого внимания, Рейвен продолжил разговор с Торстерном:

– У вас несколько вариантов. Например, вы можете протянуть руку к этому карману рядом с вами, и тогда увидите, чем все кончится. Или броситься за борт по своей собственной воле и посмотреть, где приземлитесь. Или заставить вертолет упасть, и тогда другие будут вынуждены собирать то, что от вас останется, по всей округе. Но если вы предпочтете выйти с нами, то приземлитесь целым и невредимым.

Мозг Торстера моментально отреагировал на эту речь:

«Он может загипнотизировать меня и заставить делать все, что пожелает, абсолютно все. Даже умереть против моей собственной воли, повлияв на расстоянии, через спектроэкрэн. А для меня предпочтительнее делать то, что мне нравится. Но я не могу ожидать, пока мне улыбнется случай. Сейчас пришел его черед, мой наступит позже. Другие обстоятельства предоставят другие возможности».

– Это и есть то, что мы называем благоразумием, – одобрительно отозвался Рейвен. – Можете быть спокойны, пока мы на чем-нибудь не проколемся. Уж тогда вы сможете вывернуть нас наизнанку.

– Я хорошо знаю, что вы телепат и можете читать все мои мысли. Но в этот момент я ничего не могу с вами сделать... пока! – ответил Торстерн и направился к двери.

Он высунулся в проем, в то время как Рейвен держал его за одну руку, а Чарлз – за другую.

У Торстера была голова на плечах и изрядная доля храбрости, но все его существо протестовало против такого прыжка без ничего в открытое пространство. Имей он парашют или антигравитационный пояс, не колебался бы ни секунды. Но ничего не имея, кроме поддерживающих его двух враждебных рук, это было сделать ох как не просто!

Наконец он закрыл глаза, задержал дыхание и ступил за борт. Он почувствовал приступ тошноты, когда шагнул в этот бездонный колодец. Плотная, тяжелая паровая атмосфера окутала его, надув парусом брюки. От страха волосы встали дыбом. Воздух свистел в ушах.

Торстерн отгонял от себя ужасные картины падения на скалы или крышу дома с переломанными ногами и телом, когда сильный толчок замедлил падение.

Вверху пилот кричал в микрофон:

– Два типа схватили его на высоте две тысячи четыреста футов. Я думал, что они левитаторы. Но они падали вниз как камни. Что?! Он не сопротивлялся и не отдал мне никаких приказов. По моим приблизительным подсчетам, они должны упасть в секторе девять, где-то вблизи авениды Риса.

После некоторой паузы продолжил:

– Насколько я его знаю, он не хотел... Во всяком случае, у него был странный вид. Он не хотел идти... но пошел!

– Ваш пилот, – сказал Рейвен Торстерну, – просит полицию о помощи.

– Не думаю, что это очень уж поможет, – Торстерн осмотрелся вокруг, пытаясь определить, где он находится, в условиях почти нулевой видимости. – При любом раскладе.

– Вы становитесь фаталистом?

– Я подчиняюсь обстоятельствам, которые не могу изменить. Я всегда умел ждать. Ни одна игра не может идти от начала до конца в пользу только одного партнера.

Вытащив из кармана платок, он вытер капли влаги на волосах.

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Но это заявление было начисто лишено самоуверенности и хвастовства. Это прозвучало как мнение человека, чьи сложные планы потерпели неудачу, но который уверен, что преодолеет все препятствия, сложности и осуществит их на следующей неделе, в следующем месяце или на будущий год.

Он исходил из того, что этой ночью он проиграл, мог бы вообще погибнуть, но одновременно предупреждал их, что, пока он жив, всегда будет существовать надежда. В конце концов, даже в этих условиях он еще мог кое-что сделать.

Глава 13

Они даже не успели позвать ее или позвонить, как Мэвис открыла им дверь и впустила в дом. У нее был такой вид, будто она была в курсе всех событий и знала, что произошло в каждый отрезок времени. При этом лицо ее не выражало ни удовольствия, ни удивления.

Словно мать, упрекающая напроказившего ребенка, она сказала Чарлзу:

– Ты еще пожалеешь об этом. Я это предчувствую. – Сказав это, она вернулась на кухню.

– О, у нас появился еще один тип мутантов, – пробормотал раздраженно Чарлз. Плюхнувшись в кресло, добавил: – Это прорицатели!

Одобрительно поглядывая в направлении кухни, Торстерн заметил:

– Какое удовольствие видеть здравомыслящего человека!

– Для каждого существуют свои собственные эталоны здравомыслия. Каждый – сам себе оракул, – ответил Рейвен, подвигая кресло поближе к Торстерну. – Садитесь. Нет нужды стоять только потому, что вы находитесь в такой плохой компании.

Торстерн сел, пытаясь не думать о некоторых вещах, настойчиво лезших ему в голову, чтобы эти двое не прочли эти мысли.

У него не было полной уверенности в том, что эти двое не исследовали его внутренний мир. Телепат может почувствовать и обнаружить все в другом мозгу. Простому смертному это не дано. Поэтому-то Торстерн так сильно переживал этот свой «гандикап» и всеми силами пытался отогнать от себя мысли, словно тучу мошкар.

«Эта парочка супермутантов способна защитить свои мозги. Женщина, наверное,

также. Но я не могу этого сделать и сомневаюсь, что они способны экранировать свой мозг от других телепатов. Полицейские патрули уже должны прочесывать улицы, а некоторые из них, наверное, находятся в этом районе. Все телепаты, которых удастся найти в этих местах, будут включены в их состав. Поэтому, если только эта комната не имеет системы защиты, есть маленькая надежда, что кто-нибудь из них пройдет рядом, прочтет мои мысли и установит, кому они принадлежат. После этого он вызовет войска и...»

На какое-то мгновение ему удалось отогнать эти мысли, но затем они вновь против воли полезли в голову.

«Хотел бы я знать, являются ли мысли такой же индивидуальной характеристикой, как голос. Наверное, все они одинаковы. Если это так, то у меня мало шансов выбраться отсюда. Разве что подвернется счастливый случай послать сигнал, который трудно спутать. Но если они перехватят сигнал, могут принять суровые меры. Я должен рискнуть».

Посмотрев раздраженно на Рейвена, он сказал:

– Я выпрыгнул из вертолета, как вы приказали. Сел в кресло, как вы сказали. Подчинился всем вашим приказам. Что дальше?

– Беседа.

– Сейчас три часа утра. Может быть, завтра мы найдем более подходящее для беседы время? Нужно ли продолжать дальше эти мелодраматические прелюдии?

– К сожалению! Вы нам очень затруднили контакт. Более того, вы преследовали меня, словно бродячего пса.

– Я? – Торстерн в удивлении поднял брови.

– Вы и организация, которую вы возглавляете.

– Вы имеете в виду мою разветвленную торговую фирму? Это какая-то чушь! Как будто нам больше делать нечего, как преследовать людей. Похоже, вас мучает мания преследования.

– Послушайте! Мы все это уже слышали. Все, сказанное второй раз, теряет новизну. Ваш двойник не представил вам отчет о нашей беседе?

Как ни хотелось Торстерну отрицать существование двойников, он был достаточно хитер, чтобы не говорить что-либо, противоречащее мыслям. У него не было ни малейшего шанса их обмануть. Но он мог быть уклончивым, выигрывая время и оттягивая развязку. Поэтому он откровенно сказал:

– Понятия не имею, что вы там сказали Гриториксу. Я знаю только, что он убит и вы тому виной. Мне это совсем не нравится, – его голос стал суровым и угрожающим. – И наступит время, когда вам тоже кое-что не понравится!

Чарлз хохотнул и изрек:

– То, что я сейчас вижу, – это четкая, живая картина двух повешенных типов. У вас многоцветное воображение. Мне нравится, как вы нас вообразили с черными воспаленными, высунутыми наружу языками. Но некоторые детали ошибочны. Узлы находятся не там, где нужно... а у меня две левые ноги.

– Мало того, что у меня постоянно читают мысли, так я еще должен терпеть критику! – раздраженно сказал Торстерн, обращаясь к Рейвену.

– Он не смог удержаться. Садистские мысли вызывают соответствующую реакцию. – Рейвен начал ходить взад-вперед по комнате, провожаемый взглядом пленника. – Думая, что Гриторикс – это вы, мы попросили его прекратить воевать с Землей. Он, как и вы недавно, стал уклончиво разглагольствовать бог знает о чем. Мы предупредили его, что любая атака влечет за собой самые неприятные последствия для жертвы. А он продолжал ходить вокруг да около. Каким бы высокомерным он ни казался, все же не мог прыгнуть выше своей головы.

– Почему? – спросил Торстерн, внимательно за ним наблюдая.

– Потому что, не будучи настоящим Торстерном, он не мог принять самостоятельное решение такой важности. Кроме того, зная вас как себя, он не осмелился сделать это. Ему ничего не оставалось, как сыграть наилучшим образом роль, которую он так хорошо выучил. Вследствие этого он был лишен инициативы, которая могла его спасти. – Обреченно взмахнув рукой, он добавил: – Поэтому он умер...

– И из-за этого вы чувствуете раскаяние?

– Раскаяние? – В зрачках Рейвена появился холодный металлический блеск. – Разумеется, нет! Мы не можем себе позволить роскошь придавать этому большое значение!

Такой ответ вызвал крайне неприятное ощущение у Торстерна. Холодок пробежал по его спине. Никогда еще он не был так близок к смерти. Если уж Гриторикса, у которого грехов куда меньше, чем у него, смахнули как кучку пепла...

– Я вижу, что здесь, кроме меня, есть любители садистских удовольствий, – ответил Торстерн.

– Вы плохо меня поняли. Мы не испытываем ни удовольствия, ни сожаления. Можете назвать это равнодушием.

– Что, по сути дела, одно и то же.

Это был удобный момент для того, чтобы послать телепатический сигнал патрулю, который мог оказаться поблизости.

– Я не знаю, почему вы так поступили, но я называю это убийством!

В этот момент вошла Мэвис и внесла дистиллятор с несколькими чашками. Налила жидкость, поставила блюдо с булочками и вышла, не проронив ни слова.

– Мне показалось, что вы заговорили об убийствах? – заметил Рейвен. – Несомненно, именно это вы и хотите обсудить.

Торстерн подумал, что это был идиотский выпад против него. Кроме того, это было несправедливо. Сколько бы грехов на нем ни было, но он не был монстром, страстно желающим крови. В действительности же он руководил тем, что земляне любили называть необъявленной войной, а по сути было освободительным движением. Правда, необходимо было признать, что, несмотря на его инструкции, жертвы были.

Некоторых из них избежать было невозможно. Он давал свое согласие лишь на те жертвы, которые были абсолютно необходимы для достижения цели. И не больше. Но

даже эти вызывали у него глубокое сожаление. По сути дела, он был самым гуманным из завоевателей в истории, добиваясь впечатляющих результатов малой кровью.

– Будьте так добры, объясните это свое замечание! Раз вы обвиняете меня в массовых убийствах, я бы хотел услышать хоть один-единственный пример, подтверждающий это обвинение!

– В прошлом были только отдельные случаи. Но если вы продолжите осуществление своих планов, то в будущем нас ожидают массовые зверства... Впрочем, если вы доживете до этого будущего.

– О господи! Еще один прорицатель! – прокомментировал Чарлз, на этот раз совершенно серьезно. Более того, в его тоне чувствовалось раздражение.

А Рейвен продолжал, обращаясь к Торстерну:

– Только вы и знаете, до какой степени справедливо это утверждение, какие акции сейчас готовятся, какую цену вы готовы заплатить, чтобы стать властелином собственного мира. Но мне это не нужно говорить. В тайных уголках вашей памяти все это написано. А огненными буквами горит главный лозунг: «Никакая цена не является слишком высокой!»

Торстерн не нашел что ответить. Подходящего ответа просто не было. Он знал, чего хотел. Он хотел победить с минимальными затратами и без шума.

В данный момент, находясь в руках этой опасной парочки, он ничего не мог сделать. Если бы они захотели покончить с его амбициозными планами, его непременно ожидал бы тот же финал, что и Гриторикса. Торстерн не сомневался, что они способны на это. Но что именно они замыслили, это еще предстояло выяснить. По крайней мере, он не должен упускать свой шанс.

Надеясь, что никто не заметит, он все свое внимание сосредоточил на двери. Но сколько он ни пытался, ему не удалось подавить связанные с этим мысли. Даже если бы какой-нибудь патруль услышал эту беседу о преступлении, вовсе не обязательно, что он сразу же вошел бы в дом. Прежде всего они попытались бы вызвать подкрепление. Поэтому существовала надежда, что в любой момент в дом могла ворваться хорошо вооруженная группа и освободить его.

Рейвен продолжал говорить, хотя Торстерн слушал его очень невнимательно.

– Если бы ваше движение было всего лишь способом завоевания независимости и формирования собственного правительства, мы могли бы, несмотря на его насильственные методы, даже симпатизировать вам. Но ваш мозг говорит о том, что это лишь инструмент для достижения личной славы и могущества. Увы, главная цель ваших устремлений – достижение личной власти. Жалкая и несчастная личинка!

– Что? – Торстерн вновь сосредоточился.

– Я сказал, что вы всего лишь жалкая личинка, которая прячется от света за завесой таинственности и анонимности.

– Я не боюсь...

– Подобным образом вы лелеете детскую мечту о владычестве над такими же червяками, как вы, причем в кратчайшие сроки. После этого вы навсегда канете в вечность. Вы превратитесь в пыль. Пустое имя в бесполезной книге, которое будут

упоминать недалёковидные историки и проклинать в школах дети. Возможно, кто-нибудь из беспокойных студентов даже будет наказан за написание исследования о вашей персоне. Приход к власти и падение императора Эммануила. – Рейвен презрительно поморщился. – Именно это вы называете бессмертием?!

Это уже было слишком. Несмотря на редкое самообладание и непробиваемость, у Торстерна все же были уязвимые места. На оскорбления он не реагировал, так как считал их признанием своей силы и власти. Единственное, что для него было невыносимо, когда его считали букашкой, нулем, ничтожеством. Этого он вынести не мог.

Торстерн побледнел, вскочил на ноги, выхватил из кармана две фотографии и швырнул их на стол. Когда он заговорил, в его голосе появились металлические и нервные нотки.

– Игра пока за вами, но и у меня есть свои козыри. Посмотрите на это! Это не все, но остальные вы никогда не увидите!

Рейвен взял фотографии и невозмутимо стал изучать первую. На ней он увидел самого себя крупным планом, хотя изображение и было не слишком четким.

– Каждый час это изображение передается по спектроэкрану, – с видимым удовольствием сказал Торстерн. – Вся охрана получила копии. Завтра все будут знать вас в лицо... и арест не заставит себя долго ждать! – Торстерн с триумфом посмотрел на Рейвена. – Чем жестче вы будете относиться ко мне, тем суровой для вас станет жизнь. Вам удалось попасть на нашу планету, несмотря на меры, которые я принял для вашего задержания. Но мы еще посмотрим, удастся ли вам отсюда выбраться... – И, повернувшись к Чарлзу, добавил: – Это и к вам относится.

– А вот и нет. У меня нет ни малейшего желания куда бы то ни было уезжать. Я чувствую себя здесь очень хорошо. Мне все равно, Венера это или какое-нибудь другое паршивое местечко. В конце концов, здесь моя работа. И как бы я ее выполнял, если бы уехал?

– Какая еще работа?

– А вот этого, мой дорогой друг, вам никогда не понять, – ответил Чарлз.

– Он присматривает за собаками и стыдится этого, – заметил Рейвен. Бросив на стол первую фотографию, он взял вторую. Лицо его сразу же стало жестким. Показав ее Торстерну, он спросил: – Что вы с ним сделали, подлец?

– Я? Ничего.

– А кто сделал эту грязную работу?

– Я не давал каких-либо особых инструкций. – Торстерн явно испугался реакции Рейвена на увиденное. – Я только приказал схватить Стина и заставить его рассказать все, что произошло. – Посмотрев с отвращением на фотографию, добавил: – И они сделали это.

– И, очевидно, с огромным удовольствием. – Рейвен не скрывал своей ненависти. – Они превратили его в бесформенную массу. Стин мертв, без вины виноватый. Но меня это не волнует, как, впрочем, и моего коллегу.

– Не волнует?

Торстерн был явно удивлен несоответствием слов и реакции Рейвена.

– Да, представьте себе. Его смерть ничего не стоит. Рано или поздно человек умирает, проживи он хоть сто лет. Что мне не нравится, так это как он умирал. Ясно, что смерть была медленная и мучительная. А это плохо. Этому нет прощения. – В глазах Рейвена загорелся огонь. – И когда придет ваша очередь, это не будет забыто.

Вновь Торстерна бросило в холодный пот. Он-то думал, что этими фотографиями сможет запугать своих противников. Похоже, он ошибся.

– Они нарушили мои приказы. Я их сурово отчитал за это.

– «Отчитал»! Вы только посмотрите!. – Рейвен повернулся к Чарлзу. – Как мило с его стороны!

– Они оправдывались тем, что он был очень упрям и вынудил их пойти на крайние меры. – Торстерн подумал, что есть смысл продолжить этот разговор: – Вначале они использовали телепата, который на расстоянии попытался прочесть его мысли. Безрезультатно. Стин думал о совсем других вещах. Поэтому они вынуждены были заставить его сказать причины, по которым он сыграл с нами такую скверную шутку. Он не хотел. Всеми силами он отказывался говорить. Когда он стал более восприимчив, было уже поздно.

Всем своим видом Торстерн демонстрировал полную невиновность в случившемся.

– Что вы хотите этим сказать?

– Он, как Галлер, сошел с ума. Начал нести какую-то белиберду и умер. Он сказал, что вы совершенно новый, опасный и неожиданный тип мутантов. Вы можете покидать свою телесную оболочку. Сказал, что вы, помимо его воли, переселялись в его тело.

– О господи! – не выдержал Чарлз, явно забавляясь. – Теперь к «биомеханикам», «прорицателям» добавились «властелины душ». Это никогда не кончится!

– Это была утонченная ложь, – продолжил презрительно Торстерн. – Я навел справки у самых крупных специалистов по паранормальным способностям. Все они утверждают, что эта бред, вымысел... но поняли, почему Стин так сказал.

– И каков был диагноз?

– Он получил чрезмерную дозу гипноза от телепата более сильного, чем он. В картотеке подобных индивидуумов нет, но теоретически это возможно.

Впервые Торстерн осмотрелся по сторонам и заметил чашку уже остывшего кофе. Он взял ее и выпил в три–четыре глотка.

– На какое-то время вы внушили Стину, что он – это вы. И приказали ему вывести Галлера из игры. И он сошел с ума. А сейчас вы готовы применить тот же рецепт на мне, если я не выполню ваши приказы.

– Вы в самом деле так думаете?

– Или уничтожите, как Гриторикса. Любой из этих вариантов не имеет смысла. Если вы сделаете со мной то же, что со Стином и Галлером, действие гипноза закончится через сутки, и тогда я смогу аннулировать все сделанное под вашим воздействием.

– Да, это правда, – согласился Рейвен.

– В случае же моей смерти у вас в руках будет всего лишь труп. А труп, согласитесь, не может положить конец войне. Вы уже повторяли неоднократно, что мертвецы не в счет. В этом случае в отличие от Гриторикса мне не о чем беспокоиться. – Вдруг ему в голову пришла какая-то идея, и он спросил: – А каким образом вы ликвидировали

Гриторикса? Даже супергипнотик не в состоянии заставить человека улежся на пол и умереть. Что вы с ним сделали?

– То же, что мы будем вынуждены сделать с вами, если убедимся, что у нас нет другого выхода. – Рейвен выразительно посмотрел на него. – Вбейте это в свою дубовую голову. Нас очень мало беспокоят какие бы то ни было препятствия. Разница между вами и нами заключается в том, что мы это делаем быстро и безболезненно. Мы не позволяем, чтобы пациент страдал. Ведь именно продление момента смерти и есть настоящее преступление! – Пристально посмотрев на Торстерна, Рейвен продолжил: – Гриторикс ушел в мир иной так быстро, что не успел что-либо осознать. А бедный Стин был лишен этой возможности.

– Я уже вам объяснил, что...

Рейвен резко оборвал его:

– Вам не удастся превратить Венеру в свою личную собственность. Как и объединиться с марсианами для того, чтобы атаковать Землю по вашему усмотрению. Если однажды человечество окажется в подобной ситуации, то за свое спасение будет бороться все человечество, а не только земляне. Все мы! Поэтому вы должны прекратить враждебную Земле деятельность и убедить марсиан последовать вашему примеру. В противном случае вы исчезнете со сцены навсегда, как и ваши последователи, кто бы они ни были. Мы уничтожим вас всех одного за другим, и движение развалится, оставшись без командования.

Указав на маленький радиохронометр, встроенный в кольцо на руке Торстерна, он закончил: – У вас пять минут для принятия решения.

– У меня гораздо больше времени, чем вы думаете. У меня его столько, сколько мне нужно. – С этими словами Торстерн швырнул на стол третью фотографию. – Посмотрите-ка лучше вот это.

Даже не притронувшись к фотографии, Рейвен наклонился и внимательно посмотрел на нее. Ни одна жилка не дрогнула на его лице.

– Кто там? – спросил Чарлз, ленись встать и посмотреть.

– Лайна, – ответил Рейвен.

Торстерн засмеялся. Было неприятно слушать его смех. Чувствовалось, что он упивается произведенным эффектом. Особенно он был доволен тем, что до этого момента ему удавалось отогнать мысли о Лайне.

Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как взять верх над обладателем паранормальных талантов. Это было его слабостью.

– Мы знаем все привычки вашей женщины, ее обычные маршруты, особые таланты. Например, нам известно, что она такой же, как и вы, супергипнотик. Это нам

сообщил Стин. И он не солгал. Возможно, именно это вас и привлекает в этой амазонке. Иначе я не могу объяснить вашу любовь к слонобразным формам.

– Оставьте ваши шуточки насчет форм. Она не предназначена для удовлетворения ваших вкусов. Давайте-ка ближе к делу. Что вы хотите этим сказать?

– Только одно, – ответил Торстерн, с трудом сдерживая злорадное удовлетворение. – Если я умру, сойду с ума или со мной приключится еще что-нибудь, она заплатит за все!

– Хорошая шутка! – ответил Рейвен.

– Надеюсь, она вам понравится еще больше, когда вы найдете эту женщину мертвой.

– Я плакать не буду, – заверил Рейвен, не выразив при этом никаких чувств.

Торстерн такой ответ поверг в ужас. Он недоверчиво посмотрел на Чарлза, как бы ища подтверждение своим чувствам. Однако тот уставился с показным безразличием в потолок. Торстерн вновь, не веря своим ушам, посмотрел на Рейвена.

– Она может умирать очень долго.

– Неужели?

– Уверен. Если только у нее не слабое сердце, то агония может продлиться в десять раз больше времени, чем в случае со Стином. Ну как? Это вам понравится?

– Считаю, что это омерзительно.

– Да ну?!

– Мозг движения, могущественный завоеватель прячется за женскую юбку!

Торстерн вновь почувствовал себя униженным. Ярость охватила его, но он сумел сдержаться.

– Кто бы говорил... человек, которому абсолютно безразлично, что из-за него страдает женщина.

– Ей это безразлично, – улыбнулся Рейвен, совсем сбив с толку Торстерна.

– Вы – ненормальный, – заявил он, сам начав в это верить.

– Гриториксу и Галлеру также было все равно, и Стину было безразлично. Почему Лайна должна как-то отличаться? Даже вы...

– Замолчите, убийца! Вы – маньяк!

Торстерн вскочил на ноги и сжал кулаки. В его голосе чувствовались сила, облегчение и триумф:

– Вы слишком долго занимались разговорами и потеряли бдительность. Нас услышали, вам понятно?

Он сделал жест в направлении главного входа:

– Вы слышите шаги? Их двадцать, а может, и пятьдесят! Или сто! Весь город движется сюда!

– Очень жаль, – ответил Рейвен, побледнев.

– Уничтожьте меня, и вы увидите последствия, – храбро бросил вызов Торстерн. – Через несколько секунд вы получите сполна. – Пытаясь одним глазом смотреть на Рейвена и в то же время наблюдать за дверью, он добавил высокомерно: – Разве только если я вновь буду обладать всеми моими возможностями, то прикажу вас не трогать...

– Похоже, у нас появились трудности, – прокомментировал Чарлз, испытующе поглядывая на дверь.

Сейчас Торстерн стоял, сжав губы и нисколько не заботясь, что кто-нибудь прочтет его мысли:

«В данный момент они не решатся что-либо предпринять. Слишком дорого придется платить. Они отодвинут осуществление своих планов на время, которое никогда не наступит. Разбираться с ними будут по земным законам. Все будет сделано так чисто, что не подкопаешься. Даже Керати не сможет их спасти. Можно организовать несчастный случай. Пожалуй, это будет быстрее и надежнее. Да, в любом случае...»

Как и Чарлз, он все свое внимание сосредоточил на двери, за которой, он мог бы поклясться в этом, слышались осторожные шаги. Возможно, некоторые полицейские боятся этих супермутантов, Рейвена и его напарника. Слишком уж они были нерешительны. Когда они войдут, он должен будет действовать быстро и начать отдавать приказы.

Торстерн раздраженно поморщился, увидев, что Дэвид и Чарлз даже не пошевелились. Похоже, они смирились с ситуацией, в которой не было спасения. Приведенный в действие телекинетиком, дверной замок, как бы против своей воли, начал медленно поворачиваться.

Глава 14

Словно под напором легкого ветерка или чьей-то скрытой в темноте руки дверь дюйм за дюймом начала открываться внутрь. Клубы ночного желтого тумана просочились в дом через образовавшуюся щель, принеся с собой нестойкий запах древесной смолы, сгнивших листьев и раздавленных фиалок, а также теплую влагу.

Ни один звук не донесся снаружи, кроме отдаленного рокота бензозаправщика в аэропорту да приглушенной музыки с соседней улицы, где неутомимые «совы» вели активную ночную жизнь. В комнате стояла гробовая тишина. Не было слышно даже дыхания присутствующих.

Глаза Торстерна впелись в темноту, уши тщетно пытались уловить ожидаемый шум, в голове роились самые разные мысли. Кто же находится за дверью? Есть ли у них оружие? Пальцы готовы нажать на спусковой крючок? А если он вслепую бросится в темный проем, то не получит ли навстречу град пуль, тем самым прекратив свое существование?

Или среди них есть телепат, который сможет предупредить о его намерениях и прикажет не стрелять, если он бросится им навстречу? Впрочем, телепат не сможет это сделать, так как он сам колеблется и не принял решения. Телепат сможет прочесть его

мысли, но он абсолютно не способен воспринять спонтанное решение.

Пока он смотрел на дверь, время казалось вечностью. Уличная темнота так и манила его. Какого черта они ждут? Они боятся, что если неожиданно войдут, то он побежит? Возможно, у них есть четкий план действий. Боже мой, почему же они так медлят?

Туман продолжал проникать в комнату. И тут Торстерну пришла в голову идея... Газ! Да, вот в чем дело! Они пустили газ вместе с туманом. Кто-то, знакомый с системой безопасности в его замке, а особенно в комнате десять, вспомнил об этом. В этом случае, они хотят, чтобы он спокойно заснул вместе со своими мучителями. Затем они войдут, приведут его в чувство и передадут этих двоих в его полное распоряжение.

Возможно, Рейвен и этот толстяк уже знали, что произойдет. Мысль об этом так и пульсировала в его мозгу, поэтому ее могли прочесть. Может ли телепат перехватывать мысли более чем одного человека? У Торстерна не было такой уверенности. В этом вопросе у него были пробелы. Однако эти двое могли прочесть мысли тех, кто снаружи... Газ! Ну и что они смогут сделать? Ничего! Самый талантливый из мутантов нуждается в воздухе, чтобы дышать.

Торстерн раздул ноздри, пытаясь обнаружить приближение этого невидимого оружия, хотя и знал, что газ не обладает запахом. Но должны быть другие признаки. Замедление сердцебиения, затруднение дыхания и мыслительных процессов. Торстерн стал внимательно прислушиваться к реакциям своего организма в ожидании симптомов, но больше чем полминуты не выдержал. Это было слишком!

С истошным воплем он бросился к двери:

– Не стреляйте! Не стреляйте! Это я! Торс... – и осекся.

Некоторое время он беззвучно стоял, всматриваясь в ночную тьму и ничего не понимая. В голове у него пронеслась целая буря мыслей.

«Никого нет. Ни одной живой души. Они меня одурачили, внушив эти звуки. Они обошлись со мной как с подопытным кроликом, выясняя, в каком направлении я побегу, спасая свою жизнь. Затем открыли замок и распахнули дверь. Они являются одновременно гипнотиками и телекинетиками, хотя специалисты и утверждают, что это невозможно. Сущие дьяволы!»

Внезапно его нервное напряжение достигло предела: «Беги, идиот, беги!»

А затем произошло неожиданное. Колоссальное психическое возбуждение стало причиной всего последующего. Одной рукой опираясь о дверной косяк, он хотел сделать первый шаг к свободе, уверенный, что его уже давно ищут и где-нибудь поблизости находится одна из вооруженных групп. Но ему так и не удалось сделать этот шаг.

Медленно, сгибаясь в коленях, его тело стало опускаться, словно для молитвы какому-то неведомому богу. В голове пронесся беспорядочный поток мыслей, среди которых выделялись какие-то странные слова и обрывки фраз: «Нет... О нет, нет... Я не выдержу... Стин... это не моя вина... о, клянусь тебе... оставь меня в покое!»

Он наклонился вперед, содрогаясь от боли. Рейвен с озабоченным и очень серьезным лицом уже склонился над ним. Чарлз, очень удивленный, быстро встал. В

дверях кухни появилась Мэвис. Она неодобрительно посмотрела на них, но ничего не сказала.

Рейвен схватил несчастного за правую руку, и сразу же его конвульсии прекратились. Вцепившись в руку Рейвена, Торстерн несколько раз потрянул рукой и плечом, словно пытаясь от чего-то освободиться. Казалось, он вел с кем-то жестокую борьбу. Наконец Торстерн открыл рот и простонал:

– Нет, нет, нет... Уходи прочь... Оставь меня в покое... Я...

С помощью Чарлза Рейвен поднял тяжелое тело. Вдвоем они перенесли его в комнату и усадили в кресло. Мэвис прикрыла дверь, но замок запирасть не стала. Со странной гримасой на лице она вновь ушла на кухню.

Через некоторое время Торстерн с удивлением открыл глаза и выпрямился в кресле. Он чувствовал странное нервное возбуждение и неприятное волнение в крови. Его лицо стало восковым. И что самое любопытное, в его мозгу не осталось даже воспоминания о тех словах, которые он перед этим бормотал, – ничего, что напоминало бы о происшедшем.

Посмотрев на Рейвена, он сказал дрожащим голосом:

– Вы сдавили мне сердце.

– Я этого не делал.

– Я чуть не умер.

– Моей вины в этом нет.

– Значит, это были вы. – Торстерн повернулся к Чарлзу.

– И не я. Наоборот, именно мы спасли вам жизнь... если это можно назвать спасением. – Чарлз улыбнулся своим мыслям. – Если бы не мы, вас уже не было бы среди живых.

– И вы хотите, чтобы я в это поверил? Нет, это был один из вас, я уверен!

– И каким же образом? – спросил Рейвен, наблюдая за ним и читая его мысли.

– Один из вас является телекинетиком. Он открыл замок и заставил дверь отвориться, сам при этом не сдвинувшись ни на дюйм. Затем сжал мое сердце. Именно так вы поступили с Гриториксом!

– Телекинетик обладает способностью передвигать только внешние предметы и не может проникать внутрь людей, тем более двигать внутренние органы, – возразил Рейвен.

– Но произошло нечто похожее на это, – продолжал настаивать Торстерн, потрясенный близостью смерти. – Я почувствовал, как сердце сжалось. Ощущение было такое, словно его силой вырывали из тела. Кто-то же сделал это!

– Вовсе необязательно. Миллионы людей ежедневно умирают без вмешательства извне.

– Я никогда не умру таким образом! – как заклинание по-детски произнес Торстерн.

– Это еще почему?

– Мне пятьдесят восемь лет, и у меня нет проблем со здоровьем. Абсолютно никаких. – Он внимательно стал ощупывать грудную клетку, словно пытаюсь выявить какое-нибудь отклонение от нормы.

– Действительно, похоже, – с иронией сказал Рейвен.

– Было бы слишком удивительным совпадением умереть от сердечного приступа именно в этот момент.

Торстерн был уверен, что угодил в «десятку». Что мешало этим двум типам повергнуть его в обморок возле двери, если они способны на гораздо худшее?

Но внутри, в самом сокровенном уголке мозга, пряталась ужасающая его мысль, что, возможно, они говорят правду. Вполне вероятно, что ему отпущен более короткий срок в этом мире, чем он думает. Все люди смертны. Может быть, и ему осталось не так много жить...

Вытаскивая эту идею на свет божий и заставляя Торстерна подумать о ней, Рейвен сказал:

– Если ваша судьба действительно предопределена, то случившееся с вами произошло в момент очень сильного нервного напряжения. Поэтому я не вижу здесь никаких совпадений. Как бы то ни было, вы живы. Возможно, будете жить еще неделю. Возможно, только до рассвета. Никто никогда не знает ни дня, ни часа своей смерти.

Вновь показав на маленький хронометр Торстерна, Рейвен добавил:

– Однако пять минут превратились в пятнадцать.

– Я отказываюсь от борьбы. – Торстерн достал большой платок и вытер вспотевшее лицо. Его дыхание было прерывистым, а лицо белым как мел. – Отказываюсь!

Он сказал правду. В его мозгу пронеслась лавина мыслей. Даже менее проницательные, чем Дэвид и Чарлз, могли бы убедиться, что он не лжет.

«Нельзя постоянно жить на предельных скоростях. Отдохни, и проживешь дольше. Мне нужно посмотреть на себя со стороны. Зачем что-то строить, если плодами этого труда воспользуется кто-то другой? Волленкот на двенадцать лет моложе меня и, так как я нахожусь в тени, считает себя настоящим руководителем движения. Почему я должен работать, планировать ради его выгоды? Второразрядный актеришка... „Хамелеон“, которого я вытащил из дерьма и сделал человеком. Он не более чем ловкий мутант. Прекрасная Венера... под сапогами мерзкого мутанта! Пока Земля не... Керати и большая часть членов Совета – нормальные люди... Гилшист гарантировал мне это».

Рейвен моментально отметил про себя это имя: Гилшист, член Всемирного Совета. Несомненно, именно он и предал его членам подпольного движения. Кайдер и другие не знали его, потому что не хотели знать.

«И если не этот мутант Волленкот, появится еще кто-нибудь, дождется своего часа и приберет к рукам мою империю, как кот молоко, – продолжал с горечью думать Торстерн. – У мутантов есть сила. Однажды они организуются и выступят против нормальных людей. Не хотел бы я здесь находиться в то время!»

Он поднял глаза и встретился взглядом с Рейвеном, который за ним наблюдал.

– Я уже сказал, что отказываюсь. Что вам еще нужно?

– Ничего. – Рейвен указал на телефон: – Хотите, я вызову антигравитационное такси, которое отвезет вас домой?

– Нет. Я пойду пешком. У меня нет к вам доверия.

С трудом поднявшись, он вновь ощупал грудь. У него появились серьезные подозрения из-за того, что эти двое так легко поверили в его капитуляцию. Оценивая их по себе, он был почти уверен, что его ожидает еще не одна западня. Может быть, они придумали план, чтобы все произошло на улице, подальше от дома? Возможно, опять сердечный приступ, но уже более сильный?

– А мы вам верим, так как читаем ваши мысли, – ответил Рейвен. – Очень жаль, что вы не можете сделать то же самое. Если бы могли, то, несомненно, убедились бы в искренности наших намерений. Больше мы вас не тронем... правда, лишь в том случае, если вы не приметесь за старое.

Доковыляв до двери, Торстерн открыл ее и в последний раз посмотрел на них долгим взглядом. Его лицо все еще было бледным, хотя не потеряло выражения былого достоинства. Казалось, он сильно постарел.

– Я обещаю положить конец всем враждебным действиям против Земли. Свое обещание я обязательно выполню... но только его! – сказал Торстерн.

Осторожно закрыв за собой дверь, он нырнул в темноту и превратился в какой-то нереальный призрак. Видимость была очень плохой, каких-то три ярда, что делало его практически слепым. Поэтому он шел, придерживаясь стен. Время от времени останавливался, прислушивался и продолжал идти вперед. Торстерн уже отошел на приличное расстояние, когда слева от себя услышал чьи-то шаги. Сложив руки рупором, он крикнул:

– Эй, вы там!

Шаги торопливо приблизились, и из тумана показался патруль из шести до зубов вооруженных людей.

– Что случилось?

– Я могу сообщить вам, где находится Дэвид Рейвен.

А в доме, который покинул Торстерн, Чарлз прекратил прослушивать окрестности.

– Он отчаянно пытался вспомнить... но, увы, не смог. Сбит с толку и не знает, куда их направить. Скоро он откажется от своих попыток и пойдет домой.

Скрестив толстые ноги и обхватив живот, он продолжил:

– Когда он рухнул у двери, я было подумал, что это твоя работа. Но потом уловил твое удивление...

– А я то же подумал о тебе. Ну и удивил он меня, – Рейвен скорчил гримасу. – Еще хорошо, что я быстро успел ему помочь. Мог бы и умереть.

– Да, сердечный приступ. – Круглые глаза Чарлза сделались еще больше. – Еще один подобный случай, и это будет уже чересчур...

– Был кто-то, поступивший поспешно и нерационально, – очень серьезно сказал Рейвен. – Кто-то не дождавшийся, чтобы его обучили. Это серьезная ошибка. Подобное никогда не должно повториться!

– Несостоявшемуся императору Венеры очень повезло. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы что-либо менее серьезное могло сделать его таким благоразумным пацифистом. Все идет нормально. Кстати, его память ничего не сохранила о происшедшем, а это важно.

– Возможно, ты прав. Если бы он умер, осложнения были бы гораздо большими. Так как он не сдался бы, то нам пришлось бы поработать. Эта капитуляция избавила нас от многих неприятных моментов. Например, нам пришлось бы с ним покончить.

– Но это была далеко не безоговорочная капитуляция, – заметил Чарлз. – И когда он шел по улице, он не смог не думать об этом.

– Да, я хорошо слышал.

– Он просто подлец, если не сказать больше. Во-первых, он оставил про запас возможность при случае изменить своему обещанию. Он считает, что шансов на это мало, но учитывает и такой поворот событий. Во-вторых, он жаждет отправить тебя отсюда в ближайшую галактику, хотя и не нашел для этого удовлетворительного способа.

– И даже это еще не все, – добавил Рейвен. – Насколько я понял его характер, могу предсказать следующее: он сразу же отправится прямо во Всемирный Совет, где подвергнет критике Волленкота, проклянет подпольное движение, станет сожалеть обо всех нападениях, перейдет на сторону Земли в обмен на какой-нибудь видный пост. Короче говоря, он попытается капитулировать на самых выгодных условиях и сделать из всего этого хороший бизнес.

– Он может остаться ни с чем.

– Оставь. Это мы остались ни с чем. Наша главная цель не достигнута, а только это и важно. – На некоторое время Рейвен замолчал, а затем продолжил: – Но Торстерн совсем не хочет уничтожить свою организацию. Он прекратит ее деятельность, но не станет распускать. Единственное, что ему по душе, так это использовать ее открыто и легально в лучшие времена. И у него есть способ сделать это с одобрения самых влиятельных из своих вчерашних противников, включая Керати и большую часть Всемирного Совета.

– С какой целью? Они ничего не знают о денебах, а поэтому...

– Я сказал Торстерну, что человечество вынуждено будет бороться за свое существование в едином блоке. Возможно, он запомнил это. Он не знает о существовании Денеба, но может решить, что настало время, и убедить в этом других! Нормальные люди против мутантов! Когда Торстерн говорит о человеческих существах, он автоматически думает только о себе подобных, поскольку мутантов считает нелюдями или недочеловеками.

– Ого! – Чарлз прищурился. – В настоящее время нетерпимость достигла пика! И ему не понадобится слишком много аргументов.

– Кто, кроме нас, знает это лучше? У него есть мозги и храбрость, а еще невероятная настойчивость.

– В любом случае сделать это будет не так-то просто. Мутанты являются меньшинством, но достаточной силой, чтобы не позволить уничтожить себя за здорово живешь.

– Это еще не все, – заявил Рейвен, облокотившись на стол. – Я вижу еще два больших препятствия.

– Каких?

– Во-первых, они могут уничтожить только известных им паранормальных людей. Но сколько их остаются неизвестными? И многих из них невозможно обнаружить при помощи нормальных мозгов. А сколько таких, которые предпочтут остаться неизвестными?

– Это делает идею бесполезной. Если Торстерн заранее узнает о трудностях, которые ему предстоит преодолеть, то, возможно, он и не начнет.

– Возможно, – сомневаясь, ответил Рейвен. – Второе препятствие – сосуществование цивилизаций на трех планетах. Допустим, что Торстерн попытается убедить других подготовить аналогичные планы по одновременному уничтожению своих слишком умных и способных братьев. Каждая из планет немедленно станет подозревать западню: мы уничтожим своих мутантов, а что сделают другие?..

– Взаимное недоверие, – согласился Чарлз, кивнув. – Ни одна из планет не рискнет оказаться в проигрышном положении по сравнению с другими. Это был бы слишком большой риск. А если на двух планетах уничтожат своих мутантов, а на третьей – нет? Через некоторое время контроль над всеми тремя мирами был бы в руках этой третьей! При таком раскладе нетрудно догадаться, какая это будет планета и кто ею будет управлять.

– На всех трех планетах предвидят подобное развитие событий. Ни земляне, ни марсиане не глупее венериан. Поэтому, как ни крути, повсюду Торстерн столкнется с сильной оппозицией. Самое плохое то, что он из той породы людей, которым нравится сильная оппозиция. Он рассматривает ее как вызов его способностям и возможностям. У меня такое ощущение, что он замолчал не навсегда.

– Я того же мнения. А наши с тобой имена, Дэвид, стоят первыми в списке подлежащих уничтожению. – От смеха у него затрясся живот.

– Я вернусь на Землю. Спасибо за гостеприимство. – Рейвен пересек комнату, просунул голову в кухню и сказал Мэвис: – Прощай, радость моя!

– Приятного путешествия, противный! – и Мэвис показала ему язык.

Он, дурачась, скорчил ей жуткую гримасу, вышел из кухни и, помахав Чарлзу рукой, добавил:

– Ты был настоящим другом! До встречи в морге!

– Как-нибудь... – пообещал Чарлз с полным спокойствием. Подождав, пока Дэвид не исчез в тумане, он закрыл дверь и вернулся в дом.

Не проронив ни звука, Мэвис мысленно сказала: «Ты еще пожалеешь об этом!» «Я это знаю, любовь моя!»

Глава 15

Космопорт был забит многочисленными летательными аппаратами: антигравитационные машины, вертолеты различной грузоподъемности, разнообразные старые машины с вертикальным взлетом, принадлежащие бывалым бородатым исследователям, два красивых почтовых корабля Всемирного Совета, воздушный шар с Двигателем для группы биологов, странный и необычный марсианский корабль под названием «Подеймос», два пассажирских корабля (один в ожидании почты, другой – на ремонте) и, наконец, экстравагантный небольшой корабль, похожий на велосипед, брошенный здесь каким-то воздушным маньяком.

Натриевые фонари отбрасывали почти нереальный свет на весь этот механический хлам. Ночной туман все еще окутывал космопорт, но горизонт уже стал светлеть по мере того, как еще невидимое солнце начало всходить.

На первый взгляд космопорт серьезно охранялся, но на деле охрана была малоэффективна. Несколько групп людей разговаривали возле цистерн с горючим и мастерских. Другие расположились по периметру или среди застывших на стоянке кораблей. Ни у одного из них мозг не был в состоянии тревоги.

Для Рейвена это создавало благоприятные психологические условия. Благоприятный случай – одно из необходимых для достижения успеха условий. Когда мы намереваемся осуществить что-то очень трудное, всегда возможны два исхода: или мы рискуем потерять все, или победа нам гарантирована.

Он приблизился к охраняемому периметру на двадцать ярдов. Действовать нужно было очень осторожно. Наверняка вся охрана предупреждена и получила приказ схватить его. Капитуляция Торстерна не могла вызвать подобной демонстрации силы в космопорте.

Большинство этих вооруженных охранников были обыкновенными людьми, без каких-либо устремлений и абсолютно чуждыми той борьбе, которая охватила высшие слои венерианского общества. Некоторые из них, возможно, являлись приверженцами Торстерна и Волленкота и наверняка получили дополнительные и неофициальные приказы относительно Рейвена. Было невозможно отличить одних от других, так как все думали только о том, что ненавистная служба подходит к концу и их ожидает приятный отдых.

У того, кто сейчас приближался к Дэвиду, голова была заполнена видением огромного блюда с ветчиной и яичницей. К тому же этот мечтатель был левитатором, что делало его идеальной жертвой.

Понаблюдав за ним некоторое время, Рейвен установил, что этот охранник был одним из немногих, у кого не было конкретного задания и кто мог свободно передвигаться по всему космопорту. В который уже раз он чертыхался из-за этой службы и перелетал через корабли, чтобы их не обходить. Другие охранники, по всей видимости не левитаторы, наблюдали за этими прыжками с полным безразличием. Почти каждый десятый из них обладал тем или иным особым талантом.

Ничего не подозревая и считая, что это всего лишь его собственный внутренний импульс, охранник начал обходить мастерскую, за которой его ждал Рейвен. Похожий импульс, из того же источника, заставил его поднять подбородок. Он прекрасно

подчинился, и Рейвену было очень неприятно «отблагодарить» его таким грубым способом. Он нанес охраннику сильный удар в подбородок, поддержал падающее тело и усадил на землю.

Переодевшись в его униформу, Рейвен вышел из-за строения и пошел по полю. Его жертва была ниже ростом, поэтому плащ доходил Рейвену только до колен. Но никто не обратил на это никакого внимания. Ближайший охранник находился в ста пятидесяти ярдах. Самой большой опасностью было столкнуться с телепатом. Если телепат попытается на расстоянии войти с ним в контакт, то обнаружит абсолютную пустоту, а это сразу наведет его на мысль, что перед ним далеко не левитатор... И сразу начнется шум.

Придерживая локтем оружие, как это делал охранник, Рейвен подошел к пассажирскому кораблю «Звездное небо», ожидавшему почту. Это была одна из последних моделей, с полными баками, готовая к старту. На борту не было никого. Перелетев через корабль, Рейвен мягко опустился с другой стороны. Его нервы были напряжены до предела.

Среди этого нагромождения машин было очень трудно выбрать годную для бегства. Вертолеты, «антигравы», машины с вертикальным взлетом предназначались только для местных маршрутов. Кроме «Звездного неба» и двух почтовых кораблей, улететь с планеты было не на чем. Почтовые корабли подошли бы при условии их заправки и готовности к полету.

Ближайший почтовый корабль был заправлен, но Рейвен захотел осмотреть второй. Во втором также все было готово, отсутствовал только пилот. Ни один из кораблей не был закрыт. Рейвен предпочел второй, так как за ним было свободное пространство ярдов в пятьдесят, в то время как за первым вплотную стоял старый корабль. При взлете почтовика он бы превратился в пепел, а Рейвен не хотел доставлять кому-то огорчения. Именно поэтому он выбрал второй.

В этот момент за мастерской начал приходить в себя бедняга-охранник. Рейвен моментально это уловил. Он ожидал этого. Удар был такой силы, чтобы только выиграть несколько минут. Именно это и было нужно Рейвену.

«Что со мной произошло? – думал охранник в полной растерянности. – На меня напали! Моя форма! Мое оружие! Напали и ограбили!» Мозг его буквально кричал.

Абсолютно естественно Рейвен направился прямо к двери корабля и вошел внутрь. Закрыв круговой засов, все замки и опечатав их, он направился в кабину пилота.

«Кто-то ударил меня! – продолжал вспоминать охранник. – Так быстро, что я не заметил».

На некоторое время он затих, а затем заорал во все горло:

– Идиоты! Бегом сюда! Где-то тут бродит преступник...

Среди возникшего хаоса мыслей тех, кто его услышал, появились четверо с очень мощным мозгом. Переходя от корабля к кораблю, они начали тщательно исследовать все окружающее их интеллектуальное пространство. Добравшись до почтового корабля, уткнулись в психическую защиту Рейвена и попытались проникнуть в его мозг, но напрасно.

«Кто вы?»

Он не ответил. Корабль начал монотонно и глухо гудеть по мере того, как двигатели заработали.

«Отвечайте! Кто вы?»

Эти четверо резко выделялись из всех остальных. Они были способны опознать сильно защищенный мозг, если сталкивались с таковым.

«Телепат. Не отвечает. Поставил защиту. Находится в почтовом корабле КМ44. Нужно окружить его».

«Окружить? Ни в коем случае! Если он запустит двигатели на всю мощь, то превратит в пепел всех, кто будет находиться с той стороны!»

«Сомневаюсь. Он не решится взлететь, пока полностью не рассеется туман».

«Если это тот тип, Рейвен, то он получит хорошую взбучку, так как мы должны...»

«Пока мы не знаем, кто это. Может быть, это какой-нибудь сумасшедший мальчишка, фанатик космических кораблей».

«Бьюсь об заклад, что это Рейвен!»

В кабине заработало радио, и виновник всего этого возбуждения включил связь. Раздался суровый и властный голос, шедший с диспетчерской вышки:

– Находящийся в КМ44! Немедленно откройте дверь!

Рейвен и на это ничего не ответил. Двигатели продолжали работать. На приборной панели мигали различные индикаторы, а прямая линия красного цвета наконец достигла отметки «Полная готовность».

– Неизвестный в КМ44! Предупреждаю вас, что...

Улыбнувшись, Рейвен посмотрел в задний перископ и увидел в сотне ярдов позади корабля группу вооруженных людей, стоящих полукругом. Он нажал кнопку, раздался грохот. Корабль рванулся вперед, из сопел вырвалась длинные струи огня и облака сверхнагретого пара.

В ярости на командной вышке неизвестный диктор стал цитировать инструкции, параграфы от А до Я, цифры, которые могли окончательно сбить с толку любого пилота.

Рейвен отметил про себя, что этот диктор был способен излагать самые странные факты, имитируя старинные рукописи.

Дэвид второй раз нажал кнопку. Столб оранжевого огня вырвался из сопел двигателя, этот грохот оглушил всех на милю вокруг, но внутри корабля шум был негромким.

Радио продолжало свои садистские описания:

– ...но если указанное преступление подразумевает незаконное использование полицейских или таможенных объектов, то применяемое наказание не может быть меньше четырехкратного указанного в параграфе семь статьи три, при условии, что не нанесен ущерб, предусмотренный в следующих разделах...

Включив микрофон, Рейвен обратился к диктору:

– Послушай, приятель! Да чтобы отсидеть столько, не хватит никакой жизни!

Выключив связь, Рейвен потянул рычаг управления на себя. Корабль стремительно рванулся в небо, оставляя за собой огненный столб.

Он находился от Венеры на расстоянии около миллиона миль, когда включил автопилот и посмотрел на экран заднего вида, проверяя, есть ли погоня. Не было даже намека на нее. Пожалуй, это было маловероятно, да и бесполезно. Корабли, подобные тому, которым он воспользовался, еще только строились.

Так же маловероятно было, чтобы какой-нибудь находящийся в космосе корабль получил приказ перехватить его. Да и огромное пространство между Землей и Венерой не было настолько забито кораблями, чтобы возникла опасность с этой стороны.

Передний экран и датчики не фиксировали ничего, достойного внимания, кроме точки с булавочную головку, испускающей инфракрасные волны и находящейся слишком далеко, чтобы ее идентифицировать. Возможно, это был «Призрак», возвращающийся домой. Он как раз должен быть где-то в этом районе.

Позволив автопилоту выполнять свою обычную работу, Рейвен наблюдал на экранах внешнего обзора удивительную картину глубокого космоса, которой никогда не уставал восхищаться.

Через некоторое время он перестал любоваться этой сверкающей панорамой, вытянулся на кровати, закрыл глаза... но не заснул. Он закрыл их только для того, чтобы дать возможность мозгу лучше воспринимать, лучше слышать. Такое полное сосредоточение совершенно не требовалось, чтобы улавливать мысли простых людей. Но сейчас... Легкое дрожание корабля и вспышки от столкновения космической пыли с ним не отвлекали его. С этого момента его мозг переключился на более высокие сферы, высшие силы...

Эти силы могли быть услышаны, только если бы он абстрагировался от тела и максимально сконцентрировался. Странные мысленные голоса вибрировали в бесконечном космосе. Многие из этих таинственных импульсов не имели амплитуды и звучали на одной еле слышной ноте, другие были посильнее, потому что находились относительно близко.

«Черный корабль летит по направлению к Заксису. Мы позволим ему продолжать движение».

«Они готовы покинуть Балдур—девять, красный гигант с четырьмя бесплодными планетами. Они считают, что это напрасная трата времени, и не вернутся туда».

«Они пренебрегли планетой, но заинтересовались ее спутником, потому что он богат гелиотропными кристаллами».

«Они прибыли целой флотилией из сорока кораблей и обшарили все от полюса до полюса. Показалось, что они очень спешат»...

«...вне Геро, бело-голубого гиганта в двенадцатом секторе Андромеды. Сто восемьдесят черных кораблей быстро летят группами по шестьдесят в каждой. Настоящая экспедиция денебов!»

«Один из них сделал вынужденную посадку из-за двух загоревшихся двигателей. Задействовал щупальца, чтобы мы его поняли и помогли. Мы действовали довольно глупо, конечно. Он свысока поблагодарил. Дал детям небольшие подарки и убрался

восвояси, ничего не заподозрив».

«Черный крейсерский корабль направился по прямой к Гарру. Воздействуем на мозг пилота и заставим его повернуть обратно».

«Мы предполагали, что он интуитивно чувствует истину, но не может доказать. Он был опасно близок от истины. Но ему понравилась идея преобразовать ее в форму новой религии. Не дай бог кто-нибудь из денебов узнает об этом. Поэтому мы стерли в его памяти все воспоминания».

«Огромный военный корабль с тысячами денебов овладел небольшой луной. Сказали, что пошлют меньший корабль, чтобы договориться с нами о торговле. Однако большого интереса не выказали. Посмотрели на нас... и решили, что мы всего лишь банда отсталых аборигенов».

«...около дюжины из них отчаянно нас преследуют. Любопытно, как они без усталости гонятся за тем, что не могут поймать!»

«Ну, я пока чувствую себя хорошо, но она постарела, поседела и хочет выйти из игры. Годы так же бегут для нее, как и для тех, кого мы контролируем. Поэтому, если есть какая-нибудь пара, которая бы захотела...»

«...целая армада из восьмисот кораблей движется в направлении Скории, чтобы отомстить за исчезнувших там двоих денебов. Они защитили мозг пилотов платиновыми шлемами и установили на каждом корабле новые силовые излучатели. Это уже серьезно!»

Все, что уловил мозг Рейвена, не имело ничего общего ни с радиосвязью, ни с какой-либо другой связью. Это была специально ориентированная телепатия дальнего радиуса действия.

В течение всего полета слышалось бормотание: черный корабль здесь... денебы сделали то, денебы сделали это... приземлились в одних мирах, покинули другие, сделали остановку в третьих, привлеченные чем-то... И всегда руководствуясь неизвестными правилами неизвестной игры.

В конце концов денебы оставляли в покое большую часть миров сразу же после короткого пребывания и продолжали методично прочесывать космос в поисках того, что они никогда не смогут найти.

Рейвен все это время то слушал эту бесконечную беседу в глубинах космоса, то любовался красотой звезд. Все его мысли о Торстерне, Волленкоте, Карсоне, Керати и других были просто отброшены в сторону – настолько микроскопическими и ничтожными были их амбиции и соперничество по сравнению с событиями, происходящими в других мирах.

«Денебы овладели сотнями мозгов, но затем пришли к выводу, что у них нет времени контролировать пятьсот миллионов человеческих существ, и убрались восвояси. С чем приехали, с тем и уехали, так ничего и не узнав».

«...оставались в течение трех полных солнечных оборотов. Развлекались, глядя на наши ракетносители, даже попросили несколько опробовать. Вернули с благодарностью. Но когда ты уничтожил тот боевой корабль, который они послали следом за тобой, пришли в ярость и бросились в погоню за тобой как...»

«Выявляется их четкий интерес к Бутсу, хотя и не совсем понятна причина. Поэтому будьте готовы, они движутся в том направлении».

Разговор продолжался не прерываясь, неслышимый для всех, кроме тех, для кого он только и был предназначен. Ни один человеческий мозг не мог перехватить этот обмен мыслями. Как и ни один из денебов.

Говорили об одиноких солнцах и планетах, разбросанных во Вселенной, о блуждающих астероидах так свободно, как обычный человек говорит о своем участке земли. Определяли местонахождение, давали точные координаты, называли тысячи имен... но ни разу даже не упомянули ни Землю, ни Венеру, ни Марс, – вообще ни одну планету из семьи Короля Солнца. В этом не было необходимости, поскольку время этих миров еще не пришло.

Два полицейских корабля, на шесть человек каждый, стартовали с Луны и попытались преследовать похищенный почтовый корабль при его подлете к Земле. Но им это не удалось. Он нырнул к Земле на такой скорости, словно ему предстояло лететь еще пятьдесят световых лет, на значительном удалении от своих преследователей свернул в сторону и исчез на востоке за линией горизонта. Когда преследователи достигли наконец этого полушария, беглец уже приземлился и потерялся в общей суматохе.

Он приземлился на скалистом склоне, где новый старт не мог нанести ущерб ничьей собственности. Рейвен находился в хвостовом отсеке, который остывал, и изучал небосклон, но полицейские корабли не появились даже на горизонте. Возможно, опустились где-то в трех или четырех милях к западу или востоку.

Продравшись через густой кустарник, Рейвен вышел на грязную дорогу и направился к дому, который он заметил при снижении. По телефону вызвал «антиграв», который через некоторое время прилетел из ближайшего поселка. Через час он уже находился в штаб-квартире Секретной службы Земли.

С неизменным мрачным выражением на своем длинном лице Карсон жестом указал на кресло, сцепил руки будто для молитвы и начал мысленную беседу:

«Вы – моя настоящая головная боль. За эту неделю вы задали мне столько работы, сколько я привык делать за целый месяц!»

«А как насчет работы, которую вы мне задали?»

«Насколько я могу судить, вы не перетрудились. Вышли отсюда и вернулись в полном порядке и с целым носом. Зато сами переполошили и напугали столько важных людей, нарушили такое количество существующих законов, что я вынужден теперь прикрывать вас одному богу известно как».

«Но все-таки некоторые законы остались в неприкосновенности, – ответил Рейвен. – Но меня больше интересует другое: прикроете вы меня или нет? Патрули с Луны преследовали меня несмотря на то, что я использовал почтовый корабль».

«Украденный, – Карсон кивнул головой в сторону бумаг, лежащих на столе. – Вы совершаете преступления быстрее, чем я успеваю их покрывать. В данный момент я как раз занимаюсь случаем с почтовым кораблем. Но будьте спокойны, это мои проблемы. Именно за это мне платят, как думают люди. Поэтому я должен найти

способ превратить это нахальное похищение в официально разрешенную аренду. – Карсон потер лицо и встревоженно добавил: – Только не говорите, что вы разбили его вдребезги при приземлении! Где вы его оставили?»

«Я бы посадил его в космопорту, если бы не полиция. Их преследование навело на мысль, что меня хотят арестовать. В последнее время меня слишком много преследовали, чтобы я так легко дался в руки».

«Я отдам приказ найти корабль и перегнать его сюда».

Карсон поворошил бумаги и вслух добавил:

– Сплошные осложнения. Только это и достается на мою долю!

– Несмотря на сверхскоростной корабль, дорога с Венеры сюда заняла определенное время. Поэтому я немного не в курсе всех событий. Что же произошло за это время, чтобы появились проблемы?

– На прошлой неделе мы пристрелили двух типов при попытке взорвать мост. Оба они были с Марса. На следующий день взлетела на воздух электростанция, оставив без света десять городов и остановив промышленное производство на площади в сотни квадратных миль. В субботу мы обнаружили и успели извлечь взрывное устройство, заложенное в основание плотины. Если бы оно сработало, это стало бы настоящей катастрофой.

– Стало быть, они не?..

– С другой стороны, – продолжил Карсон, словно не услышав, – ученые сейчас утверждают, что взрыв на фабрике «Бакстер» почти наверняка – несчастный случай. Они говорят, что при некоторых экстремальных условиях горючее становилось крайне неустойчивым и взрывоопасным. Утверждают, что уже нашли противоядие.

– И то хорошо...

Карсон сделал нетерпеливый жест.

– Чрезвычайно редко я получаю такой авторитетный доклад. И пока это не случилось, я был вынужден рассматривать все случаи с точки зрения возможного и вероятного. Мы всегда обречены на сомнения: то ли это человеческая ошибка, то ли саботаж. Нам даже не удастся освободиться от подозрений. Кроме того, мы посадили тех восьмерых, схваченных в том подземном центре. Все они – супермутанты с Венеры и Марса. Если бы это зависело от меня, я бы их депортировал и запретил прилетать на Землю. Увы, я не могу это сделать. Официально все они земляне, вы понимаете?

– Да, неудобно. – Рейвен наклонился вперед и спросил: – Не хотите ли вы сказать, что война продолжается?

– Я бы так не сказал. Она продолжалась по крайней мере до конца прошлой недели, а сейчас, пожалуй, она закончилась. – При этом Карсон испытующе посмотрел на Рейвена, а затем добавил: – Позавчера Керати пришел ко мне и сказал, что наши заботы закончились. С тех пор не поступало известий о происшествиях. Я не знаю ни что вы сделали, ни каким образом, но результат налицо, если только то, что сказал Керати, – правда.

– Вы никогда не слышали о человеке по имени Торстерн?

– Слышал. – Карсон поудобнее устроился в кресле и с завидным самообладанием продолжил: – Долгое время наши агенты следили за Волленкотом, полагая, что именно он является руководителем движения на Венере. Случайно один агент узнал, что душой движения является некто Торстерн, до добыть убедительные тому доказательства не удалось.

– И это все?

– Нет. – Карсон заколебался, словно не желая продолжать разговор на эту тему, но все-таки решился: – Керати сказал, что Торстерн вел с ним переговоры.

– Ага, даже так? А он не сказал о чем? Что-нибудь еще добавил?

– Сказал, что сомневается в его искренности, вернее, в том, что он является именно тем человеком, который может отдать приказ о прекращении войны. Однако Торстерн заверил, что докажет это.

– Каким образом?

– Очень просто. Убрав Волленкота! – Карсон прищелкнул пальцами. Некоторое время он молчал, затем вздохнул и продолжил: – Это произошло позавчера. Сегодня утром мы получили послание с Венеры о том, что Волленкот выпал из «антиграва» на слишком большой высоте, чтобы осталась надежда, что он выживет...

– Ого! Отличный способ избавляться от верных слуг, не так ли?.. Ну а сейчас я добавлю несколько штрихов к этой картине. Например, член Всемирного Совета Гилшист. Именно он и есть злодей.

– Почему вы так думаете?

– Это как раз тот предатель в Совете, о существовании которого вы подозревали. Мне сказал об этом Торстерн, сам того не ведая. Я не понимаю, как этому Гилшисту удалось все устроить, но когда я присутствовал на Совете, я ничего не заметил. Как это могло случиться?

– Его в тот день на заседании не было. – Карсон сделал в своих бумагах пометку и продолжил: – Отсутствовали тогда четверо. Он вернулся через несколько минут после вашего ухода.

– Однако это не помешало ему предать меня. Что вы намереваетесь предпринять против него?

– Ничего. Без доказательств ничего нельзя сделать. Я поставлю в известность Керати, а дальнейшее в его власти и в ведении Всемирного Совета. Одно дело сказать о факте, другое – доказать его.

– Вы правы. Во всяком случае, неважно, что они с ним сделают. Пусть хоть наградят золотой медалью за предательство. По большому счету мало что в этом мире имеет подлинную ценность. – Дэвид встал, направился к двери и, взявшись за ручку, добавил: – Но кое-что в этом деле имеет определенный вес, насколько это вообще возможно. Дело в том, что Торстерн – нормальный индивидуум. Керати – также. В отличие от нас с вами.

– И что из этого? – нехотя спросил Карсон.

– Есть люди, натура которых не приемлет поражения без мести. Есть люди, которые могут спокойно выбросить своего сторонника из «антиграва» и наблюдать,

как он разобьется вдребезги. Есть люди, которые могут очень сильно испугаться, если их соответствующим образом «накачать». В этом состоит главное проклятие этого мира... страх! – Внимательно посмотрев сверкающими глазами на своего собеседника, Дэвид спросил: – А знаете, что делает этих людей настолько пугливыми?

– Смерть, – мрачно предположил Карсон.

– Нет, другие люди, – не согласился с ним Рейвен. – Помните об этом... особенно когда Керати сообщит только часть и промолчит об остальном.

Карсон не спросил, что Дэвид хотел этим сказать. Он уже давно понял технику защиты обычных смертных, не обладающих особыми талантами. Когда им нечего было скрывать, они приходили к нему лично. В противном случае они писали ему или звонили с надежного расстояния. Последнее происходило гораздо чаще.

После ухода Рейвена он еще некоторое время продолжал смотреть на дверь. Он был мутантом, поэтому не оставил без внимания намека, который сделал Рейвен.

Керати очень любил обсуждать с ним дела... по телефону.

Убежище Самуила Глауштрауба, примитивного гипнотика, способностей которого едва хватило бы на канарейку, находилось в маленьком и темном кабинете на высоте четырех лестничных маршей. Кто-то из его предков обладал этими способностями, которые, потерявшись в поколениях, проявились в таком зачаточном виде у Самуила. От других своих предков он унаследовал склонность к юриспруденции и бойкость языка – таланты, которые он ценил гораздо больше, чем свои сомнительные способности мутанта.

Войдя в кабинет, Рейвен поклонился:

– Добрый день, Сэм!

Тот поднял черные глаза, спрятавшиеся за очками в черепаховой оправе, и сказал:

– Я с вами знаком?

– Никоим образом!

– Да? А я подумал, что знаком. – Отложив в сторону документы, которые изучал, Глауштрауб поднялся из-за стола и внимательно осмотрел посетителя, мысленно спрашивая себя: «Где это он приобрел такие манеры? Уж не думает ли он, что я его слуга?»

– Что? В такой одежде, и мой слуга? – склонившись над столом, Рейвен указал на грязные брюки Сэма.

– Ого, телепат?! – заулыбался, показав желтые зубы, Сэм. Машинально разгладил брюки и продолжил: – Хорошо, мне все равно. К счастью, у меня очень спокойное сознание.

– Завидую вам. Немногие могут этим похвастать.

Сэм нахмурил брови, почувствовав скрытый скептицизм, и сказал:

– Чем могу быть полезным?

– У вас есть клиент по имени Артур Кайдер?

– Да, суд состоится завтра, – он с грустью покачал головой. – Я сделаю все, что в моих силах, но боюсь, что все это напрасно.

– Почему?

– Он обвиняется в том, что публично угрожал убийством. Поскольку из-за отсутствия истца жалоба не была представлена, вместо него это сделал генеральный прокурор. А это делает защиту безнадежным предприятием. Доказательства этой угрозы записаны на аудио – и видеопленки и будут представлены в суде. Опровергнуть их невозможно. Вы – один из его друзей?

– Насколько мне известно, я его лучший враг!

– Ха-ха-ха! – Глауштрауб так захохотал, что затрясся живот. – Вы пошутили, да?

– Ошибаетесь, Сэм. Я как раз тот, кого он пообещал превратить в скелет.

– Что? – Сэм от неожиданности открыл рот, затем подбежал к столу, порылся в бумагах и нервно спросил: – Ваше имя Дэвид Рейвен?

– Именно так.

Эта новость привела Сэма в полное замешательство. Он снял очки, стукнул ими озабоченно по краю стола, вновь надел и начал их лихорадочно искать среди бумаг.

– Они у вас на носу, – подсказал ему Рейвен.

– Ой, действительно... Какой же я болван! – Он сел, вскочил, вновь сел. – Хорошо, хорошо, мистер Рейвен! Свидетель обвинения!

– А кто вам сказал, что я буду свидетельствовать против него?

– Ну, полагаю, что... Видя, что вы вовремя вернулись, чтобы помочь обвинению... я...

– А если исходить из того, что я не появился?.. Что бы сделало обвинение в этом случае?

– Все равно дало бы ход делу. Видеозаписи достаточно, чтобы подкрепить обвинение.

– Да, но это в том случае, если я свидетельствую против Кайдера. Ну а если предположить, что он всего лишь шутил и я это знал?

– Мистер Рейвен! Не хотите ли вы сказать, что... – руки Глауштрауба от возбуждения начали дрожать. – Это действительно так, как вы сказали?

– Черт побери! Он прекрасно сознавал, что говорил. Кайдер с превеликим удовольствием наблюдал бы, как я медленно умираю, нежась в шелках и поедая виноград...

– В таком случае... почему?.. – Адвокат окончательно запутался.

– Предпочитаю умертвить человека сразу, чем обречь его на медленное гниение в тюрьме в течение многих лет. В конце концов, считаю, что Кайдер не должен страдать только из-за того, что ему не удалось осуществить свои намерения, не так ли? Что вы думаете по этому поводу?

– Кто, я? Абсолютно с вами согласен! Абсолютно! – воскликнул Сэм и недоверчиво добавил: – Вы хотите предстать в качестве свидетеля защиты?

– Нет, лучше какой-нибудь способ полегче.

– Вы можете дать клятву, – предложил адвокат, охваченный любопытной смесью сомнений, подозрений и надежды.

– Годится, Сэм. Где это можно сделать?

Глауштрауб схватил шляпу, водрузил ее на голову, вновь стал искать на столе очки, удостоверился, что они на носу, и потащил за собой посетителя в кабинет двумя этажами ниже.

В кабинете находились четверо довольно толстых людей. С их помощью он составил документ, который Рейвен внимательно прочел и подписал.

– Держи, старина Сэм!

– Это очень благородно с вашей стороны, мистер Рейвен! – Его рука прямо ласкала документ, глаза блестели, а в голове уже складывалась картина суда и тот театральный удар, который он нанесет, когда придет черед защиты. И наступившее затем молчание.

Эта была редкая для него возможность блеснуть. Глауштрауб был просто счастлив.

– Чрезвычайно благородно, должен вам сказать. Мой клиент должным образом оценит ваш жест.

– Именно этого я и хочу, – загадочно ответил Рейвен.

– Можете быть уверены... – Голос Сэма даже прервался от волнения, когда вдруг он осознал, что этот театральный удар может иметь очень хорошую цену. – Простите?

Рейвен объяснил:

– Я хочу, чтобы ваш клиент оценил мой жест. Хочу, чтобы он думал обо мне как о Дедушке Морозе, понятно? Когда банда идиотов начнет бороться друг с другом, нет ничего лучшего, чем благодарность, которая породит разлад в их рядах.

– А-а, да? – Сэм почувствовал, что сегодня утром он ничего не понимает. Он даже подергал себя за уши и ощупал свою голову.

– В этот раз они у вас в руках, – сказал Рейвен и исчез.

Глава 16

Рейвен уже на подходе к дому почувствовал, насколько веет от него миром и покоем. Лайна была дома. Он это знал так же точно, как и она, что он пришел. «Ваша женщина», как осуждающе сказал Торстерн. Между тем их сообщество, хотя и довольно условное, было глубоко нравственным. В других местах и среди других народов уровень падения нравственности был значительно выше.

Остановившись возле ворот, он осмотрел свежую яму рядом с участком.

Подойдя к главному входу, он при помощи телекинеза открыл замок так же, как Чарлз это сделал в замке. Дверь открылась внутрь. Лайна ожидала его в гостиной, сидя в кресле и скрестив длинные руки на груди. Глаза ее сияли от радости.

– Извини, я немного задержался.

Ни поцелуя, ни нежностей. Это были самые ласковые слова, которые он себе позволил.

– Я задержался, чтобы помочь Кайдеру. Перед отлетом я оставил его в надежном месте, но сейчас вижу, что это было излишне. Ситуация очень изменилась.

– В своей основе жизнь никогда не меняется.

– Второстепенные вещи меняются. Я не имел в виду что-нибудь серьезное.

– Серьезные вещи и есть самые важные.

– Ты права, звездные глаза, но я не могу согласиться с тем, что не следует обращать внимания на второстепенные вещи. Мы не хотим, чтобы они попали в лапы денебов... или чтобы уничтожили сами себя.

– Зло за зло. Это был бы наилучший выход... огорчительный, но не разрушительный. Денебы ничего не узнали бы.

– Они никогда не станут более сообразительными, чем сейчас.

– Возможно, – согласилась она. – Но ты посеял семена запрещенной мудрости. Рано или поздно ты будешь вынужден вырвать их с корнем.

– Это что, женская интуиция? – Улыбка тронула его губы. – Мэвис придерживается того же мнения.

– И она права.

– Когда придет время, семена можно будет очистить, не так ли? Ты ведь хорошо это знаешь.

– Конечно. Когда ты будешь готов, я буду вместе с тобой. Куда отправишься ты, туда и я. Однако твое нынешнее вмешательство было некстати и очень опасным.

– Иногда необходимо рисковать. Война уже окончилась. Теоретически человечество сейчас имеет все возможности, чтобы сконцентрироваться на достижении отдаленных целей.

– А почему «теоретически»?

Его лицо стало серьезным:

– Есть небольшая вероятность, что они упустят эту возможность и втянутся в другой конфликт.

– Понимаю, – сказала Лайна и отошла к окну. – Дэвид, если еще возникнет подобный случай, ты опять вмешаешься?

– Нет. Гарантирую, что нет. Новая война будет направлена против нас подобных или тех, кто считает себя таковыми. Поэтому для меня там места нет. Я буду уничтожен без предупреждения.

Подойдя к ней, он обнял ее за талию и сказал:

– Возможно, они и с тобой так же будут обращаться. Тебя это волнует?

– Вовсе нет! Это ведь еще неизвестно.

– Во всяком случае, надеюсь, что этого не произойдет. – И неожиданно, переменив тему: – А когда ты купишь селезня?

– Селезня?

– Для того озера, которое ты собираешься соорудить, – сказал он, указав на котлован. И не ожидая ответа, спросил: – Что случилось?

– В пятницу вечером я вернулась из города. Когда я открывала дверь, то почувствовала что-то неладное в замке.

– И что это было?

– Маленькая сфера с бусинку и белой точкой на ней. Она была так установлена, что ключ, вставляемый в замок, непременно касался белой точки. Поэтому я при помощи телекинеза извлекла сферу и бросила на белую точку камешек. Весь дом закачался.

– Какой-то «микроинженер», который выполнил рискованную работу, – невозмутимо прокомментировал Рейвен. – Если бы эта акция дала запланированный результат, наверняка самой удивленной оказалась бы ты, не так ли?

– Возможно, еще один человек, – поправила она. – Ты!

Эта ночь была очень ясной, все небо было усеяно звездами. Невооруженным глазом были видны кратеры на Луне. От горизонта до горизонта небо напоминало бархатный занавес, усыпанный алмазами. Рейвен сидел, а вернее, лежал, в шезлонге, закрыв глаза, время от времени вновь их открывая и глядя на эту потрясающей красоты картину. Рядом, в таком же кресле, лежала Лайна и занималась тем же.

Днем они также занимались этим, но периодически и не с такой концентрацией, больше обращая внимание на этот мир, а не на другие. Каждый мешал одиночеству другого. Кроме того, каждый по-разному оценивал «увиденное» и «услышанное».

На Земле и далеко-далеко за ее пределами всегда происходили тысячи разных событий. И никогда они не повторялись. Это была задача вечного наблюдателя за действиями врага. Многие участвовали в этой работе, всегда готовые в нужный момент поднять тревогу. Чарлз и Мэвис – на Венере, Хорст и Карина – на Марсе и многие тысячи других пар на других мирах.

Подумав о Марсе, Дэвид заметил розовый луч в нижней части небосклона и позвал:

«Хорст! Хорст!»

Через некоторое время пришел ответ, приглушенный атмосферой Земли.

«Знаешь, что сейчас делают твои повстанцы?»

«Большая часть поглощена дискуссией друг с другом, Дэвид. Разбились на несколько групп. Одни хотят продолжать войну против Земли, другие возмущаются предательством Венеры и хотят отомстить ей. Еще одна группа настроена очень агрессивно против мутантов. Однако большинство недоволено всем и готово прервать все связи».

«В таком случае они переживают период хронической нерешительности?»

«Примерно это состояние!»

«Спасибо, Хорст. Привет Карине».

Затем он переключился на другое направление:

«Чарлз! Чарлз!»

На этот раз ответ пришел быстрее и был более живым.

«Да, Дэвид?»

«Есть что-нибудь новенькое?»

«Вчера Торстерн отправился на Землю».

«А по какой причине?»

«Не знаю, но могу представить. Он надеется извлечь из всего этого какую-то выгоду».

«Это очевидно. Ладно, я прослежу за ним, когда он сюда прибудет. Потом я тебе расскажу, что смогу узнать».

«Сделай это, не забудь. Ты уже знаешь о Волленкоте?»

«Да, знаю. Ничего хорошего».

«Это плохо, – ответил Чарлз. – Волленкот мог быть где-нибудь спрятан и оставлен умирать медленной смертью. К счастью, так не случилось, но это чистое везение. – На какое-то мгновение он замолчал, а затем продолжил: – А здесь, похоже, организация распадается, но ее ядро сохранено и может быть восстановлено в любой момент. Пока мне рано успокаиваться».

«И я знаю почему».

«И почему же?»

«Мэвис не устает тебе напоминать, что ты ошибся».

«Точно, – грустно согласился Чарлз. – Мы договорились о том, что мы не договоримся».

«Мы тоже. Если судить обо мне по ее мнению, то я представляю собой что-то вроде молодого преступника».

«Но если главный наш секрет находится под надежной защитой, то почему наши женщины так нервничают?»

«Потому, парень, что они смотрят на эти миры по-женски, вернее, по-матерински. И когда мы с тобой летим черт знает куда, они ужасно нервничают и терпеть этого не могут».

«Пожалуй, ты прав. – Неожиданно Чарлз спросил с известной долей сарказма: – Слушай, а тебе-то откуда все это известно?»

«Ну, у меня все-таки есть воображение! – ответил Дэвид. – Ладно, пока, Чарлз!»

В ответ пришел слабо различимый сигнал. Дэвид посмотрел на Лайну. Она сидела в своем кресле, с закрытыми глазами и с лицом, обращенным к звездам. Некоторое время он с нежностью наблюдал за ней, причем эта нежность не имела ничего общего с обычными земными чувствами.

Она не осознавала, что за ней наблюдают. Ее мысли находились где-то далеко, в другом месте космического пространства. Рейвен последовал ее примеру, прислушиваясь к звездным посланиям, ослабленным расстоянием и земной атмосферой.

«Они патрулируют все пространство вокруг Блуфайра, этого гиганта в стадии перехода в газообразное состояние Двадцать черных кораблей типа эсминца...»

«...к сожалению, полное отсутствие точек соприкосновения сделало невозможным общение с этими бродягами. Мы даже не можем дать им сигнал, что хотим с ними поговорить, а уж тем более предупредить их. Если денебы придут и начнут враждебно к ним относиться, то мы будем вынуждены принять соответствующие меры...»

«Говорит Таис. Я обнаружил нужного нам типа. Он только сейчас улетел. У него очень быстрое мышление. Он сказал: „Я готов“.

«Хотя бендры обладают исключительными способностями, они находятся на очень низкой социальной ступени. Они воспринимают нас очень упрощенно, называют „сияющими“ и просто обожают. А это довольно утомительно».

«Мы прошли незамеченными мимо Жулцердина и обнаружили, что денебы строят в своей временной зоне огромное кристаллическое сооружение».

«...бедные дикари, они выбрали нас для ежегодного жертвоприношения Близнецам-Солнцам. Неудачное стечение обстоятельств, что они из всего племени выбрали именно нас. Остается совсем немного! Лучше будет, если кто-нибудь заменит нас, как только мы улетим».

Последнее послание болью отозвалось в мозгу Рейвена. Бедные дикари. Все контролируемые миры находились под властью подобных существ. Звезды сверкают, но мир вокруг них погружен в бездонную черную темноту.

В течение трех последующих недель он внимательно следил за новостями, распространяемыми по радио и спектроэкрану. Неистребимая любовь к секретам, свойственная всем бюрократам, вновь проявляла себя во всем блеске. Для авторитарного мышления само собой разумеется, что важные новости не следует распространять... в интересах самой публики.

Рейвен спокойно анализировал все новости и идеи, отбирая схожие для более глубокого и детального изучения в комплексе.

В конце третьей недели трехмерный цветной спектроэкран вновь начал передавать душещипательный сериал в двадцати четырех частях. Это был один из тех набивших оскомину сериалов, в котором главный герой-телепат долго и страстно изучает мозг героини-мутанта и находит его чистым и высоконравственным. Отрицательный герой был представлен в лице мутанта, разговаривающего с насекомыми. В конце сериала его обязательно уничтожат, добродетель восторжествует. Дэвид с досадой вздохнул и отправился искать Кайдера.

Человек, который его встретил в дверях, был похож на боксера, уже закончившего выступления на ринге. Нос у него был деформирован, уши порваны. Одет он был в серую рубашку.

– Кайдер дома?

– Не знаю, – соврал незнакомец. – Сейчас посмотрю. – Его маленькие глубоко посаженные глазки внимательно изучали Рейвена. – О ком мне доложить?

– Дэвид Рейвен.

Имя ему ничего не говорило. Пока он шел докладывать, оно без конца повторялось в его мозгу, будто он боялся его забыть. Наконец он вернулся.

– Мистер Кайдер примет вас.

Ковыляя на своих кривых ногах, он проводил Рейвена в глубину дома и хриплым голосом объявил:

– Мистер Рейвен.

Затем исчез.

Это была обычная комната, с обычным набором мебели, с обычным письменным столом. Но коробочки исчезли Кайдер встал и почти неохотно предложил Рейвену стул.

Рейвен сел, вытянул ноги и улыбнулся.

– Итак, Сэм добился своего. Всегда существует шанс.

– Дело свелось к уплате издержек Я потерял на этом сотню монет, но считаю, еще дешево отделался. – Он поморщился и добавил: – Старый дурак на кафедре считал нужным предупредить меня, что даже вы не смогли бы меня спасти, если бы я воспользовался открытыми каналами во второй раз.

– Возможно, он сделал это, чтобы придать делу больший драматизм. Однако все хорошо, что хорошо кончается.

– Это точно. – Наклонившись вперед, Кайдер выжидающе посмотрел на Рейвена. – А сейчас вы пришли получить должок?

– Проницательное замечание, хотя и выраженное в грубой форме. Скажем так: я пришел, чтобы кое-что выудить у вас.

– Сколько? – Кайдер с готовностью открыл ящик стола.

– Деньги? – недоуменно поднял брови Рейвен и с выражением страдания на лице посмотрел в потолок. – Он говорит о деньгах, вы только подумайте!

Кайдер с силой задвинул ящик.

– Послушайте! Я хотел бы узнать, почему вы сначала загнали меня в ловушку, а потом сами же из нее вытащили?

– Разные ситуации.

– В каком смысле?

– Тогда вы представляли для меня угрозу и лучше было убрать вас с дороги. Теперь же проблемы почти закончились и отпала необходимость держать вас под замком.

– Итак, вы уже в курсе, что война прекратилась?

– Да. Вы получили приказы на этот счет?

– Получил, – с некоторой горечью ответил Кайдер. – И мне это совсем не нравится. – Он бессильно развел руками. – Я искренен с вами. У меня нет альтернативы, так как вы всегда сможете прочесть мои мысли. Вскоре все движение прекратит свое существование.

– Это уже неплохо. Вы боролись за собственное правительство, если только тайную диктатуру одного человека можно назвать собственным правительством.

– Волленкоту самой судьбой предназначено править, но у него не хватило храбрости стать диктатором.

– Он не нуждался в храбрости. Все, что было необходимо, обеспечивалось Торстерном.

Кайдер удивленно поднял брови:

– А при чем здесь Торстерн?

– Вы знаете его?

– Он известен всем жителям Венеры как один из семи самых великих людей планеты.

– Самый великий, – поправил Рейвен. – Он настолько велик, что думает о Венере как о своей вотчине. Именно он владел душой и телом Волленкота, пока не «отпустил его на волю».

– «Отпустил его на волю»? Что вы хотите этим сказать?..

Мозг Кайдера лихорадочно работал – «насекомовед» пытался хоть что-нибудь понять. Затем Кайдер выпрямился и пробормотал:

– Возможно. Лично я не знаком с Торстерном. У него репутация жесткого и амбициозного человека. Если Волленкотом кто-нибудь управлял, то Торстерн – наиболее подходящий для этого человек. – Кайдер опять поморщился. – Я никогда не подозревал его. Он всегда был в тени.

– Вот именно.

– Торстерн! О господи! – Кайдер посмотрел Рейвену прямо в глаза. – Почему же он избавился от Волленкота?

– Удалось убедить Торстерна прекратить систематическое кровопускание Земле и заняться более легальными делами. При таком раскладе Волленкот моментально становился обузой. А у Торстерна своеобразная манера избавляться от тех, кто ему мешает.

– Я с трудом в это верю, – в голосе Кайдера чувствовалась определенная обида. – Но, очевидно, это так. Похоже, что действительно именно так все и произошло.

– Ваш мозг сообщает мне еще кое-что. Например, что вся организация раздробилась на маленькие группы и вы боитесь, что одна из них пойдет на союз с властями, чтобы устранить соперников. Вы считаете, что сейчас слишком многие люди владеют излишней информацией.

– Мне это не грозит, – ответил Кайдер. – Игра в фаворитизм с властями – это улица с двухсторонним движением. На моей совести гораздо меньше грехов, чем у некоторых...

– А гипнотик Стин на вашей совести?

– Стин? – Кайдер откинулся назад. – Нет, я его не трогал. Через несколько дней после вашего старта на «Призраке» он сел в корабль под названием «Звездное небо». Если вы помните, в то время у меня хватало забот.

Рейвен кивнул без всякого сочувствия.

– Да, помню.

– Таким образом, я о нем больше ничего не знаю.

– Умер... очень мучительно.

– Так же, как Галлер, – очень живо отреагировал Кайдер.

– Ошибаетесь по двум причинам. Галлер отправился в мир иной в общем-то по своей – воле. А кроме того, его смерть была быстрой.

– А какая разница? Они оба мертвы.

– Разница заключается не в конечном результате, а в скорости его достижения. Однажды вы выразили страстное желание сделать из меня скелет. Если бы вам удалось совершить это достаточно быстро, я мог бы умереть с улыбкой на устах. Но если бы процесс затянулся, то я бы чувствовал себя оскорбленным.

Широко раскрыв глаза, Кайдер воскликнул:

– Это самое глупое объяснение, которое я когда-нибудь слышал!

– Это глупая тройственность миров, в которых мы живем, – парировал Рейвен.

– Я знаю, но...

– Кроме того, вы не выслушали и половины. Я пришел к вам не для того, чтобы просто поболтать.

– Вы уже сказали об этом. Вам нужны не деньги, а что-то другое.

– Я сделал вам одолжение. Теперь настал ваш черед.

– Вот тебе и на. Что еще за одолжение? – Кайдер смотрел на Рейвена с подозрением.

– Я хочу, чтобы вы убили Торстерна, если возникнет такая необходимость.

– Ах, вы хотите? Послушайте, вы спасли меня от чего-то, я сам не знаю от чего. Я получил бы максимум семь лет тюрьмы. Возможно, мне удалось бы сократить этот срок до шести месяцев. В таком случае, вы помогли мне избежать шести месяцев заключения. Вы считаете, что это стоит преступления?

– Вы меня не поняли. Я сказал: если возникнет необходимость. В этом случае речь будет идти не о преступлении, а о суммарном наказании.

– А кто решит, что этот момент настал? – резко спросил Кайдер.

– Вы сами.

– Если вы полагаетесь в этом вопросе на меня, я никогда не приду к подобному решению.

– Несколько недель назад вы не показались мне таким щепетильным...

– У меня было достаточно неприятностей. Сейчас я займусь своим бизнесом и буду вести себя примерно, если меня оставят в покое. Более того, хотя власти называют меня землянином, я – венерианин и не собираюсь убивать моего земляка, чтобы отблагодарить землянина. Вы слишком много просите.

– Я прошу очень мало. Если бы вы все знали...

– Это уж слишком! – повторил Кайдер. – Когда вам случается кого-нибудь убить, вы не прибегаете к посторонней помощи. Почему же сейчас вы сами не сделаете эту грязную работу?

– Закономерный вопрос. На это есть две очень уважительные причины.

– Неужели?

– С одной стороны, я и так привлек к себе слишком много внимания, и у меня нет никакого желания привлекать еще больше. С другой стороны, если возникнет необходимость убрать Торстерна, первым признаком такой необходимости явится мой отлет из этой долины слез...

– Вы хотите сказать?..

– Что я буду мертв.

– Знаете, о чем я сейчас думаю? Если вы умрете, то не могу сказать, что буду счастлив. Но и грустить также не буду.

– Вы пожалеете! – возразил Рейвен.

– Можно узнать почему?

– Потому что следующий на очереди будете вы.

– Следующий? В какой очереди?

– Покинуть этот мир.

Встав, Кайдер оперся о стол, лицо его приняло суровое и напряженное выражение.

– Что за зловещие намеки? Кто меня уничтожит? Кому это нужно? Учитывая, что мы с вами находимся по разные стороны баррикады, почему я должен последовать вслед за вами?

Посоветовав Кайдеру сесть и подождать, пока он несколько успокоится, Рейвен сообщил:

– С точки зрения толпы, у нас есть общее: ни один из нас не является нормальным человеком!

– И что из этого?

– Простые смертные смотрят на мутантов неодобрительно. Нельзя сказать, что они их любят.

– Мне не нужна их любовь. Я уже привык к подобному отношению. – Пожав плечами, он добавил: – Они просто завидуют, что природа нас облагодетельствовала.

– Кроме того, это инстинктивная осторожность, близкая к страху. Это естественная и неистребимая защитная реакция. Страх, сознательно спровоцированный в толпе, управляемый и направляемый, может иметь непредсказуемые последствия.

– Хотя я и не могу читать мысли других, но не настолько глуп, чтобы не понять, куда вы клоните. Вы считаете, что Торстерн может попытаться вернуть себе власть, несколько другую, но вполне приемлемую, спровоцировав крестовый поход против мутантов?

– Еще как может. Для реализации своих планов он пользовался способностями мутантов вроде вас. Сейчас он может рассматривать все с другой точки зрения: эти же способности нарушили его планы, лишили его победы и даже подвергли угрозе его жизнь. Будучи обычным человеком, он может прийти к мысли, что добьется своих целей гораздо быстрее, если его союзниками будут такие же, как он, простые смертные.

– Все это чистой воды умозрительные построения, – возразил Кайдер, проявляя все же признаки беспокойства.

– Только это, и ничего больше, – согласился Рейвен. – Может быть, ничего и не произойдет. Движение Торстерна может принять вполне безобидную форму. В этом случае нет причины предпринимать что-либо против него.

– Если он попытается это сделать, то рискует многим. Хотя мутантов не так уж много, но все вместе, сплоченные опасностью...

– Вы сейчас думаете так же, как и вначале. Однако я уже переменяю точку зрения, – ответил Рейвен.

– То есть?!

– Торстерну пятьдесят восемь лет. Сейчас многие люди живут до ста и более лет, сохраняя свои способности до девяноста. У него есть время, чтобы спокойно все взвесить и достичь того же результата менее энергичными мерами.

– А вы не можете выразиться более ясно? – подмигнул Кайдер.

– Очень давно, – начал Рейвен, – какой-то мудрец утверждал, что наиболее эффективный способ добиться победы состоит не в том, чтобы сражаться с противником, а в том, чтобы умело столкнуть между собой его союзников.

Казалось, это заявление шокировало Кайдера.

– Измените свой образ мышления. Идите от общего к частному. Не существует так называемого стандартного мутанта. Это слово охватывает всех людей, обладающих талантами, которых лишены простые смертные. Но готов побиться об заклад, что вы, например, считаете себя и всех «насекомоведов» элитой среди мутантов.

– Так же, как и телепаты! – заметил Кайдер.

– Хорошо вы меня поддели, ну да ладно. Главное состоит в том, что каждый тип мутантов считает себя выше других. Каждый из них такой же подозрительный и завистливый, как и обыкновенный человек.

– Ну и что дальше?

– Подобное душевное состояние может быть ловко использовано. Мутантов могут столкнуть между собой. Помните об одном, мой друг: высшие власти и высший интеллект не всегда одно и то же.

– Да уж, я это знаю.

– Есть телепаты с настолько острой чувствительностью, что могут перехватывать мысли даже за линией горизонта. Но есть и настолько примитивные, что для них составляет трудность соединить в одно слово отдельно прочитанные буквы. Мутанты являются человеческими существами со всеми ошибками и пороками, присущими

человечеству. Наш приятель Торстерн, будучи от природы прекрасным психологом, не упустит такой ситуации, из которой можно извлечь выгоду.

К этому моменту Кайдер уже разобрался что к чему, и согласился с реальностью надвигающейся угрозы.

– Если он решится на это, то с чего начнет, как вы думаете?

– Вначале он попытается заручиться поддержкой Керати, Всемирного Совета, наиболее влиятельных людей всех трех планет. Следующим шагом будет сбор и систематизация всех имеющихся данных о мутантах. Причем в ход пойдут все источники информации. Затем он выберет одного из нас на роль положительного героя, а другого – на роль злодея.

– А зачем?

– Скажем, он решит, что лучше всего убедить «пиротехников» уничтожить «насекомоведов». Причем провернуть это таким образом, как будто жертва какими-то неблагоприятными поступками спровоцировала «пиротехников» на столь жестокие действия. Это усилит подсознательное предубеждение против них. Каждый раз их будут изображать все более отталкивающими. В конце концов большая часть населения, включая и других мутантов, начнет считать «насекомоведов» исчадием ада.

– Черт с ними со всеми, – отреагировал Кайдер.

– Одновременно с этими действиями будет внушаться мысль, что «насекомоведы» ненавидят «пиротехников» из-за их способностей. Время от времени публике будет внушаться, что хорошо бы иметь «пиротехников» вокруг нас для контроля.

– О черт! – Кайдер даже покраснел от негодования.

– В нужный момент в защиту «насекомоведов» будет широко распространено официальное заявление, призывающее к единству и терпимости, а также авторитетно опровергающее «абсурдный» слух о том, что дрессированные букашки якобы задумали при помощи «предателей-насекомоведов» завладеть всеми тремя планетами. Эффект будет огромный. Публика, включая и других мутантов, немедленно решит, что нет дыма без огня.

– Им не проглотить всю эту ложь, – запротестовал Кайдер, хотя в душе он вовсе не был в этом уверен.

– Публика проглотит все, что ей подсунут, даже самое невероятное, если на всем будет стоять печать официальности... И что последует потом?

– Вам лучше знать.

– Достаточно будет малейшего толчка, чтобы спровоцировать взрыв. – Рейвен задумался, представляя возможную ситуацию. – Например, в горах Зубья Пилы «найдут» скелет и разстреляют об этом факте гораздо больше, чем он того заслуживает. Повсюду пойдет гулять слух, что какой-то бедный «пиротехник» был «обглодан» подопечными мошками преступника – «насекомоведа». История обрастет фантастическими и невероятными подробностями, что еще больше накалит обстановку. Какой-нибудь беглый террорист поднимет бунт, когда полиция, по странному стечению обстоятельств, будет находиться в другом месте и занята другим делом. Новость об этом моментально разлетится по городам и весям, дав повод для новых разговоров.

Наклонившись вперед, Рейвен пристально посмотрел на Кайдера.

– Естественно, вы и вам подобные попытаются бежать, спасая свою жизнь, преследуемые толпой во главе с другими мутантами, и в первую очередь «пиротехниками», жаждущими расквитаться с вами.

– А в это время Торстерн будет улыбаться и потирать от удовольствия руки, – предположил Кайдер, показывая свои большие зубы.

– Вы уже уловили идею, приятель. При помощи трусливого человечества ваш вид будет уничтожен. Затем последует хорошо рассчитанный период мира и спокойствия, пока пропагандистские службы не начнут кампанию против новых жертв, например «микроинженеров».

– Он этого никогда не сделает, – сказал Кайдер.

– Возможно, не сделает, но может, и наоборот. Вы смотрели последний сериал по спектроэкрану?

– Нет. Есть гораздо лучшие способы провести время.

– В таком случае вы пропустили кое-что серьезное. Речь шла о мутантах.

– Это еще ни о чем не говорит. Они и раньше демонстрировали фильмы, где мутанты были главными действующими лицами.

– Да, конечно. Эта история может не иметь никакого значения, но может и положить начало кампании, которая закончится исчезновением последнего Тиз нас. – Помолчав немного, Рейвен добавил: – Положительный герой был телепат, а злодей – «насекомовед».

– Ему никогда не удастся осуществить свои планы, – почти закричал Кайдер. – Прежде я его уничтожу!

– Именно об этом я вас и просил. Я пришел к вам, потому что вы – мой должник, а кроме того, лучше вас это сделать никто не сможет. Пусть пока Торстерн живет, но необходимо внимательно контролировать его действия. И если он во второй раз попробует разобщить человечество...

– Дни его будут сочтены, – пообещал Кайдер с дикой одержимостью. – Я не оставлю ему даже шанса. И сделаю я это не ради вас. Я всего лишь защищу себя. И угрызений совести при этом испытывать не буду. У меня ощущение, что очень скоро вам понадобится защита. Какие меры вы предпримете?

Рейвен встал и ответил:

– Никаких.

– Никаких? – Густые брови Кайдера изогнулись дугой от удивления. – Почему?

– Возможно, в отличие от вас я не могу предпринять каких-либо мер для собственной защиты. Или, может быть, мне нравится перспектива стать мучеником...

– Если это какая-то уловка с вашей стороны, то я не могу ее понять. Но если это не так, вы просто ненормальный! – Кайдер озабоченно смотрел вслед уходящему Рейвену.

Глава 17

Дома Рейвен растянулся в пневмокресле и сказал Лайне:

– Будет еще много событий. Но это нас не касается. Пусть земляне сами разбираются. Ты счастлива?

– Я была бы гораздо счастливее, если бы так было с самого начала, – сурово ответила Лайна.

– У них есть право на маленькую частицу судьбы, как ты считаешь? – вопросительно посмотрел на нее Рейвен.

Лайна покорно вздохнула:

– Беда мужчин в том, что они не меняются. Они всегда остаются безнадежными романтиками. – Ее большие глаза в упор посмотрели на Дэвида. – Ты прекрасно знаешь, что эти несчастные двуногие имеют право на нашу защиту только в случае нападения денебов.

– Думай как хочешь, – ответил Рейвен, не желая спорить.

– Скажу больше, – продолжала она. – Пока ты занимался этой ерундой, я внимательно слушала космос. Двенадцать черных кораблей замечены в районе Беги.

Рейвен моментально напрягся.

– Вега?! Никогда раньше они не были так близко.

– Они могут и сюда прилететь. Но могут и изменить направление и в течение десяти тысяч лет их не будет видно в этом секторе Галактики. Это неподходящее время, чтобы так глупо рисковать.

– Тактическая ошибка не влияет на конечный результат, если ее вовремя исправить. Ладно, послушаю космос.

Рейвен устроился поудобнее, «открыл» мозг и попробовал уловить новости, касающиеся Веги. Сделать это было довольно сложно.

«Трехногие прыгуны с Ремиса бежали в болота и отказываются подтвердить контакт с денебами. Последние считают, что эта цивилизация не заслуживает внимания, и готовы к отбытию».

«...воздействовали на мозг командира корабля и повернули всю армаду по направлению к Зебеламу, ближайшей звезде в секторе пятьдесят один Чезема. Они продолжают полет в полной уверенности, что находятся на правильном маршруте».

«Я попросил его об этом. Он так растерялся, что, не подумав, грубо отверг предложение. Когда он наконец все понял, шанс был упущен. А сейчас я вынужден ожидать другую возможность».

«Несчастливые обитатели Балтенстайла никогда еще не были так перепуганы, как в тот момент, когда из темноты вдруг появился крейсерский корабль и осветил их своими лучами. Хватило тысячной доли единицы времени денебов, чтобы понять, что речь идет о простой железяке, пилотируемой дикарями. Поэтому они позволили продолжать путь и не тронули их».

«...двенадцать кораблей веером движутся по направлению к Веге, бело-голубой звезде в секторе сто девяносто один возле Лонг-Спрея».

Рейвен сел и посмотрел на ночное небо. Лонг-Спрей сиял в зените как в прозрачной вуали. Земляне называют его Млечный Путь. Если денегам позволить следовать своим желаниям, то они становятся непредсказуемыми.

...Финал, предсказанный Лайной, наступил через три недели. По радио и на спектроэкране по различным программам были представлены пьеса и сериалы с мутантами в главных ролях. Причем роли героев и героинь, а также злодеев были распределены абсолютно беспристрастно.

Где-то там, в бескрайних просторах космоса, двенадцать черных кораблей приближались к восьми беззаботным планетам меньшей из двойных систем. Временно, по крайней мере, опасность для Веги миновала.

Солнце утром было ярким и горячим. Небо – ослепительно голубым и чистым, за исключением небольшого облачка. «Призрак» вновь отправлялся на Венеру.

Первым признаком того, что ошибки нужно исправлять и что прошлое, помимо нашего желания, напоминает о себе, был четырехместный вертолет. Он прилетел с запада и приземлился возле котлована, который уже сильно зарос травой. Из вертолета кто-то вышел.

Лайна позволила ему войти в дом. Это был молодой, хорошо сложенный человек с открытыми и живыми чертами лица. С точки зрения тех, кто его послал, он как нельзя лучше подходил для выполнения особой миссии. Он был безоружен и внушал доверие.

– Меня зовут Грант. Майор Ломакс из разведслужбы Земли хотел бы поговорить с вами как можно быстрее.

– Это так срочно? – спросил Рейвен.

– Думаю, что да, сэр. Он дал мне инструкции взять вас и вашу спутницу на борт, если вы будете готовы немедленно отбыть.

– О! Итак, он желает видеть нас обоих?

– Да, именно так.

– Вам известна причина вызова?

– Боюсь, что нет, сэр, – Грант был искренен.

Рейвен вопросительно посмотрел на Лайну:

– Лучше покончить со всем этим сразу. Ты как?

– Я готова. – Ее голос был тихий, глаза сверкали, пока она изучала посетителя.

«Она видит меня насквозь, видит то, что я скрываю от самого себя. Я бы хотел, чтобы она так не делала. Я бы хотел уметь смотреть так же. Она большая и приводит меня в смущение, но очень красивая».

Улыбаясь, Лайна сказала:

– Я возьму жакет и соберу вещи. Тогда мы сможем отправиться.

После ее возвращения они направились к вертолету. Машина плавно поднялась и взяла курс на запад. Лайна изучала открывшийся внизу пейзаж. Рейвен закрыл глаза и

настраивался на их особую телепатическую волну.

«Дэвид! Дэвид!»

«Слушаю тебя, Чарлз».

«Они забрали нас».

«Нас также, Чарлз».

Вертолет стал снижаться, направляясь к одинокому зданию, стоящему на всех ветрах.

Коснувшись земли, аппарат некоторое время содрогался и наконец затих. Грант вышел и помог спуститься Лайне. Затем все направились к бронированной двери главного входа. Грант нажал кнопку на бетонной панели сбоку от двери. Дверь немного отворилась, и стало ясно, что за ними кто-то наблюдает.

За дверью послышался мягкий звук работающего механизма, который открывал огромные засовы.

– Это место словно крепость, – наивно прокомментировал Грант.

Дверь открылась. Приглашенная пара вошла, а Грант пошел к вертолету.

Повернувшись к входу, Рейвен бросил вслед Гранту:

– Мне лично это напоминает крематорий.

Грант остановился как вкопанный, посмотрел на дверь, бетон, стены без окон и вздрогнул:

– Это уж слишком! Что за нехорошие мысли!

Нехотя он забрался в вертолет, заметив, что стало намного прохладнее.

За дверью тянулся длинный коридор, из глубины которого донесся приглушенный голос:

– Пожалуйста, идите прямо. Вы найдете меня в дальней комнате. Я приношу извинения, что не встретил вас лично, но знаю, что вы меня простите.

За длинным и низким письменным столом в кресле сидел майор Ломакс. Это был худощавый человек лет тридцати.

Указав на двухместную резиновую скамью, единственную в комнате, Ломакс сказал:

– Пожалуйста, садитесь. Благодарю вас, что вы прибыли так быстро. – Его голубые глаза переходили с Рейвена на Лайну и обратно. – Я приношу вам извинения, что не встретил вас при входе. Мне очень трудно стоять, а тем более двигаться.

– Очень вам сочувствую, – дружелюбно сказала Лайна.

Было очень трудно понять его реакцию. Ломакс оказался классическим телепатом с очень эффективной защитой. Его мозг был закрыт настолько надежно, насколько это можно было представить. Несмотря на это, они смогли бы одновременным воздействием пробить защиту, если бы захотели, но с обоюдного молчаливого согласия не стали этого делать.

Положив перед собой стопку отпечатанных материалов, Ломакс продолжил тем же

холодным и бесстрастным тоном:

– Я не знаю, есть ли у вас предположения по поводу цели нашей беседы или нет, я не могу даже сказать, что бы вы могли предпринять для предотвращения событий. Но прежде чем начать, я хочу, чтобы вы знали, что моя роль в этом деле определена вот здесь. – Он поворошил бумаги... – Все расписано до мелочей, и мне остается только строго следовать написанному.

– Однако говорите вы со знанием дела, – сказал Рей-вен. – Ну да ладно, продолжайте.

Видимой реакции на его слова не последовало. Взяв сверху первый лист, Ломакс заговорил:

– Вначале я должен передать личное послание мистера Карсона, руководителя службы разведки Земли. Должен сказать, что он был категорически против, когда узнал о готовящейся беседе. Но переубедить не смог. Он хочет, чтобы я передал вам самые сердечные приветствия и заверил, что, несмотря ни на что, он всегда вас будет ценить очень высоко.

– О господи! – воскликнул Рейвен. – С каждым разом все хуже!

Ломакс не обратил на реплику никакого внимания.

– Эта беседа документально не будет зафиксирована. Но есть весомая причина записать ее на пленку в интересах самих же организаторов.

Отложив в сторону первый листок, Ломакс, как робот, начал читать следующий.

– Важно, чтобы вы знали, почему выбор пал именно на меня. Я являюсь сотрудником Секретной службы Земли, телепатом, способным скрыть свои мысли. Не менее важно то обстоятельство, что я инвалид.

Подняв глаза, он встретился взглядом с Лайной. Как многим другим, ему становилось не по себе, когда на него смотрели так пристально. Поэтому Ломакс поспешно продолжил:

– Я не буду вам докучать излишними деталями. Если коротко, то я попал в катастрофу и был тяжело ранен. Для моего спасения было сделано все возможное, но дни мои сочтены. Ожидание смерти стало таким мучительным, что я буду счастлив, когда все это закончится. – Его голубые глаза смотрели на них вызывающе. – Я прошу вас помнить, что я человек, который будет счастлив умереть. Следовательно, меня не пугает угроза смерти.

– Нас тоже, – мягко заверил Рейвен.

Эти слова несколько выбили Ломакса из равновесия. Чтобы скрыть удивление, он уставился в бумаги.

– Кроме того, хотя я и не боюсь смерти, но, если моему существованию будет что-нибудь угрожать, я буду вынужден реагировать. Я прошел специальный курс защиты мозга, вследствие чего в моем мозгу создана абсолютно реактивная цепь. Она не является частью моего мыслительного процесса, не может быть перехвачена или проконтролирована при помощи любого зондирования. Благодаря этому при необходимости я буду действовать не думая, инстинктивно, результатом этих действий будет немедленное уничтожение всех нас троих.

Рейвен нахмурил брови и прокомментировал:

– За всем этим стоит смертельно напуганный человек.

Не обращая внимания на замечание, Ломакс решительно продолжил:

– Я еще сам не знаю, что сделаю. Это будет известно в нужный момент. Таким образом, вы ничего не выиграете, если совместными усилиями попытаетесь разрушить мою мозговую защиту в поисках того, чего там нет. Ничего не даст вам попытка загипнотизировать меня или подчинить своему контролю при помощи других паранормальных средств. Наоборот, вы потеряете все – ваши жизни!

Дэвид и Лайна старались казаться ошеломленными и испуганными. Ломакс играл свою роль, а они – свою.

Ситуация была очень любопытной, не имеющей прецедентов в истории человечества.

Действительно, обе стороны имели основание так себя вести.

Глядя на Ломакса, который опустил глаза, Лайна с сожалением и отчаянием сказала:

– Мы прибыли сюда, думая, что нужна наша помощь, искренне желая помочь. А с нами обращаются, как с обычными преступниками, обвиняемыми бог знает в чем. Нам не было предъявлено какое-либо обвинение, зато отказано в законной процедуре. Мы не заслужили такого обращения.

– Чрезвычайные обстоятельства требуют особых методов, – ответил Ломакс, даже не пошевелившись. – Речь идет не о том, что вы сделали, а о том, что вы можете совершить.

– Нельзя ли выразаться яснее?

– Пожалуйста, успокойтесь. Я как раз собираюсь об этом говорить. – Он вновь вернулся к своим бумагам. – Здесь собрано достаточно фактов, чтобы вы поняли причину этой встречи. Некоторые дела привлекли внимание Всемирного Совета...

– Благодаря интригану по имени Торстерн? – спросил Рейвен.

– ...что вынудило отдать приказ о проведении комплексного расследования вашей деятельности, – настойчиво продолжал Ломакс. – Это расследование распространяется и на женщину, с которой вы живете.

– Все это выглядит совершенно непристойно, – осуждающе сказала Лайна.

– Данные были получены из различных достоверных источников. В результате появился полный и исчерпывающий отчет, который вынудил президента Керати отдать приказ об образовании специальной комиссии для изучения дела и разработать рекомендации.

– Кто-то думает, что мы с тобой – важные птицы, – Рейвен обменялся взглядами с Лайной, которая ответила: «А я тебя об этом предупреждала».

– Составленная из двух членов Всемирного Совета и десяти ученых, эта комиссия сделала свои выводы на основании достоверных фактов использования вами сверхъестественных способностей восьми типов, шести известных и двух неизвестных. Иначе говоря, в дополнение к телепатическим способностям, которые вы

от нас никогда не скрывали, вы обладаете гипнотическими способностями такой силы, что заставили очевидцев приписать вам таланты, которыми не обладаете. Одно из двух: или очевидцам можно верить, или вы их, обманули. В любом случае результат один и тот же. Со всей очевидностью можно утверждать, что вы являетесь мутантами со многими талантами. Вы оба – мутанты из мутантов.

– А это разве преступление? – спросил Рейвен.

– У меня нет личного мнения о деле. – Ломакс наклонился вперед и на какую-то секунду схватился за живот. Его лицо стало еще бледнее. Он собрался с силами и вновь заговорил: – Пожалуйста, позвольте мне продолжить. Если бы даже эти очевидные факты больше ничего не выявили, Всемирный Совет все равно должен был согласиться с тем, что, вопреки естественным законам, в природе существуют мутанты с многими талантами. Но данные породили версию, к которой склоняются некоторые члены комиссии, в то время как другие отвергают ее, считая фантастической.

Дэвид и Лайна внимательно слушали, проявляя интерес и легкое любопытство. Они играли свою роль настолько превосходно, что, происходи все это на сцене, стоило бы досмотреть этот спектакль до конца.

– У вас есть право познакомиться с материалами. – Ломакс взял следующий лист и продолжил: – Тщательная проверка материалов ваших предков свидетельствует, что вы оба вполне можете быть людьми, резко отличающимися от сегодняшних стандартов. Это абсолютно тот же метод, при помощи которого мистер Карсон вышел на вас. Выводы сделаны не те. – На какое-то время он замолчал, скривившись от внутренней боли. Затем медленно начал говорить: – Но генетически из Дэвида Рейвена в лучшем случае мог получиться великолепный телепат, своего рода мозговой зонд с необычайной силой проникновения и восприятия. Вполне допустимо, хотя и противоречит известным законам, что вашей мозговой мощи достаточно, чтобы быть неуязвимым для гипноза. Таким образом, вы – первый известный телепат, непроницаемый для гипноза. И все. Это предел ваших унаследованных способностей. Вы не можете гипнотически воздействовать на других, так как среди ваших предков не было ни одного гипнотика.

– Может быть, это... – начала Лайна.

Ломакс прервал ее:

– Эти выводы относятся и к вам, и к вашим двум коллегам на Венере, которых сейчас так же допрашивают с аналогичными мерами предосторожности.

– И с такими же угрозами? – спросил Рейвен.

Ломакс сделал вид, что не понял.

– Часть вторая. Мы установили, что Дэвид Рейвен умер или был при смерти, но затем воскрешен. Врача, который совершил этот подвиг, нельзя допросить, так как он умер три года назад. Сам по себе этот случай – не более чем отдельный эпизод, не имеющий значения. Такое, хотя и редко, но случается. Но в совокупности с другими фактами приобретает значимость.

Прежде чем продолжить, он посмотрел на Лайну.

– Например, эта дама однажды при купании была подхвачена сильным течением и утонула. Но ее откачали при помощи искусственного дыхания. Ваши коллеги на

Венере также были на волосок от гибели.

– Вы тоже не исключение, – парировал Рейвен. – Сами нам сказали в начале разговора. Вам повезло, что вы остались живы, если это можно назвать везением!

Испытывая искушение отказаться от «удовольствия» жить в таком физическом состоянии, Ломакс вновь вернулся к своим записям:

– Третья часть не имеет к делу прямого отношения. Мистер Карсон рассказал вам об испытании экспериментального космического корабля, но он вам сказал не все. Чтобы продолжить исследования, наш космический корабль добрался до дальнего космоса. На обратном пути пилот сообщил, что его преследуют четыре НЛО неизвестного происхождения. Все, что смогли определить его приборы, – это то, что они излучают тепло и изготовлены из металла. Они двигались, вытянувшись в линию. Расстояние было слишком большим, чтобы рассмотреть их невооруженным глазом. Когда он изменил направление полета, они проделали тот же маневр. Несомненно, они преследовали корабль. Следует добавить, что скорость у них была больше, да и маневренность выше.

– И даже при таких обстоятельствах ему удалось скрыться? – скептически улыбаясь, спросил Рейвен.

– Финал этого преследования так же таинствен, как и начало, – продолжил Ломакс. – Пилот говорит, что они уже почти настигли его, как вдруг перед ними появились какие-то вспышки и молнии, что в конечном итоге и заставило их повернуть обратно и бежать. Пилот убежден, что эти четыре объекта были искусственного происхождения. Его убеждение подкреплено официальным заключением.

– А мы-то какое имеем к этому отношение?

– В космосе есть другая цивилизация, и не так далеко от нас. О формах жизни, способностях, способе мышления можно только гадать, но есть предположение, что представители этой цивилизации могут воплощаться в человеческие существа, которые умерли.

Ломакс взял следующий лист бумаги.

– Они также могут быть паразитами по природе, способными вселяться и оживлять тела других существ, принимая форму, близкую к оригиналу. У нас нет данных, чтобы продолжать исследования. Мы можем только размышлять, воображать и выдвигать бесчисленные гипотезы.

– Со страху что только не привидится, – заметил Рейвен.

– Я считаю, что все это крайне глупо, – сказала Лайна. – Вы в самом деле предполагаете, что мы можем быть этими сверхъестественными умными паразитами, пришедшими из других миров?

– Я ничего не предполагаю, мадам. Я всего лишь читаю материалы, подготовленные моим начальством. А ему у меня нет оснований не доверять. В конце концов, это моя работа.

– И куда все это приведет?

– Комиссия сообщила Керати, что вы двое и эта пара с Венеры принадлежите к

одному типу. В то же время они не смогли определить с достаточной точностью происхождение этого типа. Исходя из законов генетики, вы должны были унаследовать самые сильные способности, но это не так. Значит, генетические законы не работают. С другой стороны, вы можете быть внеземными формами жизни, принявшими облик людей и жившими среди нас до последнего времени вне подозрений.

– С какой целью?

– Намерения других форм жизни покрыты тайной. Мы ничего о них не знаем. Но мы, однако, можем предположить с достаточной долей вероятности.

– И что же?

– Если бы у этих новых форм жизни были добрые намерения, они попытались бы установить контакт открыто, не прячась.

– Вы хотите сказать, что скрытые контакты – это доказательство злых намерений?

– Совершенно верно!

– Я не могу избавиться от абсурдной мысли, что человеческие существа – это не человеческие существа, – с горечью сказала Лайна.

– Повторяю еще раз, мадам, – с холодной вежливостью сказал Ломакс. – Я здесь не для того, чтобы делать предположения. Моя задача состоит в том, чтобы проинформировать вас о выводах специалистов. А они утверждают, что вы или супермутанты, или внеземные формы жизни. И склоняются к последней версии.

– Я считаю, что они просто безрассудны, – заявила Лайна.

Ломакс не обратил на замечание никакого внимания и продолжил:

– Если в самом деле представители другой цивилизации без нашего ведома засылают к нам разведчиков, то способ, к которому они прибегают, не выдерживает критики. Преступно пробираться в дом через окно. Порядочный человек стучит в дверь главного входа.

– Тут я с вами согласен, – невозмутимо сказал Рейвен.

– Таким образом, если достаточно мощная и развитая цивилизация для завоевания космического пространства внедрила в наши ряды секретный передовой дозор, это означает, что в скором времени человечество столкнется с величайшим в своей истории кризисом! Этим и объясняется неординарность этой процедуры. Иноземные захватчики находятся вне наших законов, поэтому не могут рассчитывать на их защиту.

– Понимаю. – Погладив подбородок, Рейвен задумчиво посмотрел на собеседника. – И что мы должны делать в связи со всеми этими бредовыми умозаключениями?

– Все будет зависеть сейчас от того, сможете ли вы убедительно доказать, что вы – человеческие существа, а не какая-то другая форма жизни. Доказательства должны быть очевидными, опровергнуть которые будет невозможно.

Рейвен всем видом показывал раздражение:

– Черт бы вас побрал, а вы сами сможете доказать, что не являетесь пришельцем откуда-нибудь с Сириуса?

– Я не собираюсь вступать с вами в дискуссию, а также не позволю, чтобы вы выводили меня из эмоционального равновесия.

При этом Ломакс указал на последний лежащий перед ним лист.

– Меня интересует только то, что указано здесь. А здесь говорится, что вы должны представить неопровержимые доказательства того, что являетесь человеческими существами земного происхождения, хотя и относитесь к высшей форме жизни.

– В противном случае?..

– Земля будет вынуждена защитить себя всеми возможными способами. В качестве первого шага она уничтожит нас троих, одновременно продолжая переговоры с той парочкой на Венере и готовясь к отражению любой атаки извне.

– Ха! Вы сказали «нас троих». Ничего хорошего для вас, не так ли?

– Я уже объяснил вам, почему был выбран именно я, – напомнил Ломакс. – Я почти готов отправиться в мир иной, если это будет необходимо, особенно после того, как меня заверили, что все произойдет быстро и безболезненно.

– Это уже приятно, – загадочно произнесла Лайна.

Ломакс же продолжил, глядя на них:

– Я умру вместе с вами только для того, чтобы лишить вас последнего шанса на побег. Вместе со мной у вас не будет ни малейшей возможности выжить. Даже если вы действительно являетесь новыми формами жизни, то все равно вы не сможете выйти отсюда в обличье человека, которого зовут Ломакс. Мы или выживем вместе, или умрем, в зависимости от того, представите вы доказательства или нет.

Ломакс выглядел почти довольным сказанным. Впервые его физическое состояние дало ему такую власть и сделало непобедимым. Если один из соперников охвачен страхом, а другой – нет, то результат борьбы предreshен: поражение ждет труса.

На этот счет ни он, ни тот, кто планировал данную ситуацию, не обманывались. Сложнее было скрыть данный факт от жертв, обладающих даром предвидения.

Соответствующим данной ситуации тоном Рейвен сказал:

– От рук людей, страдающих хронической подозрительностью и охваченных безудержным страхом, погибло множество невинных. В этом мире никогда не переставали охотиться на ведьм... Каким временем мы располагаем, чтобы доказать нашу невиновность? Есть ли какие-то ограничения?

– Дело не во времени. Вы или представляете доказательства, или нет. Если вы сможете доказать, начинайте немедленно. Если же нет, то рано или поздно вы придете в отчаяние. И тогда вы попытаетесь во что бы то ни стало спастись. Если это произойдет, я сделаю... – его голос прервался.

– Вы отреагируете?

– И очень эффективно! – Ломакс оперся локтями на письменный стол, положил подбородок на руки и принял вид человека, готового к неизбежному. – Я очень спокоен, и у вас есть полная свобода пользоваться этим преимуществом. Но мой вам совет не затягивать на неделю.

– Еще одна угроза.

– Нет, это дружеское предупреждение., – поправил Ломакс. – Хотя пара на Венере дала гораздо меньше поводов для подозрений, с ними обращаются точно так же. Судьба у всех четверых – одна: или будете выпущены на свободу, или казнены все вместе.

– Стало быть, между нами существует связь? – спросил Рейвен.

– Да. Чрезвычайные меры здесь побудили сделать то же самое там. По этой причине мы и изолировали обе пары одновременно. Чем больше времени потратит одна пара, тем больше вероятность, что другая пара определит ее судьбу.

– Ну что ж, достойное решение, – согласился Рейвен.

– У вас имеется две возможности навсегда распрощаться с этим миром: от моих рук, если вы меня к этому вынудите, или от рук ваших коллег на Венере. – Улыбнувшись, он добавил: – Вы сейчас находитесь в положении человека, который утверждает, что он мог справиться со своими врагами, но только господь бог может спасти его от друзей.

Глубоко вздохнув, Рейвен откинулся на спинку скамьи, закрыв глаза, словно хотел сконцентрироваться на возникшей проблеме.

«Чарлз! Чарлз!»

Ответ пришел не сразу, так, как Чарлз был поглощен своим собственным положением и вынужден был отвлечься.

«Да, Дэвид?»

«О чем сейчас ваш разговор?»

«О том, что денебы напали на землянина, но были обращены в бегство. Я не могу думать об этом».

«Вы отстаете от нас на несколько минут. Мы приближаемся к концу. Кто вас допрашивает?»

«Очень старый человек. Очень умный, но жить ему осталось совсем немного».

«У нас – молодой, – сообщил Рейвен. – Грустный случай. Настолько, что не будет ничего странного, если вдруг с ним случится сильный приступ и он умрет от перенапряжения в нашей беседе. Все будет выглядеть очень естественно, и запись на магнитофоне не вызовет подозрений. Печально, но естественно. Думаю, что мы с успехом сможем прикрыться и создадим вам преимущество».

«Что ты предлагаешь?»

«Мы разыграем перед микрофонами маленькую драму и постараемся как можно правдоподобнее изобразить свою невиновность. Затем с ним случится приступ, мыотреагируем очень естественно на это, потому что он ничего не сможет сделать. В результате вы выпутаетесь из этой западни, так как мы здесь закончим раньше и вам

не придется что-либо говорить в свою защиту».

«Сколько времени это займет?»

«Несколько минут».

Открыв глаза и сев с таким видом, словно он только что нашел блестящее, дающее надежду решение, Рейвен возбужденно сказал:

– Послушайте, если моя жизнь известна вам до мельчайших подробностей, то очевидно, что мое тело было похищено во время моей смерти и воскрешения.

– Без комментариев, – сказал Ломакс. – Решать будут другие.

– Они согласятся со мной, – уверенно заявил Рейвен. – Если вы настаиваете на том, что новые формы жизни могут воспользоваться чьим-то телом, то как они смогут украсть такое нематериальное явление, как память?

– Вопросы не ко мне. Я не являюсь экспертом. Но продолжайте.

– А если я смогу привести несколько детских воспоминаний начиная с трех лет, – продолжил с видом триумфатора Рейвен, – и большая их часть будет подтверждена и ныне живущими людьми, как завершится мое дело?

– Я не знаю, – ответил Ломакс. – Ваше предложение сейчас изучается где-то в верхах. Мне дадут знать, можете вы или нет продолжать защищаться избранным способом.

– А если я представлю свидетельства, что в юности я сознательно подавлял свои способности, чтобы не выглядеть монстром? Если я докажу вам, что объединение четверых в одну группу из-за этих способностей высосано из пальца?

– Будет этого достаточно или нет, мы скоро узнаем, – уклончиво ответил Ломакс. – Если вам больше нечего сказать, то настал момент.

Осмотревшись по сторонам, Рейвен увидел глазки телекамер, провода от магнитофона, спрятанные глубоко в стене, маленькую кнопку на полу рядом с правой ногой Ломакса, провода, тянущиеся к установленному в подвале аппарату. Без всякого труда он мысленно обследовал машину и вычислил эффективность смертоносных лучей, которые она должна была произвести.

Они с Лайной обратили на это внимание сразу, как только вошли. Отсоединить провода было нетрудным делом при помощи телекинеза, даже не двигаясь с места. Очень легко было нажать кнопку или испортить генератор там внизу. И вопреки уверенности Ломакса, путь был бы свободен. Но, к несчастью, успешным мог быть только уход в совокупности со всеми другими действиями.

Нынешняя ситуация показала, что даже частица правды не могла укрыться в мозгу человека без страха, что однажды она станет известна другим. Незнание служило своего рода защитой для людей, и они стремились сохранить его во что бы то ни стало. Даже маленькое знание могло стать очень опасным. Они не могли иметь на это право никогда.

Будто случайно его рука коснулась руки Лайны, делая знак, чтобы они действовали заодно. Нужно быть осторожными, так как за ними внимательно наблюдали. Кроме того, был еще бесстрастный магнитофон, маленькая кнопка и генератор смертоносных лучей.

– Всегда были и есть мутанты, отличающиеся от уже известных, – словно извиняясь, сказал Рейвен. – А это приводит к тому, что вся генеалогическая информация становится необъективной и ошибочной. Например, если мой дед по материнской линии, будучи неисправимым мошенником, тщательно скрывал свои гипнотические способности и пользовался ими только в незаконных целях, это доказывает, что...

Он перестал говорить, так как Ломакса опять схватил внутренний спазм и он наклонился вперед. Прежде чем Ломакс успел прийти в себя, Лайна закричала:

– Дэвид, смотри! Что с вами, Ломакс?

Одновременно мыслительная энергия обоих с неудержимой силой пробила мозговую защиту Ломакса. Он слышал восклицание Лайны, а затем словно кинжал пронзил его мозг. Он еще больше склонился вперед, автоматически его нога нажала на кнопку.

Какое-то мгновение его мозг кричал: «Я достал его! О господи, я...»

Затем крик прекратился.

Наступил период хаоса и абсолютной неразберихи. Что могло произойти после того, как Ломакс нажал на кнопку? Служили ли он и двое его собеседников в качестве подопытных кроликов при испытании нового и ужасного изобретения? Был ли он заброшен в прошлое, будущее или в какое-то иное измерение? Или, что гораздо хуже, ему дали мозг-инвалид, как и его тело?

Ему показалось, что он больше не чувствует той изматывающей, бесконечной боли, которая за последние два года превратила его жизнь в ад. Медленно, но уверенно он стал вновь ощущать себя, как маленький ребенок. То ему казалось, что он парит вверх-вниз среди больших и малых сверкающих пузырей, то плывет неуправляемым кораблем по большой реке, покрытой удивительными пузырями.

Боль несомненно исчезла, осталось только это сонное мечтательное состояние на разноцветном ложе. Он дремал и готов был находиться в этом состоянии всегда.

Но затем его мозг пробудился, до него донесся целый хор голосов, которые можно было не столько услышать, сколько почувствовать.

Некоторые говорили короткими рублеными фразами откуда-то очень издалека. Другие шептали где-то совсем рядом, парили близко, среди дыма, пузырей и разноцветностью пространства, и говорили загадочные вещи:

«Оставайтесь с ним!»

«У него не должно быть отрицательных реакций, но все же будьте с ним, чтобы избежать опасных проявлений, как у Стина».

«Он говорил, что готов к этому, значит, приспособится быстро».

«Это всегда нелегко, как бы мы ни были готовы».

«Он должен усвоить, что ни один человек не может быть врагом».

«Цветок не может ненавидеть семена, а птица – свое яйцо».

Появились у него и другие ощущения, пока он размышлял о том, является ли этот

бред следствием мозговой травмы или нет. В этом хаосе он вдруг осознал, что Рейвен и Лайна находятся вместе с ним, разделяя его сон. Они как бы поддерживали его, в то же время не касаясь, и все вместе неслись куда-то сквозь мглу и эти ослепительные пузыри. Пузыри были несколько другими, но сейчас, несомненно, он уже знал, что это такое. Он словно смог проникнуть сквозь их радужную оболочку и все увидеть.

Неожиданно туманное ощущение приобрело ясность. Сверкающие пузыри превратились в солнца и планеты, продолжающие свой извечный путь в бездонных глубинах космоса. Новый образ не был стереоскопическим, был лишен перспективы, но обладал автоматическим и чрезвычайно точным расчетом расстояний.

Продолжая оставаться вместе с Рейвеном и Лайной, он услышал крик: «Чарлз! Чарлз!» – и слабый ответ, пришедший очень издалека: «Лечу, Дэвид!» Имена, которые произносились, были другими, но он почему-то думал об этих и знал, к кому относились новые имена.

Поверхности многих миров были прекрасно видны. Там жили странные существа, копошились личинки, рептилии, пресмыкающиеся, индивиды в форме волны, существа самых разнообразных типов, большая часть которых явно была из нижней части соответствующей шкалы развития.

Вдалеке сновали узкие, похожие на карандаш корабли черного цвета с реактивными двигателями. Они исследовали другие миры, патрулируя пространство между ними, составляли различные карты и передавали данные на базу. И конца этому движению не было видно. Денебы?

По его мнению, они были господами мироздания. Но у денебов был один недостаток: они не могли примириться с мыслью, что космос может быть поделен с цивилизацией, равной им или превосходящей.

А были и такие!

Поэтому столетиями они яростно рыскали в космосе, словно соревнуясь с кем-то. Это становилось невыносимым. Если бы они смогли отыскать источник соперничества, то положили бы ему конец.

Ломакс почувствовал особый интерес к этому последнему типу созданий.

Вполне вероятно, что среди них были индивиды с паранормальными способностями. Они ощущали себя элитой из-за того, что могли какое-то время реализовать эти способности. Некоторые могли читать мысли своих товарищей вплоть до горизонта. Некоторые могли внушить страх своим товарищам и заставить их беспрекословно подчиняться.

Несомненно, каждая группа обладала своей культурой, философией и теологией. Будучи неспособными допустить даже мысль о существовании чего-то более развитого, некоторые стали считать себя сотворенными по образу и подобию Высшего разума.

Время от времени какой-нибудь смельчак выбирался из своего убежища, бежал от привычных условий исследовать мрак космоса, как ночная бабочка бесконечно паря в ночи.

Постепенно все огромное разнообразие жизни наполнило личность Ломакса, привело в порядок всю информацию. Он увидел Рейвена и Лайну, живых и бесконечно

могущественных. Вместе с ними были Чарлз и Мэвис, которых раньше он никогда не видел. Они все еще его сопровождали, помогая ему, присматривая за ним и побуждая приспособиться к окружающему. Личинки! Птицы!

«Наши птицы ожидают вашего естественного превращения! Если бы денебы смогли распознать правду при помощи кого-нибудь с проницательным мозгом, они бы методично уничтожили всех. Если какая-нибудь личинка узнает слишком много, все может быть зверски уничтожено в зародыше».

«Никогда! – заверил тот, кого он раньше знал как Рейвена. – Никогда ни один из них ничего не узнает: В каждом гнезде два разведчика, каждый живет в теле личинки, так же, как я жил в теле Дэвида Рейвена с его разрешения. Они являются стражами, но непременно по парам».

«Чтобы наблюдать, нужен всего один. Но чтобы разрушить одиночество Земли, нужны двое».

«Место, которое мы оставили, вакантно?»

«Там уже находится другая пара».

Понемногу они начали отпускать его, молча передвигаясь в бескрайних просторах, которые и были их полем деятельности. Денебы были самыми могущественными в пределах этих пузырей, но *эти* были еще могущественнее, так как их ничто не ограничивало. Это были сверхчувствительные создания с многими талантами, с широко раскрытыми глазами.

«Эти слабые двуногие создания, как они называют сами себя? – попытался вспомнить Ломакс. – Ах да! Человек Разумный! Некоторые из них возомнили себя Высшим разумом. В определенной степени это печально, даже трогательно».

Инстинктивно, как ребенок делает свои первые шаги или котенок выпускает когти, он задвигался, стремительно опустил вниз, чтобы разбудить своих товарищей.

Он никогда не чувствовал себя таким живым, как сейчас. Он был полон бурного ликования, потому что знал, во что превратился сам и во что превратятся маленькие личинки: **ЧЕЛОВЕК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ!**